

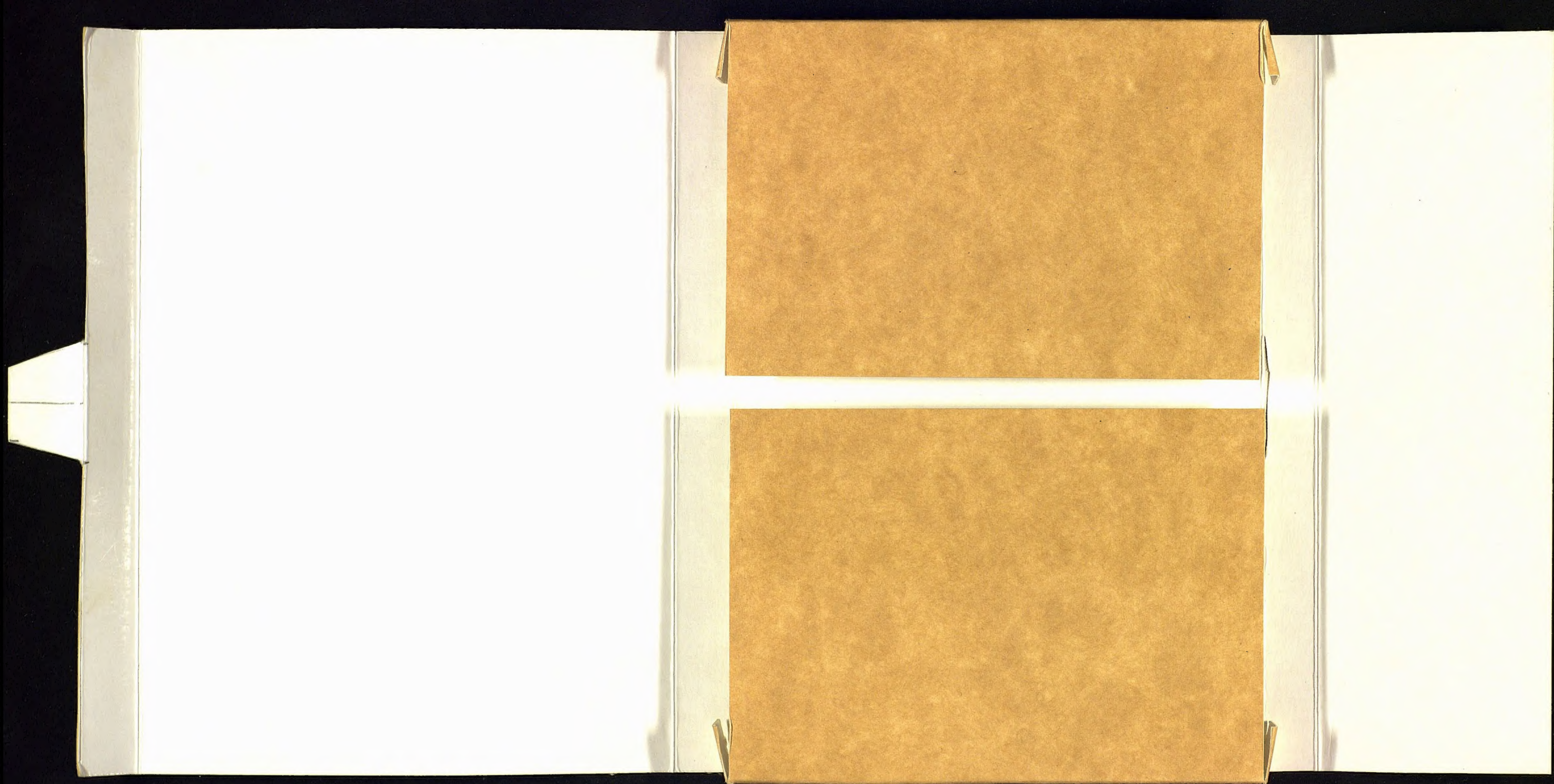
С 91/98/
Т 66

Тревор-Бетти О.
Во льдах и сметах

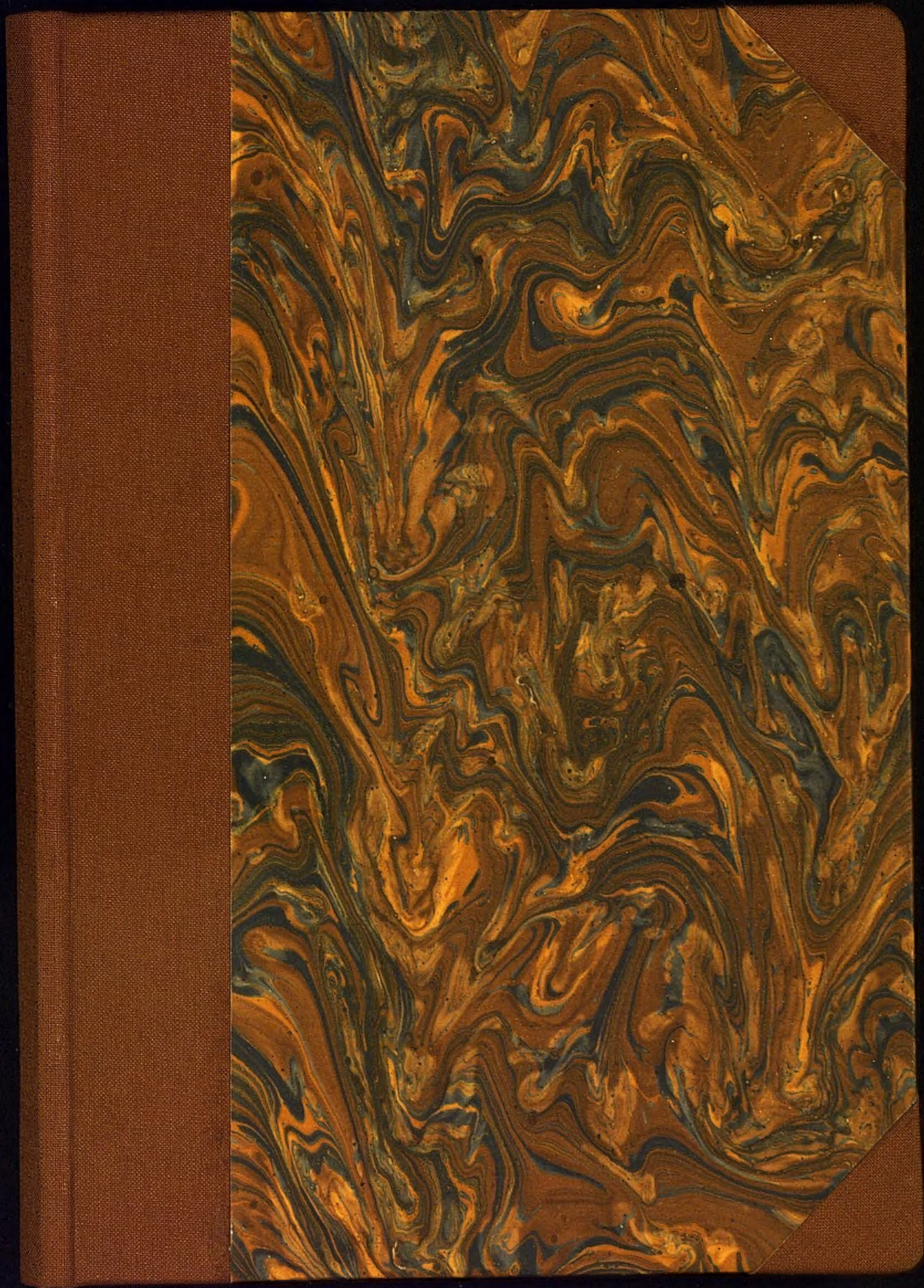
1897.

к. 151391

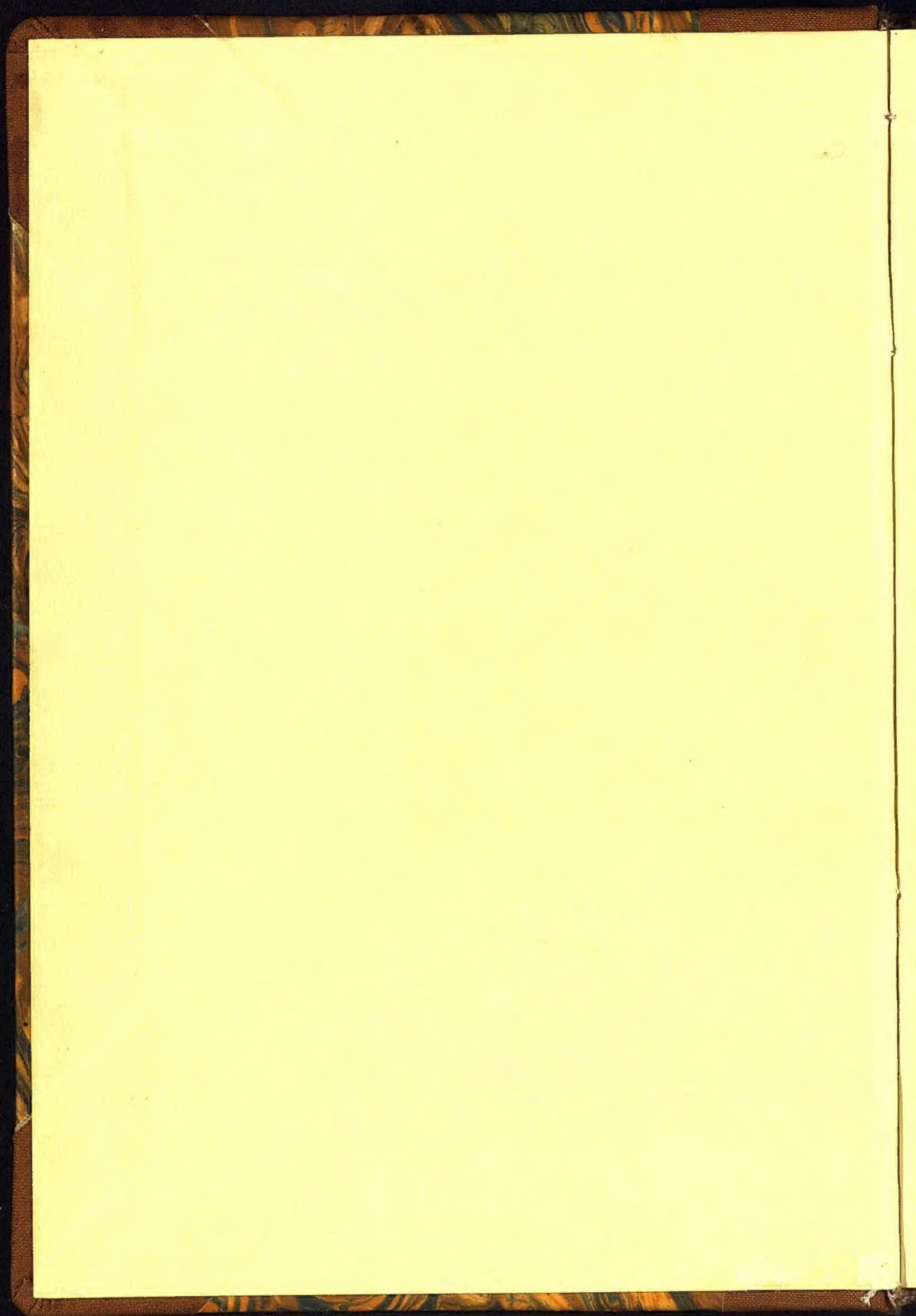

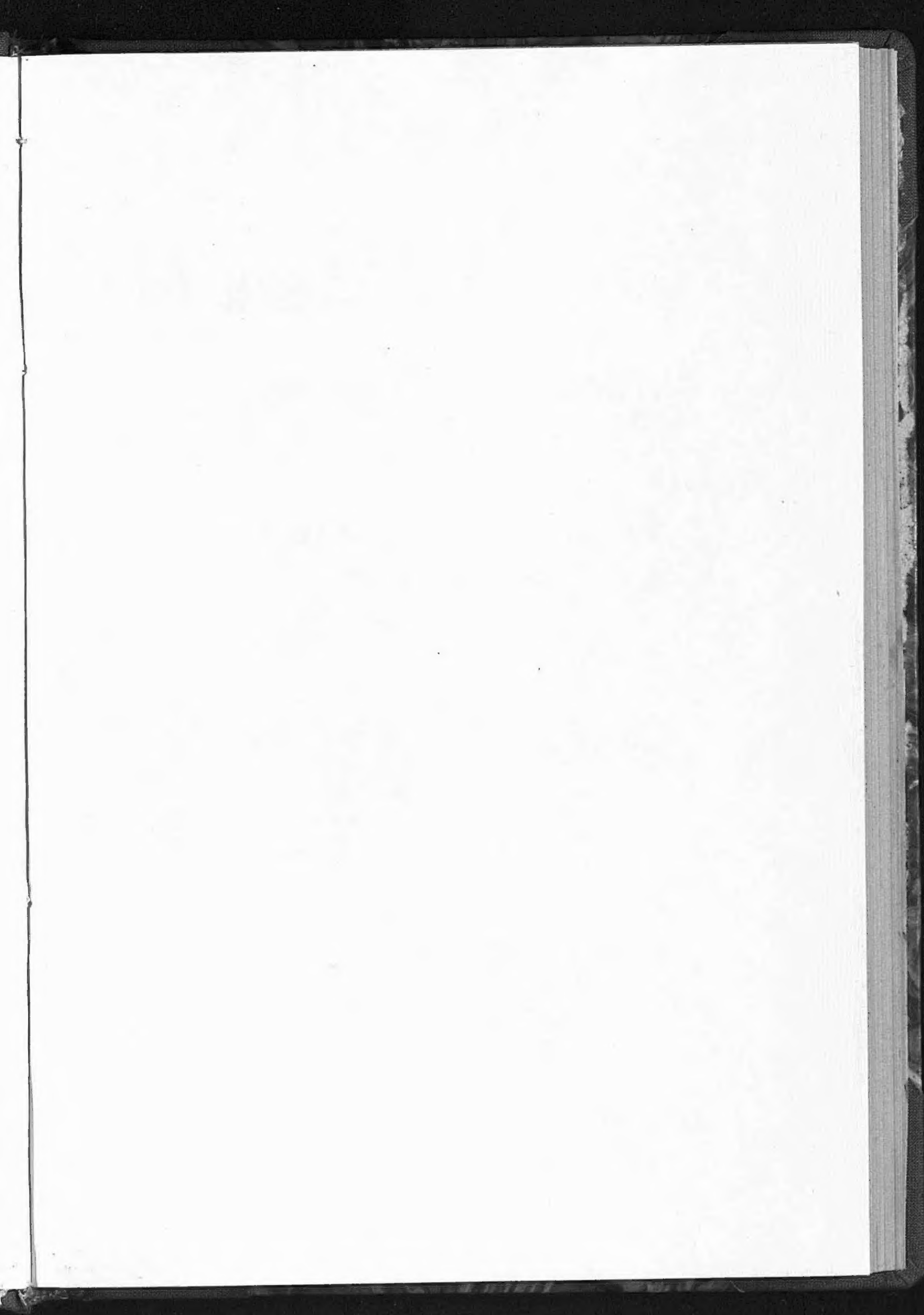

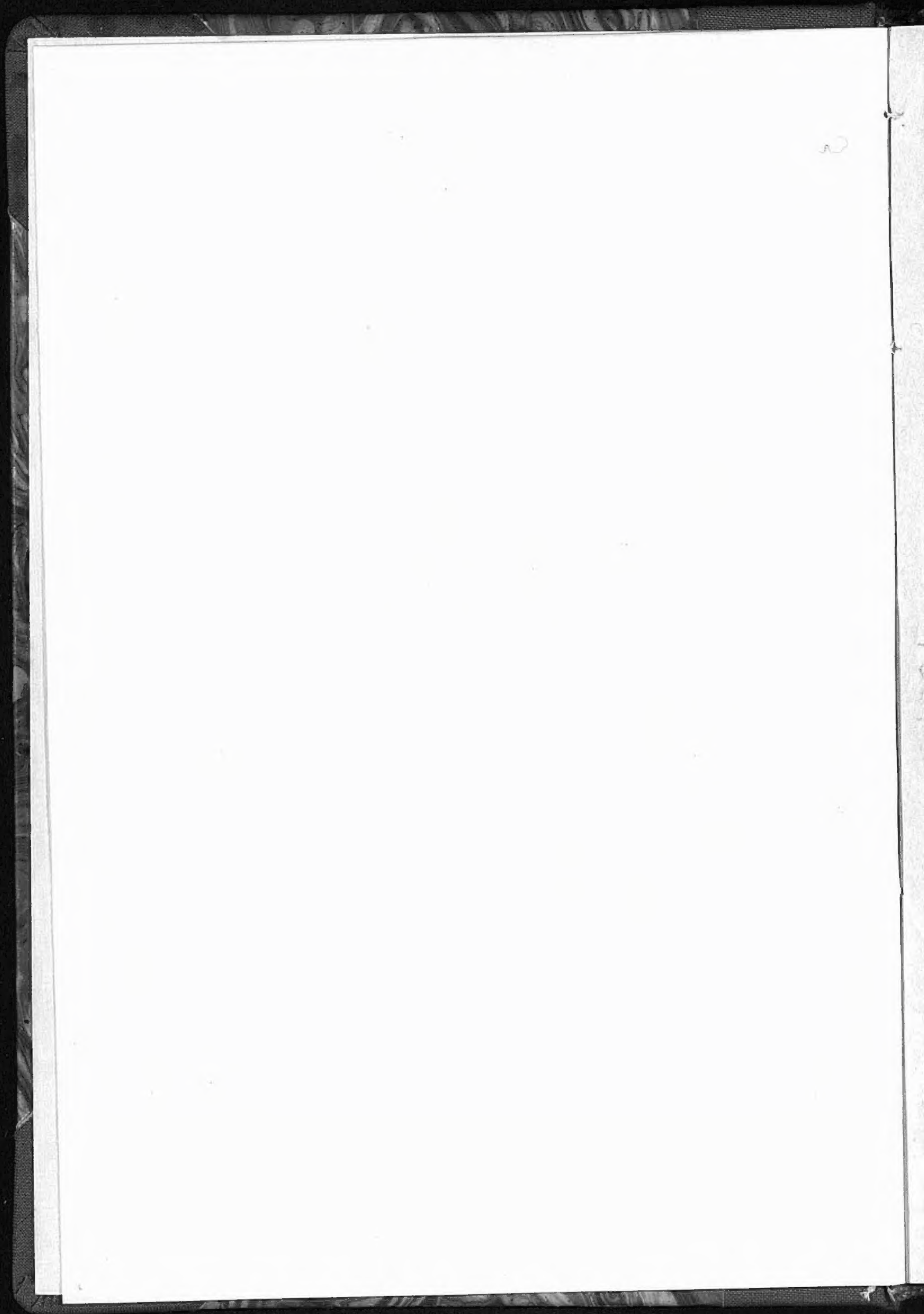

914
Т 66

О. ТРЕВОРЪ-БЕТТИ.

с 91(98)
Т 66

ВО ЛЬДАХЪ И СНѢГАХЪ.

(Путешествіе на островъ Колгуевъ).

№ 2671

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

А. Филиппова.

(Съ 13 рис. и картою).

Кабинет Севера
Обл. Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

1966 г.

055

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12.
1897.

3062к

Кабинет Севера.

91(98)

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 22 Августа 1897 г.

1995

2010

2002

151391

ПРЕДИСЛОВІЕ.

О-въ Колгуевъ давно уже принадлежитъ, какъ извѣстно, Россіи; тѣмъ не менѣе до сихъ поръ мы имѣли о немъ очень смутныя понятія: путешественники рѣдко посѣщали эту ледяную, унылую страну. Только недавнее путешествіе англичанъ (въ 1894 г.) познакомило насъ съ этимъ пустыннымъ островомъ. Оказалось, что это, прежде всего, не совсѣмъ пустыня: здѣсь живутъ и даже чувствуютъ себя счастливыми люди (самоѣды); скупая здѣсь на свои дары природа набросала за то живописные ландшафты, дикіе, но величественные по своей красотѣ.

Эту-то своеобразную прелесть сѣверной природы, оригинальные нравы обитателей этихъ ледяныхъ пустынь и рисуетъ намъ авторъ, года три тому назадъ посѣтившій и изслѣдовавшій страну. Описаніе ведется въ живомъ, увлекательномъ тонѣ и сразу такъ заинтересовываетъ читателя, что онъ уже не можетъ оторваться отъ книги. Особенно останавливаютъ на себѣ вниманіе рассказы путешественника объ его приключеніяхъ и частыхъ столкновеніяхъ съ сынами угрюмыхъ тундръ—самоѣдами, вся жизнь которыхъ возстаетъ предъ читателями, какъ на яву.

Англійскій путешественникъ О. Треворъ - Бетти (Aubyn Trevor - Batty), я который ведетъ здѣсь разсказъ, пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ въ этой ледяной пустынѣ и собралъ богатѣйшій матеріалъ по природѣ страны и нравамъ ея кочующихъ обитателей — самоѣдовъ.

Его книга сразу же такъ заинтересовала общество, что вскорѣ послѣ выхода первое изданіе ея разошлось безъ остатка и понадобилось второе изданіе. Можно надѣяться, что и въ русскомъ обществѣ это замѣчательное произведеніе англійскаго путешественника и натуралиста встрѣтитъ такой-же пріемъ, такъ какъ Колгуевъ—исконное русское владѣніе и долженъ интересовать собою всѣхъ истинно русскихъ людей.

Переводчикъ

I.

Нѣсколько словъ объ изслѣдованіи Колгуева.—Экспедиція Тревора-Бетти.—Исторія путешествій на этотъ островъ.—Разказы поморовъ о Колгуевѣ и его обитателяхъ.—Охота на пернатую дичь и рыбная ловля.

Колгуевъ лежитъ всего въ 150 верстахъ отъ сѣверныхъ береговъ Европы и можетъ поэтому разсматриваться какъ европейскій островъ. Взглядъ на карту показываетъ, что онъ—единственный островъ въ той части Ледовитаго океана, которая извѣстна подъ названіемъ Баренцова моря. Настало ужъ, кажется, время, когда слѣдуетъ знать объ этомъ островѣ нѣчто большее, чѣмъ можно почерпнуть изъ отрывочныхъ упоминаній о немъ въ старинныхъ книгахъ. Изслѣдованіе этого острова, расположеннаго близъ границы Европы и Азіи, обѣщаетъ богатую жатву для натуралиста.

Осенью 1893 года я ѣздилъ на торговомъ суднѣ изъ Англіи въ Бѣлое море, съ цѣлью получить какія-нибудь свѣдѣнія о Колгуевѣ. Мнѣ это не удалось. Я обращался къ архангельскому губернатору. Онъ очень любезно меня принялъ, но признался неосвѣдомленнымъ объ этомъ предметѣ. „Впрочемъ“, прибавилъ онъ, „когда въ будущемъ году моя канонерка пойдетъ на Новую Землю, она можетъ высадить васъ на Колгуевъ“. Это было любезное предложеніе, но, къ сожалѣнію, я не могъ его принять, такъ какъ упомянутая канонерка выходитъ въ слишкомъ позднее время года для моей цѣли. Я обращался къ купцамъ и рыбакамъ, обращался къ Соловецкимъ монахамъ—но безъ результата.

Никто ничего не зналъ о Колгуевѣ; но всѣ были согласны въ томъ, что это—скверное мѣсто. И я вернулся въ Англію, не солоно хлебавши, рѣшивъ отправиться на Колгуевъ въ слѣдующемъ году.

Я зналъ, что бесполезно было брать для этого исходнымъ пунктомъ Архангельскъ, такъ какъ въ началѣ лѣта Бѣлое море загромождено льдомъ. Лучше всего, казалось, поэтому, нанять въ Вардѣ моржебойный шлюпъ, который и перевезъ бы меня на мѣсто назначенія. Таковъ и былъ мой планъ первоначально. Тѣмъ временемъ мой другъ, Мервинъ Повисъ, давно мечтавшій поплавать въ полярныхъ моряхъ, рѣшилъ присоединиться ко мнѣ и для этой цѣли зафрахтовалъ паровую яхту въ 50 регистровыхъ тоннъ нетто. Это обстоятельство сразу подняло шансы моего предпріятія.

Яхта „Саксонецъ“ вышла изъ Петергеда 3-го іюля 1894 года. Экипажъ ея состоялъ изъ опытныхъ шотландскихъ китолововъ. Кромѣ того, съ нами отправился молодой человѣкъ, Томасъ Гиландъ, искусный препараторъ птицъ. Такимъ образомъ, всего на „Саксонцѣ“ было 12 человѣкъ.

Оговорюсь заранѣе, что совершенную мною поѣздку на Колгуевъ я не считаю исчерпывающей все, что можно знать объ этомъ интересномъ островѣ. Натуралистъ, посѣтившій его, найдетъ тамъ для себя еще много дѣла.

Полезны-ли окажутся или нѣтъ сдѣланныя нами опредѣленія географическаго положенія нѣкоторыхъ пунктовъ острова, во всякомъ случаѣ нужно сказать, что привезенныя нами свѣдѣнія о колгуевскихъ самоѣдахъ—чистый выигрышъ. Тотъ, кому въ будущемъ придется высадиться или потерпѣть крушеніе у его береговъ, будетъ знать теперь, что тамъ есть туземцы и что они живутъ тамъ круглый годъ.

Я неоднократно спрашивалъ у мѣстныхъ жителей, какъ произносить слово „Колгуевъ“. Хотя слово это состоитъ изъ трехъ слоговъ, но при произношеніи звучитъ какъ двухсложное: фонетически его слѣдовало бы писать поэтому Колгвевъ. Удареніе, какъ свидѣтельствуется и Максимовъ въ своей книгѣ „Годъ на Сѣверѣ“, ставится на первомъ слогѣ.

Съ именемъ Колгуева знакомы были до сихъ поръ лишь лица, интересующіяся исторіей открытій въ полярныхъ странахъ. Но и въ этой исторіи Колгуевъ занимаетъ незначительное мѣсто, что, впрочемъ, немудрено: острова, неимѣющаго гаваней и доступъ къ которому опасенъ вслѣдствіе мелей, всякій мореплаватель старается, конечно, избѣгать. Я приведу здѣсь всѣ цитаты, которыя мнѣ удалось пайти въ литературѣ о Колгуевѣ, начиная съ самыхъ старыхъ книгъ вплоть до нашего времени.

1553 годъ.—Въ этомъ году сэръ Гуго Виллоуби отправился изъ Англіи съ флотомъ изъ трехъ кораблей „Bona Esperanza“, „Edward Bonaventure“ и „Bona Confidentia“ на поиски сѣверо-восточнаго прохода въ Китай и Индію. Изъ этихъ судовъ, „Edward Bonaventure“, находившееся подъ начальствомъ Ричарда Ченслера и имѣвшее среди экипажа извѣстнаго впоследствии Стефана Бурро, было отдѣлено бурей отъ остальной флотилии, а послѣ долгихъ скитаній достигло Холмогоръ и такимъ образомъ завязало первыя торговыя сношенія Англіи съ Россіей. Экипажъ двухъ остальныхъ судовъ погибъ жертвою голода и полярной зимовки на Мурманскомъ берегу у устья р. Варсины. Дневникъ Виллоуби, однако, сохранился, и въ немъ среди описаній долгаго скитанія своего по невѣдомымъ водамъ Ледовитаго океана, Виллоуби пишетъ между прочимъ слѣдующее: „14-го августа увидѣли землю, къ каковой землѣ думали пристать, и спустили шлюпку, чтобы открыть, что это за земля, но шлюпка не могла пристать къ берегу по причинѣ мелководья и большого скопленія льда. Къ тому же на землѣ не было признаковъ человѣческаго обитанія. Земля лежитъ къ сѣверо-востоку отъ Сейнама въ разстояніи отъ него 160 миль и подъ широтою 72°“. (Hakluyt, vol. I, p. 236).—Гдѣ находилась эта „Земля Виллоуби“? Позднѣйшіе писатели считали ее за Новую Землю и географы приняи это мнѣніе. Норденшѣльдъ предполагаетъ, что это Колгуевъ и это хорошо согласуется съ вышеприведенными данными, не смотря на разницу въ широтахъ на 2°.

1556.—И въ этомъ году Стефанъ Бурро (Stephen Burrough), впослѣдствіи главный лоцманъ Англіи, видѣлъ Колгуевъ, когда шелъ на востокъ въ свое памятное путешествіе, во время котораго онъ открылъ Карскія Ворота. Отчетъ объ его путешествіи озаглавленъ: „Плаваніе для открытій къ р. Обь, совершенное Стефаномъ Бурро, командиромъ плюпа „Искатель“ (Serchthrift), въ 1556 году, причемъ случились многія вещи, достойныя замѣчанія“. Въ этомъ описаніи читаемъ: „15-го августа бросали лоть и нашли на глубинѣ 29 фатомовъ дно, состоящее изъ черпаго песчаного ила; тогдамы находились къ сѣверо-востоку отъ сѣверо-восточной части острова Колгуева (Colgoiue)“ (Purchas his Pilgrimes 1589—99 до 1601).

1580.—Петъ и Джакманъ плавали въ этомъ году по порученію „англійской компаніи купцовъ, торгующихъ съ Россіей“, на востокъ „въ страны и владѣнія могущественнаго принца, императора китайскаго, а также въ города Камбалу и Квиписей“. Конечно, ни страны эти, ни города не были достигнуты, но на обратномъ пути отъ Вайгача, Петъ и Джакманъ посадили свои суда, 20-го августа, на песчанья мели, находящіяся къ югу отъ Колгуева. Отчетъ ихъ говоритъ такъ: „Въ 12 час. очутились мы внезапно въ мелкой водѣ между большими мелями и не могли найти выхода оттуда. Пока мы бросали лоть и искали дороги, мы сѣли на мель; опасности никакой не было, такъ какъ вѣтеръ дулъ съ берега, а ночью наступило затишье. Всю ночь, несмотря на наши усилія, мы не могли снять суда съ мели. Эти мелкія мѣста лежатъ у Колгуева (Colgoyeue); это—далеко распространяющееся, совершенно плоское мѣсто, возвышающееся надъ водой на 2 — 3 фута“. (Hugh Smith in Hakluyt, vol. I, p. 508, edit. 1810).

1594.—Знаменитый голландскій изслѣдователь, Вилліамъ Баренцъ, во время своего перваго путешествія, „14-го августа прошелъ въ 5 или 6 миляхъ съ юго-запада мимо земли, которая (какъ онъ зналъ) была островъ Колгуевъ (Colgoyeu)“ (The Three Voyages of William Barents

by Gerrit de Veer, Hakluyt Society's Edition, 1876, № LIV, p. 35.

1611.—Ричардъ Финчъ въ письмѣ къ сэру Томасу Смиту, директору „Компаніи англійскихъ купцовъ, торгующихъ въ Россіи“, писалъ слѣдующее: „Седьмого августа, Вильямъ и я пристали на шлюпкѣ къ берегу. Этотъ Колгуевъ (Colgoieue) очень длинный и широкій островъ съ многочисленными долинами. Онъ изобилуетъ гусями, которыхъ русскіе ловятъ въ сѣти въ то время года, когда тѣ линяютъ. На этомъ островѣ, повидимому, много соколовъ. Здѣсь Вильямъ Гурдонъ и нашъ плотникъ поймали двухъ соколовъ, изъ коихъ одинъ пострадалъ при поимкѣ, другой остался живымъ“ (Purchas his Pilgrimes, vol III, book 3, chap. IX). И самъ Вильямъ Гурдонъ пишетъ въ томъ же году: „третьяго (августа) въ полдень мы увидѣли островъ Колгуевъ (Colgoieue) и, находясь на сѣверной сторонѣ острова, опредѣлили широту, которая оказалась 60°20'; ночью я вышелъ на берегъ, чтобы посмотрѣть землю, которая оказалась высокой глинистой почвой; я пошелъ туда, гдѣ были гнѣзда соколовъ, но они улетѣли всѣ, за исключеніемъ одного, котораго я поймалъ и принесъ на судно. Этотъ островъ Колгуевъ находится всего въ 30 миляхъ отъ Печорскаго бара“ (Ibid., chap. VIII).

Кажется, что русскія карты Колгуева, существовавшія въ началѣ нынѣшняго столѣтія, составлены были мелкими торговцами, поморами противоположнаго берега материка. Никакой попытки фиксировать географическое мѣстоположеніе не было сдѣлано до 1823—1824 гг., т. е. на протяженіи почти трехъ столѣтій со времени смерти Виллоуби.

1823—1824 г.—Въ эти годы адмиралъ Литке, во время своего третьяго и четвертаго путешествія на Новую Землю, крейсировалъ у береговъ Колгуева и опредѣлилъ широту и долготу сѣверо-западной и долготу западной оконечности его, и видѣлъ нѣкоторые пункты сѣверо-западнаго берега. (Литке, Четырехкратное путешествіе на Новую Землю).

1826.—Въ этомъ году была снаряжена русская экспе-

диція для снятія на карту части океана къ востоку отъ Бѣлаго моря до устья Печоры, и включая Колгуевъ. Эта экспедиція, подъ начальствомъ подштурмана Бережныхъ, объѣхала островъ кругомъ въ четыре дня и тѣмъ исполнила свое порученіе (Записки Гидрографическаго Департамента, V, стр. 18).

1841.—Этотъ годъ памятенъ въ исторіи Колгуева, такъ какъ тогда была сдѣлана первая попытка высадки на него съ цѣлью научнаго его изслѣдованія. Профессоръ Савельевъ въ сопровожденіи д-ра Рупрехта (консерватора Ботаническаго Музея Императорской С.-Петербургской Академіи Наукъ) дважды, въ іюль и августъ упомянутаго года, посѣтилъ этотъ островъ. Въ очень интересной статьѣ (см. Archiv für Wissenschaftliche Kunde von Russland, 1852, A. Erman, X, 313—316), въ которой Савельевъ излагаетъ результаты ихъ поѣздки, онъ говоритъ: „Сначала мы высадились на южной его оконечности у устья р. Васькиной, откуда Рупрехтъ совершилъ экскурсію во внутрь острова на оленяхъ. Проведя здѣсь десять дней, мы рѣшили объѣхать кругомъ острова и поплыли на парусахъ вдоль западнаго его берега, высаживаясь мимоходомъ у небольшой рѣчки Гусиной (69°26' сѣв. шир.) и у р. Конькиной. Но, достигнувъ сѣверной оконечности острова, мы должны были вслѣдствіе неблагопріятныхъ вѣтровъ повернуть и направиться къ Святому Носу на Тиманскомъ берегу. Въ августъ мы опять посѣтили Колгуевъ и, желая проѣхать вдоль восточнаго берега, направились въ Становой шарокъ, гдѣ оставались шесть дней, которыми Рупрехтъ опять воспользовался для экскурсіи во внутрь острова. Нужно, однако, замѣтить, что наше пребываніе на Колгуевѣ совершенно было при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Изъ шестнадцати дней, проведенныхъ нами у устья р. Васькиной и въ Становомъ Шаркѣ погода въ теченіе десяти изъ нихъ была такова, что нечего было и думать объ изслѣдованіяхъ или экскурсіяхъ на островѣ. Сильные штормы не позволяли намъ даже оставить палатки“.

Такъ говоритъ проф. Савельевъ. Работа, сдѣланная ими

въ теченіе шести дней, имѣвшихся въ ихъ распоряженіи, какъ-бы она ни была превосходна, не могла быть, конечно, обширной, и такъ какъ я провелъ на островѣ не шесть дней, а три мѣсяца, то мнѣ удалось прибавить многое къ ихъ изслѣдованіямъ.

Въ наше время многіе арктическіе путешественники проходили къ сѣверу и сѣверо-востоку отъ Колгуева, но я нигдѣ не могъ найти никакого упоминанія, чтобы кто нибудь изъ нихъ посѣтилъ его.

1858.—Въ этомъ году С. Максимовъ напечаталъ въ „Морскомъ Сборникѣ“ то, что онъ слышалъ отъ поморовъ о Колгуевѣ. Этотъ коротенькій отчетъ, написанный оригинальнымъ, образнымъ языкомъ и вошедшій впоследствии въ сборникъ Максимова, „Годъ на сѣверѣ“, я не могу удержаться, чтобы не привести здѣсь почти цѣликомъ.

„По три дня молебная совершалъ, наканунѣ отъѣзда Св. Тайнъ Господнихъ приобщихся... Пять дней боролись мы съ морскою стихіею, преодолевая ея напоръ и волненія, и на шестыя сутки—Богу поспѣшествующу!—узрѣли, наконецъ, возжелѣнный берегъ о. Колгуева. За всѣ страданія, о коихъ считаю за благо промолчать, вознаградилъ себя тѣмъ святымъ дѣломъ, на которое уготованъ и освященъ: съѣзжая съ пустыннаго Колгуева, не оставилъ на немъ ни единого изъ живущихъ тамъ самоѣдскихъ семействъ неокрещеннымъ, въ Христа Спасителя невѣрующимъ.

„Вотъ, что слышалъ я про Колгуевъ съ одной стороны, а съ другой отъ промышленниковъ: что островъ этотъ не страшнѣй Матки (Новой Земли); что если промышленнику брезгать Колгуевымъ, то незачѣмъ было ему и на свѣтъ Божій родиться.

„На печи лежа, кромѣ пролежней, мало чего другого нажить можно, а съ моремъ игру затѣешь—умѣючи да опасливо—въ накладъ не будешь. Намъ, поморамъ, въ морскихъ плаваньяхъ не учиться стать, мало того, что малый ребенокъ умѣетъ весломъ править, баба, самая баба—ужъ чего-бы, кажись, человѣка хуже?!—а и та, что бѣлуга, что

нерьпа, лихая въ морѣ... Колгуевъ этотъ все равно, что домъ нашъ родной; полтора ста этихъ верстъ мы на попутничкѣ и въ сутки отработаемъ.

„Къ показаніямъ мезенцевъ можно прибавить еще то, что островъ Колгуевъ можно считать болѣе гостепріимнымъ и удобнымъ къ заселенію, чѣмъ два другихъ, принадлежащихъ Россіи океанскихъ острова: Новая земля и Вайгачъ... Правда, что и Колгуевъ долгое время носилъ незаслуженное имъ имя негостепріимнаго и даже пагубнаго для заселенія острова, по позднѣйшіе факты рѣшительно говорятъ противное. Правда, что 85 лѣтъ назадъ, Барминъ, архангельскій купецъ-раскольникъ выселилъ на собственное иждивеніе на островъ Колгуевъ сорокъ человѣкъ мужчинъ и женщинъ, желавшихъ основать тамъ скитъ, но всѣ переселенцы эти вымерли въ одинъ годъ (спаслось только четверо), но правда также и то, что раскольники эти большею частью были люди престарѣлые и принадлежали къ строгой аскетической сектѣ, допускавшей изъ набожности въ нѣкоторые установленные ими мѣсяцы пріемъ пищи только одинъ разъ въ недѣлю. Академикъ Озерецковскій, спутникъ Лепехипа въ его ученомъ путешествіи по сѣвернымъ берегамъ Россіи, въ 1772 году, встрѣтилъ на рѣкѣ Снопѣ (впадающей въ океанъ на Канинскомъ берегу) двухъ изъ барминскихъ прозелитовъ, до того зараженныхъ уже (до переселенія еще на Колгуевъ) скорбутомъ, что „вонь изъ ихъ ртовъ оттолкнула меня къ дверямъ избы (какъ пишетъ онъ самъ), лица ихъ были преблѣдныя, крѣпости въ тѣлѣ никакой не находилось и я съ сожалѣніемъ смотрѣлъ, что блѣдные люди пылаютъ суевѣріемъ и на Ледовитомъ океанѣ“.

„Между тѣмъ въ настоящее время на Колгуевѣ живутъ болѣе ста самоѣдовъ, лѣтъ двадцать назадъ тому выселившихся сюда, или на правахъ оленьихъ пастуховъ по найму отъ мезенскихъ богачей, или, наконецъ, по доброй волѣ (хотя это, впрочемъ, и меньшая часть). Переселенцы эти прекратили всякое сношеніе съ материкомъ и уже успѣли значительно обѣмепиться. Посѣщавшіе островъ береговые

жители видали тамъ и грудныхъ дѣтей и подростковъ, и не замѣчая въ нихъ никакихъ проявленій особенныхъ болѣзней, на себѣ самихъ не испытали ни малѣйшаго признака всегда ненавистой и всегда погибельной цынги, но, даже вернувшись домой къ осени, неизбѣжно встрѣчали такого рода привѣтствіе:—Разнесло тебя, свать, раздобрило; ужъ и впрямь, тебѣ одно надобно сказать: либо съ Мурманна тебя принесло, либо съ Колгуева. Хорошъ островокъ—дай ему Господи многіе годы!...

„Высокое скалистое положеніе острова, пять значительныхъ по величинѣ рѣкъ съ прѣсной водой (Великая, Пушпая, Кривая, Васькина и Гусиная), также нѣсколько прѣсныхъ озеръ близъ середины острова и самая середина эта, значительно поднятая надъ окрайными берегами, стало быть обуславливающая постоянно передвиженіе воздуха морскими вѣтрами, отсутствіе значительныхъ высотъ скалъ, громоздящихся на другихъ островахъ плотными стѣнами, допускающими частый застой воздуха, который заражается тамъ лѣтнею порою зловредными испареніями гнѣющей морской туры (морского гороха), наконецъ, сильное теченіе океана, прямо направляющееся мимо этого острова на Новую Землю—вотъ тѣ видимыя причины, которыя обуславливаютъ возможность существованія на островѣ Колгуевѣ жителей, помимо всѣхъ тѣхъ несчастныхъ случаевъ, могущихъ ослабить духъ предпріимчивости даже и терпѣливыхъ поморовъ. Если самоѣдскія семьи удерживаютъ на Колгуевѣ богатство оленьяго моха, выстилающаго всѣ покатоности острова и стало быть легкую возможность прокармливать оленьи стада, по мезепскихъ промышленниковъ влечетъ Колгуевъ богатствомъ перелетной птицы, въ несмѣтномъ количествѣ наполняющей этотъ островъ...

„Ѣздимъ на Колгуевъ артелью, Ѣздимъ и въ одиночку греблей, либо бѣжимъ парускомъ, какъ кого Господь взыщетъ... Вотъ и пріѣхали... На ту пору на Колгуевъ птица прилетѣла вся и ведетъ безустанный крикъ: тутъ и гусь гогочетъ крѣиче всѣхъ, тутъ и галка своимъ горлышкомъ зве-

нить словно въ стеклушки, тутъ и утка сычить, словно пьяный мужикъ съ перепоею, и чайку слышишь... Май мѣсяцъ, іюнь опять, беремъ мы эту птицу такимъ побытомъ на стрѣльну, на гнѣздахъ.. Убитую птицу мы въ кучи складываемъ, лежитъ она, матушка, тухнетъ, коли дожди льютъ, а не то и сама подирѣваетъ. Намъ это ничего, потому на больно-то хорошее не поважены: ѣдимъ и такихъ всласть, да прихваливаемъ. Ну вотъ: полежать у насъ набитые гуси, подождутъ своего череду, пока мы стрѣлять поустанемъ, или порохъ подъ исходъ пойдетъ—мы ихъ посолимъ, въ бочки сложимъ... Передъ Прокофьевымъ днемъ (въ началѣ іюля) гуси-яловики (бездѣтные) линять пачинаютъ, на самый Прокофьевъ день (8 іюля) у нихъ глухая лень бываетъ. Лениый гусь летать ужъ не можетъ, пера на немъ мало; пухъ словно выщипалъ кто. Сидитъ тотъ гусь словно обиженный: и молвы лишается и сидитъ прикурнувши, прячется и отъ человѣка таится, словно стыдится наготы-то своей. Вотъ какъ сѣлъ этотъ лениый гусь на малыхъ озерахъ да пустилъ большія въ запасъ, чтобы ходить туда за пищей денпой—мы порохъ прячемъ далеко, оружьяхъ и не вспоминаемъ, а вмѣсто нихъ беремъ за сѣти. Тутъ ужъ не работа, а масляница, и дѣло—вотъ какого толку и принаровки: на всѣхъ тѣхъ переходахъ изъ малыхъ озеръ въ большое, гдѣ гусь ходитъ любить, мы распутываемъ сѣти свои, крыльями далеко по сторонамъ, въ серединѣ у малыхъ озеръ—воротца оставляемъ для входу птицы. У воротецъ изъ тундры дѣлаемъ въѣздецъ такой: къ озеру покатый, въ серединѣ круга крутой, прекрутой, чтобы не могъ гусь драла дать назадъ, коли попалъ онъ по нашему велѣнью въ матицу сѣти. Сдѣлаемъ мы все это (а дѣло и часа времени не займетъ)—спускаемъ собакъ, сами шумимъ да лаемъ, чтобы зналъ гусь, что ему изъ малаго озера въ большое выходить надо. Тутъ нашъ братъ сноровку знай: не потянулъ бы передовикъ-гусь въ гору, помимо сѣти твоей. Потянулъ одинъ—за нимъ и всѣ побѣгутъ (таковъ ужъ у нихъ досельный обычай!); а побѣжали гуси въ гору, ты съ ними

и на оленяхъ не угопишься: круто бѣгаютъ. Отъ собакъ бѣгутъ они въ воду, отъ человѣка въ гору,—это тоже примѣта: такъ и знаемъ, а потому и творимъ дѣло съ опасомъ, не борзяся, малымъ ребятамъ не подобяся. А попалъ гусь одинъ въ воротца, за нимъ и другой и сотой побѣжить: тутъ только прыгай за нимъ, лови въ охапку да и отвертывай головки. А это ужъ малаго ребенка руководѣліе—легкая забава, безобидная!

„А не побѣгутъ въ воротца?

„Да на это человѣку и хитрость дана, для этого человѣкъ и бородой опушается—по мнѣ это такъ, да и эдакъ пожалуй, что вотъ есть и такіе хитрые сѣрые гуси—гуменники (*Anser segetum*), что хитрѣй его звѣря трудно пайти, не токмо какую слабую птицу. Любитъ этотъ гусь таиться—не скоро его отыщешь, да и отыщешь, дѣло вести съ нимъ не мутовку лизать. Мы хитрую эту птицу, на лодкахъ выѣзжаячи, на середину озера съ опасомъ великимъ сгоняемъ, да и тутъ онъ тебѣ козлы ставитъ: человѣка онъ видитъ, человѣка онъ за врага знаетъ и творитъ съ нимъ всякую кознь. Въ середину озера онъ пейдетъ, на этотъ разъ кучевой артели до смерти боится. Мы и собакъ держимъ на этотъ часъ на привязи, чтобы не зѣвали, не пугали, и веслами легонько гребемъ, а не токма разговоръ и духъ-отъ пожалуй въ себя вбираемъ. А гусь все свою жизнь бережетъ, все опасается, все оглядывается, все не тянетъ въ кругъ. Одинъ выйдетъ и на берегъ пожалуй—и все оглядывается, все человѣчью-то нашу хитрость ни въ грошъ не ставитъ, надсмѣхается. А побѣги онъ, побѣги, Христа ради!—всѣ за нимъ, всѣ за нимъ!.. ей Богу!

„Гусь-клокотъ (*Bernida brenta*), тотъ дуракъ, у того и голова-то коли не коровья съ дурости его, такъ я ужъ и не знаю чья. Гусь-клокотъ башковатостью-то своей развѣ съ одной казарой (*Anser albifrons*) спорить можетъ. Эта сударыня такая несовмѣстимая неумытная дура, что сама въ наши промысловыя избы заходитъ... И вотъ вывозимъ мы съ Колгуева острова гусей этихъ самыхъ по общей смѣткѣ

сказываютъ, сто тысячъ штукъ. А могли бы и больше—ну, да это ладно! объ этомъ я теперь и вспоминать больше не стану, а поведу тебѣ рѣчь свою къ концу и на пущую доuku о томъ, что на нашъ Колгуевъ еще груманскіа (шпицбергенскіа) гаги (*Colymbus adamsi*) прилетаютъ,—это—турпаны. Это не то тебѣ утка морская, не то настоящаа гага (*Colymbus arcticus*), а прилетаетъ ее на Колгуевъ несмѣтное тоже число. Садятся онѣ больше на лѣтней (южной) сторонѣ, на меляхъ Кривачьихъ или Тонкихъ Кошкахъ (корги-то эти и море, почестъ, никогда не топить, не заливааетъ водой). Сидятъ онѣ тутъ не кричатъ, въ кругахъ, а выгонишь ихъ въ гору къ сѣтямъ—бѣгутъ не долго, сейчасъ отдохнуть сядутъ, потому больно жирны и пахнутъ. Тутъ ихъ не стрѣлай, а то всѣ въ растеку ударятся, а гони опять: безотмѣнно въ сѣти попадутъ, ингодъ тысячъ пять, а не то и всѣ пятнадцать за одинъ разъ. Считать ихъ только трудно бываетъ послѣ. Чѣмъ больше лодокъ пускаемъ въ ходъ, тѣмъ и удачи больше имѣемъ. Тутъ вся хитрость подогнать ихъ дальше къ берегу, не пускать въ голомя. А затѣмъ угодишь ихъ собрать въ табунъ и погонишь. Бѣгутъ онѣ съ боку на бокъ переваливаясь, боковыя покружатся около среднихъ да и устанутъ, а эти сядутъ, а тамъ только отдѣлай въ кучи шестами по участкамъ да и гони потомъ, въ какую сѣть пожелаешь. Идутъ охотно, безъ разговоровъ, словно человѣкъ изъ бани вышелъ, да крѣпко занарился, да на печь полѣзъ спать послѣ того, и разговору держать никакого не можетъ. Беремъ мы опять съ гагаръ и гагки этой подать и яйцами; а яйца эти кладутъ онѣ на воду на мелкое мѣсто, на камушки, на травничекъ.

„Но и кромѣ птицы Колгуевъ богатъ многимъ и очень многимъ. Самоѣды стрѣляютъ по берегамъ его и нерпу, которая любитъ попѣжиться одинаково и на льдинѣ, какъ и на шероховатомъ, оголяемомъ въ морской отливъ камнѣ, и морскихъ зайцевъ и моржей, которые, хотя и рѣдко, но выстаютъ и здѣсь также, какъ и на Новой Землѣ. Неводятъ самоѣды и жирныхъ, всегда прибыльныхъ бѣлугъ, хотя

151391
большая часть этого корыстного сального звѣря ускользаетъ отъ рукъ и угребаеъ потомъ и къ полюсу на свободу, и въ Бѣлое море, въ болѣе опытныхъ и навывнувшихъ въ дѣлѣ руки. Рыба, изобильно населяющая островскія рѣки и озера, какъ, напр., гольцы, сиги, омули и кудедка (форели), вылавливается исключительно для мѣстнаго употребленія и во всякомъ случаѣ, во всякое время способна обуславливать въ извѣстной степени и существованіе переселенцевъ, и возможность дальнѣйшаго посѣщенія этого острова береговыми сосѣдями его. Дикій лукъ и щавель, клюква и морошка, топливо, въ избыткѣ выбрасываемое моремъ на островскіе берега, служатъ не малымъ и не ничтожнымъ подспорьемъ ко всему вышесказанному, чтобы окончательно увѣриться въ возможности дальнѣйшаго заселенія Колгуева. Ошкуй (бѣлый медвѣдь) часто правда бродитъ по острову и творитъ свои пеладныя медвѣжьи шутки, но противъ него найдется и горячая пуля, и мѣткій выстрѣлъ, и вѣрный взглядъ; дикіе олени въ свѣжемъ ихъ видѣ даютъ вкусную и здоровую пищу; множество песцовъ и лисицъ, издавна сдѣлавшихся уже аборигенами здѣшнихъ, хотя и пустынныхъ, но здоровыхъ климатомъ мѣстъ, могутъ служить цѣлью не безвыгодной и не трудной ловли.

„Кривая рѣка и Гусиная давно уже извѣстны мезенцамъ, какъ довольно удобныя становища для судовъ, а губа Промой *), далеко врѣзавшаяся узкимъ рукавомъ своимъ въ островъ, также давно уже служить безопаснымъ рейдомъ для самыхъ крупныхъ бѣломорскихъ судовъ, каковы ладьи и шкуны.

„Ждетъ-ли островъ Колгуевъ (для того, чтобы принести собою большія выгоды туземному краю) честно задуманной, умно поведенной компаніи или же его также постигнетъ такая же плачевная участь, какую несетъ отъ русскихъ промышленниковъ богатый, хотя и дальній Шницъ.

* По моимъ изслѣдованіямъ, эта губа обратилась нынѣ въ озеро Промойное.
Обл. Библиотеки им. А. Н. Давыдова
Въ лѣтахъ и сѣтахъ.
Прим. авт.
2

бергенъ—рѣшить не беремся. Но во всякомъ случаѣ по всѣмъ слухамъ, по общему мнѣнію и по личнымъ соображеніямъ, Колгуевъ далеко не того стоитъ, во что сѣумѣли оцѣнить его до настоящаго времени всѣ знающіе и посѣщавшіе его“.

Ниже читатель увидитъ, на сколько полно согласуется все рассказанное Максимовымъ, съ результатами, добытыми мною. Его рассказомъ кончается немногочисленная серія литературныхъ данныхъ о Колгуевѣ, которыя мнѣ удалось собрать. За всякое мнѣ указаніе на какія-либо новые источники буду искренно благодаренъ.

II.

Научные результаты поѣздки Тревора Ветти.—Устройство поверхности Колгуева.—Почва и климатъ его.

Прежде чѣмъ приступить къ разсказу о своемъ пребываніи на Колгуевѣ, считаю полезнымъ изложить вкратцѣ научные результаты моей поѣздки на этотъ любопытный островъ.

Колгуевъ лежитъ между $68^{\circ}43'$ и $69^{\circ}30'$ сѣв. шир. и между $48^{\circ}15'$ и $49^{\circ}59'$ вост. долг. отъ Гринича. Его наибольшая длина съ сѣвера на югъ достигаетъ 50 географическихъ миль, а наибольшая ширина съ востока на западъ—около 40 географ. миль. Разстояніе его отъ Святаго Носа, на Тиманскомъ берегу, тоже около 50 миль. Глубина моря между островомъ и материкомъ равняется въ среднемъ 25 саженьямъ (русск.). Хотя въ широкомъ смыслѣ Колгуевъ можно считать продолженіемъ материковой тундры, но критическое изслѣдованіе геологическаго строенія поверхности острова ясно показываетъ, что нынѣшній Колгуевъ, со времени своего поднятія изъ-подъ воды, не былъ связанъ съ материкомъ. Геологическое строеніе поверхности Колгуева опредѣленно говоритъ намъ, что этотъ островъ поднялся

изъ моря недавно, походя въ этомъ отношеніи на большинство арктическихъ земель, которыя, какъ извѣстно всякому, занимавшемуся изученіемъ геологіи полярныхъ странъ, отличаются обыкновенно своимъ недавнимъ происхожденіемъ.

Въ теченіе моего трехмѣсячнаго пребыванія на Колгуевѣ, не смотря на тщательное изслѣдованіе лежа рѣкъ и разрѣзовъ, видимыхъ какъ въ оврагахъ, которыми изобилуетъ возвышенная часть острова, такъ и на кручахъ окаймляющихъ береговую его линію, я никогда на поверхности не встрѣчалъ горныхъ породъ *in situ*, никогда не видѣлъ, чтобы разрѣзъ обнаруживалъ гдѣ-нибудь слоистую горную породу. Словомъ, на геологическій составъ ядра острова мои наблюденія не дали мнѣ никакихъ указаній.

По строенію поверхности островъ рѣзко раздѣляется на двѣ части. Говоря вообще, сѣверныя двѣ трети представляютъ возвышенность, которая состоитъ частью изъ обнаженныхъ, частью изъ покрытыхъ торфяниками хребтовъ, пересѣченныхъ оврагами и заключающихъ между собою озера и болота, а оставшая треть — травянистая низменность, болота и торфяники, простирающіеся вплоть до самаго моря.

Горъ, которыя заслуживали бы этого названія, на Колгуевѣ нѣтъ. Совандей и Сичерхуръ, двѣ наиболѣе значительныхъ вершины на Колгуевѣ (которыя названы такъ самоѣдами по холмамъ того же имени на Тиманской тундрѣ), возвышаются, по моимъ aneroidнымъ наблюденіямъ, всего на 250 фут. надъ уровнемъ моря. Онѣ представляютъ собой въ сущности большія кучи песку, заканчивающіяся пиками и хребтами, которыя перерѣзаны оврагами и кратеро-подобными ямами, — результатъ дѣйствія тающего снѣга. На этихъ холмахъ очень долго остается зимній снѣгъ, который не весь еще растаялъ во время ихъ посѣщенія мною 26 августа н. ст. Сичерхуръ, „болванская гора“, — холмъ очень замѣчательной формы. Покрытый густой травой, съ почти круглымъ основаніемъ, онъ подымается внезапно надъ общимъ уровнемъ и представляетъ собою коническій холмъ,

на столько гладкій и такъ правильно образованный, что походить на искусственный курганъ. Другой холмъ, Хоноохуръ Самоѣдовъ, издали бросающійся въ глаза, тоже очень характернаго вида: у русскихъ онъ называется „Лодка“, такъ какъ очень похожъ на лодку, если смотрѣть на него съ устья р. Пушной.

Нѣтъ ни малѣйшаго основанія предполагать, чтобы Колгуевъ когда-либо былъ покрытъ ледниковымъ покровомъ. На всемъ островѣ нѣтъ ни слѣда моренъ, ни боковыхъ, ни конечныхъ. Всѣ отложенія, на немъ встрѣчающіеся, должны быть приписаны исключительно дѣйствию волнъ и океана: вода и ледъ являются единственными агентами, участвовавшими въ созданіи Колгуева. Не мнѣ судить о томъ, какою рѣчной системой доставленъ матеріалъ, послужившій для образованія современнаго острова Колгуева, была-ли это Печора или другія рѣки, но не можетъ быть никакого сомнѣнія, что матеріаломъ послужили здѣсь отчасти продукты размыва близлежащаго материка, отчасти наносы, отлагавшіеся на дно морское плавучими льдами. Лучшее доказательство такого именно образованія Колгуева доставляетъ вершина горы Совандей. Гора эта—ключъ ко всей геологической исторіи острова.

Если стать на эту гору лицомъ къ сѣверу, то видишь предъ собою обширное плато, покрытое торфяниками и озерами и усѣянное холмами, которые имѣютъ видъ гигантскихъ муравейниковъ; ближайшее изслѣдованіе показываетъ, что они сложены изъ песку, глины и маленькихъ камешковъ. Строеніе этихъ холмовъ точь въ точь такое же, какъ и горы Совандей. Послѣдняя имѣетъ форму конуса, разломаннаго и изрытаго съ сѣверной стороны, а съ остальныхъ трехъ сторонъ покрытаго травой. Если наблюдатель подыдется на ея вершину, онъ сразу очутится на краю воронко-образнаго кратера, соответствующаго тремъ уцѣлѣвшимъ сторонамъ конуса. Стѣнки кратера цѣликомъ образованы изъ песку и глины, въ которыхъ нельзя замѣтить никакой горизонтальной сложности, такъ какъ все смыто

снѣгомъ и водою сверху внизъ въ ложбины и ручейки ведущіе къ подошвѣ. Здѣсь лежатъ груды большихъ камней, очевидно вымытыхъ изъ своего первоначальнаго мѣстонахожденія. Размытая четвертая сторона Совандея обращена на сѣверъ и этимъ путемъ съ горы стекаютъ воды, образующіяся отъ таянія снѣга.

Торфяники и песчанья или глинистыя гряды холмовъ, видимыя съ вершины Совандея, имѣютъ своихъ двойниковъ на восточномъ берегу острова, гдѣ отлично можно видѣть, что онѣ — суть результаты дѣйствія морскихъ приливовъ. Тамъ вы, во-первыхъ, видите обширныя торфяники, отходящія далеко внутрь страны и окаймленные на берегу прочнымъ высокимъ песчанымъ и глинистымъ валомъ, во-вторыхъ, воочию наблюдаете процессъ ихъ образованія подъ дѣйствіемъ изо-дня въ день, изъ мѣсяца въ мѣсяць повторяющихся приливовъ и отливовъ.

Картина такова: между собственно берегомъ и окружающимъ его рядомъ песчаныхъ мелей находится пространство, покрытое иломъ, который отчасти приносится теченіями, отчасти является результатомъ дезинтеграціи глинистыхъ мелей морозомъ. Къ югу этотъ илъ постепенно переходитъ въ торфяники, въ силу легко замѣтнаго процесса. Сначала идетъ мягкій илъ, потомъ онъ становится тверже, будучи скрѣпленъ корнями покрывающей его травы, затѣмъ онъ уступаетъ мѣсто мхамъ и лишаямъ и, наконецъ, переходитъ въ торфяникъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это поднятіе почвы отчасти обязано постепенному наложенію матеріала, но въ гораздо большей степени оно должно быть приписано непрерывному поднятію всей площади острова, подобно доказанному нынѣ поднятію тундры и Скандинавіи.

Внѣшній рядъ песчаныхъ мелей (которыя по своему характеру въ точности отвѣчаютъ составу дна прилегающей части моря), періодически нагромождается дѣйствіемъ волнъ все выше и выше. Дѣйствіе это вокругъ острова Колгуева такъ быстро, что, по словамъ русскихъ торговцевъ, въ теченіе 35-ти лѣтъ посѣщающихъ островъ, общее отношеніе

однихъ каналовъ къ другимъ, за это время, совершенно измѣнилось. Наступить, очевидно, время, когда все это покрытое иломъ пространство, покрываемое теперь во время приливовъ водою, составитъ неотъемлемую часть острова.

Если сопоставить это обстоятельство съ нынѣшними геологическими условіями внутренности острова, то становится само собой понятнымъ, какъ образовался Колгуевъ въ цѣломъ.

Но если задать вопросъ: „какъ и откуда доставляется матеріалъ наносовъ?“ Я думаю, отвѣтъ таковъ:—отчасти какой-нибудь большой рѣчной системой, и отчасти льдомъ. Гранитные, песчаниковые и известковые (?) валуны, находясь на Колгуевѣ, почти навѣрно приносятся льдомъ съ материка и съ Новой Земли. Разъ, въ серединѣ острова я нашелъ валунъ песчаника, лежащаго въ оврагѣ, между покрытыми снѣгомъ сторонами его. Кругомъ его, по бокамъ, замѣтны шрамы, сдѣланные льдомъ. Несомнѣнно, онъ происходитъ изъ тундры, въ которой путешественникъ часто можетъ наблюдать подобныя эксцентрическія формы песчаниковъ, являющіяся результатомъ дѣйствія подобныхъ силъ много вѣковъ тому назадъ. Нѣкоторыя ископаемыя, найденныя въ валунахъ, привезенныхъ съ о. Колгуева, указываютъ, впрочемъ, на болѣе древнее происхожденіе этихъ послѣднихъ. Онѣ принадлежатъ къ верхне-силурійскому періоду. Два образчика—кораллы: *Halysites catenularius* и *Syathophyllum truncatum*. Одинъ изъ семейства брюхопогихъ моллюсковъ, вѣроятно, *Naticopsis*.

Теперь о климатѣ о-ва Колгуева. Профессоръ Савельевъ въ вышеупомянутой статьѣ своей говоритъ объ этомъ слѣдующее: „Въ теченіе шестнадцати дней, проведенныхъ нами на Колгуевѣ или близъ его въ іюлѣ или въ августѣ, термометръ никогда не поднимался выше 9° Р., да и эта температура замѣчена была только одинъ разъ въ полдень. Обыкновенно термометръ стоялъ на 4—5 градусахъ Р., а иногда падалъ до 2° или даже до 1° Р.; въ то же время на Канинскомъ полуостровѣ (т. е. на материкѣ) го-

сподствовала температура $10-12^{\circ}$ Р., а передъ самымъ нашимъ отправленіемъ оттуда повысилась тамъ до 15° Р. Должно замѣтить, что почва Колгуева оттаиваетъ въ теченіе лѣта всего только на два фута въ глубину. Ниже этого она остается въ замерзшемъ состояніи—фактъ, котораго мы не замѣтили ни на Канинскомъ полуостровѣ, ни на Тиманскомъ берегу“.

Замѣчаніе относительно почвы, конечно, относится къ болотамъ. Къ несчастью, я не могу подтвердить этого заключенія.

Русскіе очень боятся проводить зиму на Колгуевѣ; промышленники мнѣ рассказывали, что только одинъ русскій на ихъ памяти сдѣлалъ это по необходимости и что, по его описанію, зима на Колгуевѣ страшно сурова; всѣ самоѣды согласно утверждаютъ, что она суровѣе, чѣмъ на материкѣ. Среднія суточные температуры за іюнь мѣсяцъ были: maximum 3° Р. и minimum $0,5^{\circ}$ Р., причемъ термометръ дважды падалъ до $-0,5^{\circ}$ Р. и дважды подымался до 8° Р. 24-го іюня онъ показывалъ на солнцѣ въ полдень 13° Р. Средняя температура за іюль была значительно выше, хотя въ отдѣльных случаяхъ не разъ падала до точки замерзанія. 28-го августа мой термометръ былъ сломанъ вѣтромъ, но до этого дня показанія его варьировали отъ 4° въ полдень до 20° Р. Эта послѣдняя температура была достигнута 16-го августа, причемъ на солнцѣ въ этотъ день термометръ показывалъ 24° Р. До 28-го августа термометръ въ теченіе этого мѣсяца ни разу не падалъ ниже 4° Р. Послѣ этого дня погода быстро стала дѣлаться холоднѣе, и 16-го сентября земля покрылась снѣгомъ, а озера начали замерзать.

Лѣтомъ Колгуевъ чрезвычайно подверженъ туманамъ и продолжительнымъ сильнымъ вѣтрамъ. Господствующіе вѣтры—сѣверные, сѣв.-восточные и сѣв.-западные.

Не забывайте, что всѣ эти данныя объ устройствѣ поверхности и климатѣ Колгуева есть результатъ моихъ личныхъ наблюденій; когда же мы только отправлялись

туда, мы знали объ островѣ очень мало, а именно только то, что сообщено объ немъ въ скудной литературѣ, приведенной мною раньше.

III.

Путешествіе Тревора-Бетти съ товарищами на яхтѣ «Саксонецъ». — Первые дни плаванія вблизи береговъ Колгуева. — Полярный ледъ. — Первое впечатлѣніе о Колгуевѣ. — Вдоль береговъ его. — На берегу. — Фауна и Флора. — Наносный лѣсъ. — Измѣреніе температуры. — Окончательная высадка.

Я упоминалъ уже, что наша яхта „Саксонецъ“ отправилась изъ шотландскаго городка Пертегеда съ экипажемъ изъ 12 человѣкъ 2-го іюня 1894 года. 11-го іюня мы прибыли въ Вардѣ, а 12-го оставили этотъ норвежскій городокъ, направляясь къ нашей обѣтованной странѣ — Колгуеву. Я упоминалъ уже, что годъ тому назадъ я посѣтилъ берега Бѣлаго моря съ цѣлью узнать что-нибудь объ этомъ островѣ; но я не нашелъ среди поморовъ ни единой души, которая могла бы хотя въ самой малой степени удовлетворить мое любопытство. Причину этого страннаго невѣжества русскихъ поморовъ я объясню впоследствии.

Легко понятно, однако, что это обстоятельство усиливало интересъ нашего предпріятія. Правы-ли были тѣ, кто утверждалъ, что намъ не удастся высадиться на островъ, найдемъ-ли мы безопасное мѣсто для стоянки „Саксонца“; какихъ птицъ и млекопитающихъ, какія растенія встрѣтимъ мы на Колгуевѣ; пайдемъ-ли тамъ населеніе или же пустыню — однимъ словомъ, идея неизвѣстнаго, вотъ что привлекало меня, какъ привлекало оно до меня сотни другихъ.

Не думаю, чтобы это стремленіе къ неизвѣстному было такъ же сильно и среди экипажа нашей яхты. Моряки-китолы навѣрно осуждали наше предпріятіе, которое сопряжено было съ опасностью, но не могло принести ни единого

боченка ворвани. Нашъ штурманъ и шкиперъ смотрѣли на него, вѣроятно, только какъ на совсѣмъ обыкновенный родъ спорта, придуманный отъ скуки празднымъ бариномъ.

Я, однако, приложилъ всѣ усилія, чтобы разъяснить имъ то, что насъ могло ожидать; послѣ обѣда я вслухъ прочитывалъ отрывки изъ двухъ единственныхъ описаній Колгуева, сдѣланныхъ, какъ помнитъ читатель, Максимовымъ и Савельевымъ. Описанія эти, къ сожалѣнію, не сходились между собою въ тѣхъ именно подробностяхъ, которыя были наиболѣе для насъ интересны.

Такъ, Максимовъ говоритъ: „Кривая рѣка и Гусиная давно уже извѣстны мезенцамъ, какъ довольно удобныя становища для судовъ, а губа Промой, далеко врѣзавшаяся узкимъ рукавомъ своимъ въ островъ, также давно уже служить безопаснымъ рейдомъ для самыхъ крупныхъ бѣломорскихъ судовъ, каковы ладьи и шкуны“.

А вотъ, что говоритъ Савельевъ: „На всемъ протяженіи своихъ береговъ Колгуевъ не представляетъ ни одной безопасной якорной стоянки, и берега его *чрезвычайно опасны*, благодаря малой глубинѣ моря и песчанымъ мелямъ, или кошкамъ“.

14 іюня. Нельзя сказать, чтобы день былъ особенно богатъ событіями. Но въ морѣ ни одинъ день не проходитъ праздно: измѣренія температуры, опредѣленія курса, веденіе судового журнала и т. п. занятія не даютъ сидѣть сложа руки. Постоянное пониженіе температуры сегодня указываетъ, повидимому, довольно ясно на приближеніе льда. Но по всей вѣроятности, онъ еще далеко, такъ какъ даже на горизонтѣ незамѣтно было ледяного отблеска. И мнѣ показалось наиболѣе благоразумнымъ въ настоящее время—лечь спать. Поэтому, приказавъ возможно тщательнѣе держать вахту и позвать меня, если что случится, я въ 12 ч. почи пошелъ въ каюту.

15 іюня. Я надѣялся въ 8 час. утра увидѣть южную оконечность Колгуева. Но, увы! какъ хрупки человѣческія надежды. Едва я успѣлъ вздремнуть, какъ меня и моего

друга Повиса разбудило внезапное замедленіе хода машины. Мы наткнулись на ледъ.

Погода до 1 ч. ночи была ясная; въ половинѣ втораго мы вошли въ туманъ, а 10 мин. спустя встрѣтили ледъ подъ 45° вост. долг. въ 10 миляхъ отъ Канинскаго берега.

Вахту держалъ тогда штурманъ. Сначала онъ остановился на короткое время между льдомъ и берегомъ, надѣясь проложить здѣсь себѣ путь. Но найдя, что дальше ледъ подошелъ къ самой землѣ, онъ принужденъ былъ бить отбой; и „Саксонецъ“, идя теперь менѣе, чѣмъ половиннымъ ходомъ, пролагалъ теперь себѣ путь на сѣверо-западъ вдоль края льда.

Прежде чѣмъ продолжать свой рассказъ, скажу нѣсколько словъ о природѣ встрѣченнаго нами льда. Ледъ въ общемъ былъ плоскій, представлявшій почти форму таблицъ. Нѣсколько льдинъ имѣли значительные размѣры, но большая часть ихъ подымалась надъ водой всего фута на полтора. Цвѣтъ льда варьировалъ отъ чисто бѣлаго до зеленоватаго. Нѣкоторыя льдины были болѣе темныя и грязныя, очевидно, сидѣвшія ранѣе гдѣ-нибудь на мели. Зеленый цвѣтъ характеренъ для бѣломорскаго льда и поэтому почти не было сомнѣнія, что этотъ ледъ происходитъ изъ Бѣлаго моря. Внутри ледянаго скопленія замѣтно было нѣкоторое движеніе, хотя въ общемъ льдины сплочены были довольно тѣсно. Но по краямъ скопленія движеніе было очень сильно; отдѣльныя льдины то и дѣло ударялись одна о другую, ежеминутно то обнаруживая полыньи, то вновь покрывая ихъ. Всѣ полярные мореплаватели, съ которыми мы потомъ пришлось разговаривать, замѣчали, что въ нынѣшнемъ году ледъ въ этой части Ледовитаго океана держится необыкновенно долго. Въ прошломъ году, одинъ владѣлецъ моржебойнаго шлюпа изъ Гаммерфеста говорилъ намъ, что въ это время года я даже не увижу льда. И, конечно, наше маленькое судно вовсе не было подготовлено для такой встрѣчи. Еслибъ дѣло дошло до того, что пришлось бы выбирать одно изъ двухъ: или проложить себѣ путь черезъ

ледъ или вернуться, мы должны бы были выбрать послѣднее. Но, къ счастью, до этого не дошло.

Когда мы вышли на палубу, судно шло на сѣверо-востокъ, имѣя справа отъ себя Канинскій берегъ. Потомъ намъ пришлось повернуть и обходить ледъ кругомъ. Мы шли то на СВ., то на С., то, наконецъ, на СЗ. Въ концѣ концовъ мы достигли подъ $68^{\circ}57'$ сѣв. шир. широкаго свободнаго прохода между льдомъ. Проплывъ по этому проходу около 11 миль въ сѣверо-восточномъ направленіи мы увидѣли, что онъ — глухой, и къ крайней своей досадѣ должны были въ 8 ч. вечера повернуть опять на сѣверо-западъ. Эта неудача такъ насъ обезкуражила, что мы стали подумывать даже о возвращеніи ко входу въ нашъ проходъ. Къ счастью, все устроилось гораздо лучше. Вскорѣ, передъ нами очутилась только узкая полоса разсѣяннаго льда. Это былъ, такъ сказать хвостовой конецъ большаго ледянаго поля лежащаго слѣва отъ насъ, и онъ указывалъ, что все поле плыло на западъ. Какъ далеко на сѣверо-западъ простиралось это ледяное поле, мы даже приблизительно не могли опредѣлить. Но на сѣверѣ по ту сторону открытой воды былъ ясно замѣтенъ ледяной отблескъ, и потому могли заключить, что впереди мы можемъ еще снова встрѣтить врага. Встрѣчѣ этой не суждено было, однако, состояться.

Среди полосы разсѣяннаго льда, сквозь которую мы стали пробираться, было нѣсколько такихъ громаднхъ льдинъ, что, въ случаѣ сильнаго столкновенія съ ними, онѣ могли причинить намъ значительныя поврежденія. Но замедливъ ходъ машины на столько, чтобы только-только пробираться, мы имѣли возможность проложить себѣ путь — по временамъ совсѣмъ останавливая ходъ машины или, въ случаѣ необходимости, давая задній ходъ, или совсѣмъ отступая предъ непреодолимымъ препятствіемъ. Въ полдень, при яркомъ сіяніи солнца переходъ былъ наконецъ совершенъ и мы направились, со скоростью отъ трехъ до шести узловъ, вдоль края льдовъ на сѣверо-востокъ. Вскорѣ обстоятельства позволили намъ измѣнить курсъ на восточный, а за-

тѣмъ, со скоростью восьми или девяти узловъ, мы пошли на юго-востокъ.

Было 2 ч. пополудни, когда мы замѣтили длинныя низкія туманныя облака, очевидно висѣвшія надъ какой-нибудь землей. Эта земля не могла быть ничѣмъ инымъ, какъ островомъ Колгуевымъ. У меня точно гора свалилась съ плечъ: повидимому, все шло прекрасно, матросы, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, увѣряли, будто они видятъ холмы, горы и т. п. Но только всего за шесть часовъ до высадки на берегъ мы, дѣйствительно, могли поклясться, что видимъ землю, хотя и тутъ отъ времени до времени она заволакивалась туманомъ.

Теперь стали чаще появляться различныя породы утокъ: стаи пестряковъ (*Somateria spectabilis*) разсѣяны были повсюду, острохвостки (*Harelda glacialis*) цѣлыми массами ныряли у самыхъ бортовъ судна. Немногія птицы такъ изумительно красивы и такъ граціозны въ водѣ, какъ острохвостки. У селезней, когда они въ полномъ опереніи, бѣлая голова и шея и длинныя бѣлыя плечевыя перья. Но какъ объ этихъ птицахъ, такъ и о другихъ мнѣ придется еще говорить ниже, а потому возвращусь къ описанію самаго путешествія.

Меня, конечно, очень тревожила мысль, какъ-то намъ удастся въ первый разъ приблизиться къ острову, который пользуется дурной славой; я зналъ, что море на далекомъ разстояніи кругомъ него чрезвычайно мелко. Могло случиться, что мы найдемъ кругомъ него ледъ, осѣвшій на мель или можетъ быть буруны въ мелкомъ морѣ не позволятъ переправиться къ берегу на нашихъ маленькихъ шлюпкахъ.

Нашъ шкиперъ былъ превосходный морякъ, но онъ, повидимому, не вполне полагался на себя; и когда я замѣтилъ, что во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ онъ смотрѣлъ на меня, ожидая совѣта, то никогда при такихъ обстоятельствахъ не покидалъ мостика. И нужно замѣтить, что въ случаѣ, когда приходится имѣть дѣло съ неизвѣстнымъ и

съ условіями, измѣняющимися каждую минуту, все находится въ зависимости отъ быстроты соображенія и отъ обыкновеннаго здраваго смысла. Другими словами, многое въ такого рода обстоятельствахъ дѣлается инстинктивно.

Какъ бы тамъ ни было, въ 7 ч. вечера мы находились въ виду Колгуева; мы шли осторожно, непрерывно опуская лотъ, при глубинѣ около 25 сажень; никакихъ мелей мы пока не встрѣчали. Подвигаясь такимъ образомъ, мы очутились въ 8 ч. миляхъ въ трехъ отъ острова при глубинѣ уже въ 15 сажень. Затѣмъ мы повернули немножко и пошли тихимъ ходомъ подъ парами.

Это былъ самый бѣдный и непривѣтливый берегъ, какой только вы можете себѣ вообразить. Конечно, мы и не ожидали встрѣтить деревья подъ такими широтами, но часто ихъ отсутствіе вознаграждается иными красотами—блескомъ ледниковъ или крѣпкими бастіонами скалъ, надъ которыми летаютъ міриадами птицы, какъ гонимый вѣтромъ снѣгъ. Здѣсь не было ничего подобнаго. Передъ нами лежала лишь длинная низкая однообразная линія,—линія снѣга, свѣсившагося фестономъ къ краямъ обрывовъ, вышина которыхъ не превышала 30 футовъ; или же на отлогомъ берегу лежали спускавшіяся съ обрывовъ полосы снѣга, доходившія до ледяной бахромы моря и обнажавшія мѣстами песчаную или глинистую стѣну, размытую темными потоками, сбѣгавшими сверху. Таково было наше первое впечатлѣніе отъ Колгуева.

По условіямъ зафрахтованія „Саксонца“, у насъ на отысканіе гавани для него у берега оставалось всего нѣсколько дней. Предъ отправленіемъ изъ Англіи мы рѣшили, что нашей первой цѣлью будетъ р. Васькина и до сего времени у насъ не было причинъ измѣнять свое намѣреніе. Нужно, думали мы, направиться или къ р. Васькиной или къ Становому Шарку на восточномъ берегу Колгуева. Васъ можетъ быть удивляетъ, почему мы выбрали этотъ пунктъ. Во первыхъ, въ тѣ времена, когда, по словамъ описаній, производились сношенія Колгуева съ материкомъ, на берега

острова направлялись торговцы изъ Мезени и Индиги. Очевидно, въ такомъ случаѣ, что р. Васькина была непременно пунктомъ, къ которому они должны были приставать, а стало быть можно было рассчитывать найти тамъ обозначеніе фарватера какими-нибудь вѣхами. Фактъ, что глубины моря обозначены на картахъ именно по линіи, соединяющей устья Васькиной и Индиги, приводилъ къ тому же заключенію. Кромѣ того, я помнилъ, что на одной старой картѣ береговой линіи Колгуева я видѣлъ слово „Hutte“ (избы) на мѣстѣ праваго берега рѣки. Я предполагалъ также, что большое озеро Промойное является навѣрно мѣстомъ ловли гусей. Сопоставляя все это вмѣстѣ, я приходилъ къ заключенію, что тамъ можно найти или гавань или по крайней мѣрѣ людей, которые выйдутъ къ намъ на лодкахъ.

Идя медленно подъ парами вдоль берега, мы видѣли тамъ и сямъ маленькія кучи, которыя, при разсматриваніи въ подзорную трубу, оказывались грудями наноснаго дерева. Разъ также мы прошли мимо кладбища, какъ намъ показалось, или по крайней мѣрѣ какого-то мѣста, уставленнаго столбами и русскими крестами. Я тщательно осматривалъ весь берегъ, ища какого-нибудь признака большой рѣки, но ни одного не видалъ. Отъ времени до времени мы проходили мимо маленькихъ заливчиковъ, образованныхъ, повидимому, впаденіемъ рѣки, но они всегда были загромождены сплѣгомъ и льдомъ. Наконецъ, къ общему нашему огорченію и разочарованію, мы опять встрѣтили пловучій ледъ. По своему характеру онъ совершенно отличался отъ видѣннаго нами раньше: онъ состоялъ изъ торосовъ—фактъ, который объясняетъ его происхожденіе, такъ какъ показываетъ, что онъ образовался не въ сосѣднихъ водахъ, а есть полярный ледъ, принесенный сюда съ востока и сѣвера. Встрѣча съ такимъ льдомъ обозначала—хотя мы тогда не знали этого,—что ледъ, занесенный въ мелководный бассейнъ вѣтрами и приливами, образовалъ вокругъ всего острова широкій непроходимый барьеръ. Подъ вліяніемъ этихъ причинъ, боль-

шая часть льда уже осѣла на тѣ самыя песчанныя мели, которыя мы надѣялись обойти. Мы не смѣли на своемъ маленькомъ суднѣ подойти очень близко къ скопленію льда, такъ какъ аванпосты его, въ видѣ плавучихъ массъ, каждая изъ которыхъ могла послать насъ на дно, раздавивъ какъ орѣховую скорлупу, не позволяли намъ къ нему приблизиться. Намъ оставалось только повернуть назадъ и отыскивать якорную стоянку гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Но гдѣ?—вотъ вопросъ.

Мы медленно шли подъ парами въ разстояніи $2\frac{1}{2}$ миль отъ берега. Глубина здѣсь была 15 сажень, хотя разъ мы прошли надъ мелью, надъ которой было всего 10 сажень. Въ это время мы всѣ еще думали, что стоитъ только потерпѣть, состояніе льдовъ измѣнится и позволить намъ достигъ р. Васькиной. „Гдѣ мы бросимъ якорь“?—спросилъ шкиперъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи къ сѣверу отъ насъ выдвинулся мысъ, возлѣ котораго, повидимому, можно было остановиться. „Бросимъ якорь тамъ“, —сказалъ я;—„тамъ мы, вѣроятно, найдемъ болѣе значительную глубину и будемъ немного защищены отъ вѣтра“. Мы пошли потихоньку, непрерывно опуская лотъ, который показывалъ сначала 17 саж., потомъ 15, потомъ 13, затѣмъ 8 саж. и, наконецъ, въ разстояніи $1\frac{1}{2}$ мили отъ берега мы бросили якорь на глубинѣ всего въ 4 сажени. При осадкѣ „Саксонца“ въ 12 фут. мы могли рассчитывать еще на приливъ и потому забросили якорь на нашей 25-ти саженной цѣпи. Дѣйствительно, съ наступленіемъ прилива цѣпь понемногу вытягивалась.

Во время работъ съ опусканіемъ цѣпи, на суднѣ замѣтили тюленя, внезапно высунувшаго голову изъ воды. Повисъ выстрѣлилъ. Но не такъ-то легко попасть въ тюленя, когда видна лишь его голова и въ особенности если принять во вниманіе, насколько трудно на водѣ вѣрно судить о разстояніяхъ,—и Повисъ промахнулся.

То, что издали казалось намъ значительнымъ мысомъ, постепенно уменьшалось въ высотѣ, по мѣрѣ нашего приближенія до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, не обратилось въ

очень маленький выступ обрывистаго берега, возвышавшійся всего на 40 фут. Это было первое наше знакомство съ иллюзіей, сдѣлавшейся потомъ постояннымъ источникомъ забавы,—миража.

Было 11 ч. ночи; прошелъ день долгій и безпокойный, но, я думаю, всякій изъ насъ могъ заснуть съ облегченнымъ сердцемъ. Однако, передъ сномъ мы сервировали грогъ для всего экипажа, чтобы отпраздновать наше прибытіе, потому что мы дѣйствительно прибыли: хотя насъ постигло разочарованіе относительно р. Васькиной, но какъ бы то ни было, мы все-таки стояли на якорѣ у острова Колгуева.

16 *іюня*. Была такая тихая и спокойная погода, что, повидимому, казалось совершенно безопаснымъ оставить „Саксонца“ и побродить немножко по острову, прежде чѣмъ опять идти на югъ попробовать, не двинулся ли ледъ. Въ десять часовъ утра мы сѣли въ маленькую лодку: Повисъ со своей лягавой, ружьемъ и винтовкой, я со своимъ старымъ псомъ Матросомъ, тоже съ ружьемъ и четырьмя жестянками патроновъ. Мы взяли съ собой въ лодку Томаса Гиллада (препаратора птицъ), шкипера, штурмана и четырехъ гребцовъ. Прибрежье было покрыто ледяной корой, доходившей до самаго моря и образовавшей твердую платформу, которая была изрѣзана маленькими бухточками и заливчиками. Въ одинъ изъ нихъ мы ввели лодку и выскочили на этотъ ледъ. Повисъ взялъ съ собой штурмана и двоихъ изъ гребцовъ, а Томасъ Гиллайдъ пошелъ со мною. Двое другихъ гребцовъ вернулись на „Саксонецъ“ со шкиперомъ производить промѣры. Было, конечно, условлено, что если что-нибудь потребуетъ нашего немедленнаго возвращенія, будетъ данъ паровой свистокъ.

Мы высадились у устья большого ручья, который, судя по нашему положенію, не могъ быть ни чѣмъ инымъ, какъ р. Кривая. Поэтому я, конечно, постарался хорошенько осмотрѣть это мѣсто, бывшее однимъ изъ пунктовъ, посѣщенныхъ нѣкогда Савельевымъ. И вотъ, пока мой товарищъ направился прямо внутрь страны, я пошелъ по берегу.

Было время отлива, и мы нашли только широкую рѣчную дельту, всю состоящую изъ песка безъ малѣйшихъ признаковъ твердой горной породы и даже отдѣльныхъ камней; посрединѣ ея проходилъ каналъ воды глубиною около трехъ футовъ; на рѣчномъ пескѣ были видны слѣды лиснцѣ. Затѣмъ мы повернули на югъ, постепенно удаляясь внутрь страны. Я надѣялся достигнуть большого озера Промойпаго, указанного на картѣ и лежащаго приблизительно въ девяти миляхъ отъ нашего теперешняго положенія. Но, конечно, мы шли очень медленно, такъ какъ по дорогѣ охотились и только къ восьми часамъ вечера очутились въ виду громаднаго озера; мы увидѣли его съ маленькой возвышенности. Оно не могло быть никакимъ другимъ, какъ Промойнымъ, но вотъ что меня поразило: судя по картѣ, къ востоку отъ него должно было находиться между песчаными холмами и моремъ второе большое озеро. Мѣстонахожденіе послѣдняго мы отлично могли видѣть: мы видѣли ледъ, осѣвшій на меляхъ, кольцомъ окружавшихъ берегъ, но внутри этого кольца было не озеро, а просто обширное пространство, покрытое иломъ. Впослѣдствіи я нашелъ причину этого; теперь я просто отмѣчаю фактъ.

Мы не могли долго продолжать осмотръ въ настоящее время, такъ какъ я почувствовалъ, что вѣтеръ измѣнился и сталъ дуть мнѣ въ лицо, и боялся, что онъ можетъ погнать ледъ на судно: поэтому мы повернули и поспѣшили обратно. По прошествіи нѣкотораго времени, мы услышали паровой свистокъ „Саксонца“ и увидали, что на суднѣ разводять пары. Начавшійся приливъ поднялъ воду въ рѣкѣ, какъ я и боялся, и доставилъ бы намъ не мало затрудненій, если бы мы пришли на четверть часа позже. Ледяные торосы придвинулись къ самому винту „Саксонца“, все дальше и дальше подталкивая судно вдоль берега, такъ что, когда мы подошли къ мѣсту нашей высадки, „Саксонецъ“ находился на траверсѣ рѣки. Но насъ успѣли перехватить, прежде чѣмъ судно миновало рѣчное устье. Конечно, въ случаѣ крайности, мы могли бы переплыть черезъ рѣку, по

были довольны, что этого избѣгли, такъ какъ температура воды была около точки замерзанія. Такъ кончился первый день нашего пребыванія на Колгуевѣ.

Чтобы описать этотъ день подробнѣе, мы должны вернуться немного назадъ. Прежде всего я постараюсь дать вамъ ясное представленіе о странѣ, впервые нами увидѣнной. Прибрежные обрывы, о которыхъ я говорилъ выше, вездѣ, гдѣ мы могли видѣть ихъ изъ-подъ снѣга, носили и на сѣверѣ, и на югѣ одинъ и тотъ же характеръ. Всѣ они были одинаковой высоты и состояли изъ песку или суглинка. Самое побережье также было песчаное и усѣяно было грядами большихъ камней, величиною съ булыжники и больше, состоящихъ изрѣдка изъ кварца, но по большей части изъ сланцевъ. Прибрежные обрывы, подъ дѣйствіемъ мороза и волнъ, всюду растрескались; трещины шли перпендикулярно и, если взобраться на верхъ обрыва, то во многихъ мѣстахъ можно было замѣтить, что онѣ продолжаютъ еще сажень на восемь отъ края обрыва.

Внутренность юго-западной части острова представляетъ собой равнину, которая то повышается на нѣсколько футовъ, чтобы образовать песчаную или торфяную возвышенность, или понижается въ низменность, покрытую мхомъ или мелкими озерками. Но вдаль мы различали сильно увеличенные миражемъ холмы или горы, одинъ изъ самыхъ южныхъ отроговъ которыхъ составляетъ гора Болванская. Отъ устья р. Кривой, по направленію къ морю, вплоть до самаго ила, идетъ полоса крѣпкаго, сухого желтаго песку, которая къ востоку переходитъ въ болото, покрытое мхомъ и травой. Около пяти миль отсюда вдоль берега и въ полтора миляхъ отъ послѣдняго, мы подошли къ порядочной величины озеру, которое по краямъ было покрыто прошлогодней увядшей растительностью. Это было наше первое открытіе и мы назвали его „Саксонскимъ“ озеромъ.

На Саксонскомъ озерѣ кишѣла птичья жизнь: то и дѣло порхали здѣсь несочники чернозобые (*Tringa minuta*) и пестрозобые (*Tringa alpina*) и чирикали сѣверные камне-

шарки (*Strepsilas interpres*). Пролетѣло нѣсколько паръ сѣрыхъ ржанокъ (*Squatarola helvetica*), но къ своему удивленію ни одной золотистой (*Charadrius pluvialis*). Много было здѣсь драчуновъ (*Machotes pugnax*); огромныя массы острохвостовъ (*Harelda glacialis*) и не мало пестряковъ (*Somateria spectabilis*); разъ пролетѣла пара бѣлоглазокъ (*Fuligula marila*); видѣли здѣсь малыхъ лебедей (*Cygnus bewicki*) и бѣлыхъ куропатокъ (*Lagopus albus*). Кромѣ того, застрѣлили нѣсколькихъ плавучиковъ плосконосыхъ (*Phalaropus fulicarius*) и круглоносыхъ (*Phalaropus hyperboreus*), въ желудкахъ которыхъ нашли остатки личинокъ москитовъ. То было первое предостереженіе о врагѣ, который долженъ былъ появиться, какъ только солнце пригрѣетъ сильнѣе.

Изъ цвѣтовъ мы нашли извѣстное арктическое растение *Nardosmia frigida*, а также завядшіе остатки *Potentilla* и др. зонтичныхъ. Морошка, которую мы видѣли въ Тромсѣ въ полномъ цвѣтѣ, здѣсь едва еще показывала маленькіе зеленые побѣги. Изъ мха едва выглядывали зеленые листочки брусники.

Мы не встрѣтили въ этой части острова людей, но замѣтили слѣды ихъ пребыванія, хотя и не недавняго. Мы нашли старыя сани и оленьи слѣды, нѣсколько поставленныхъ стоймя шестовъ изъ паноснаго дерева (въ изобиліи лежавшаго на берегу) и круглые желобки вокругъ небольшихъ возвышеній,—очевидно, мѣста, гдѣ стояли чумы. Я показалъ Гиланду груды камней, сложенную, повидимому, человѣческой рукой. Повисъ нашелъ два медвѣжьихъ черепа и курьезной формы кусокъ оленьяго рога, который, какъ я впоследствии узналъ, былъ мѣркой для пороха. Млекопитающихъ мы не встрѣчали, но видѣли лисьи слѣды и норки, отпечатки оленьихъ и собачьихъ слѣдовъ.

Болота только сверху были мягки; подъ этимъ слоемъ, на глубинѣ 2 фут., нога встрѣчала уже мерзлую почву.

Нѣкоторое время мы медленно шли подъ парами за льдомъ. Отливомъ ледъ угнало на югъ и предъ нами очистилось свободное пространство воды. Мы направились по-

этому дальше, ища хорошей якорной стоянки. Но въ полпочъ ледъ появился снова, прогналъ насъ на старое мѣсто, а затѣмъ даже заставилъ насъ идти вдоль берега уже на сѣверъ.

17 *іюня*. Въ полдень мы закинули драгу, но, послѣ пятичасовой работы, она не принесла намъ ничего, кромѣ одной медузы и куска сланца. Сегодня судно могло идти подъ парусами и потому мы почти не пользовались винтомъ. Въ 8 ч. вечера мы стали на якорь на глубинѣ 4 саж., выпустивъ 20 саж. нашего каната. Разсчитывая по лагу, мы нашли, что находимся теперь на траверсѣ р. Зайчихи, т. е. мы лежали въ 1 мили отъ берега и приблизительно въ 60 миляхъ къ сѣверу отъ 69° шир.

Я съ Повисомъ чувствуемъ себя сегодня превосходно, принявъ ванну въ первый разъ послѣ нашего отъѣзда изъ Англіи. Черезъ часъ послѣ ванны отправились на лодкѣ къ берегу. Высадка сопряжена была съ нѣкоторыми затрудненіями по случаю буруновъ и крутости берега. Повисъ пошелъ со штурманомъ поохотиться, я же со своимъ старымъ „Матросомъ“ отправился изслѣдовать то, что на картахъ обозначено какъ устье р. Зайчихи. Я не нашелъ здѣсь вовсе никакой рѣки. Правда, что съ моря это мѣсто походитъ на рѣчное устье и естественно, что Савельевъ или какой нибудь мореплаватель, давшій это названіе простому заливчику, былъ обманутъ, такъ какъ видѣлъ его только съ моря.

Здѣсь собственно два маленькихъ заливчика, изъ коихъ южный совсѣмъ, а сѣверный почти запертъ баромъ; второй баръ пересѣкается ручейкомъ, выходящимъ изъ лагуны, которая лежитъ позади прибрежнаго обрыва. Лагуна наполнена солоноватой водой. Въ нее впадаетъ идущій изъ-подъ спѣга небольшой ручей, черезъ который я перешагнулъ. Въ немъ я нашелъ кусокъ краснаго гранита и зерно желѣзной (болотной) руды. Береговые обрывы въ этомъ мѣстѣ выше, чѣмъ у устья р. Кривой, и сверху покрыты нависшей пеленой торфа.

За лагуной начинается песчаная возвышенность. На ней я нашелъ маленькія сани. Онѣ были разломаны на куски, но я легко собралъ ихъ вмѣстѣ. Я думалъ, что это сани, въ которыя запрягаютъ собакъ. Но штурманъ, когда я показалъ ему ихъ на суднѣ, увѣрялъ меня, что точь въ точь такія сани употребляются эскимосами Смитова пролива (у сѣверо-западныхъ береговъ Гренландіи) для охотничьихъ цѣлей. По его словамъ, они спереди прикрѣпляютъ къ нимъ вертикально что-нибудь въ родѣ ширмъ, и затѣмъ, лежа на животъ, толкаютъ ихъ передъ собою, благодаря чему могутъ близко подойти къ свсей добычѣ. Впослѣдствіи, познакомившись съ самоѣдами, я узналъ, что и они пользуются на охотѣ тѣмъ же методомъ. Итакъ, это были охотничьи сани.

На этотъ разъ я зашелъ не слишкомъ далеко, такъ какъ по дорогѣ интересовался нѣсколькими маленькими насекомыми. Одна—была муха, въ родѣ москита, съ большими глазами; она подвигалась впередъ прыжками, такъ что для того, чтобы мнѣ поймать ее, требовалось не мало терпѣнія. Затѣмъ меня заинтересовала маленькая красная букашка, похожая на Божью коровку.

Я нашелъ гнѣзда сѣверной камнешарки (*Strepsilas interpres*), лапландскаго подорожника (*Calcarius lapponicus*) и бѣлой куропатки (*Lagopus albus*). Видѣлъ также нѣсколько морскихъ чаекъ (*Larus glaucus*), которыя долго наблюдали за мною; потомъ самецъ сталъ летать около меня, задѣвая меня своими крыльями. Я думалъ, не подошелъ ли я къ ихъ гнѣзду; но гнѣзда не оказалось. У небольшой лужицы видѣлъ краснозобую гагару (*Colymbus septentrionalis*) и пару свистуновъ (*Mareca penelope*). Оса долго жужжала около меня, но безъ сѣти я не могъ ее поймать, конечно.

Затѣмъ я принялся изслѣдовать наносный лѣсъ, лежавшій на берегу, такъ тщательно, будто искалъ золота; я шелъ поэтому все время нагнувшись. Наконецъ, у меня устала спина, я выпрямился и сразу остановился, какъ вкопанный: прямо передо мною разстилался настоящій цвѣт-

никъ — зеленый травянистый лугъ, усѣянный голубыми и красными цвѣтами. Солнце ярко сіяло, и зрѣлище было такъ неожиданно и такъ красиво среди этой угрюмой обстановки, что у меня совершенно невольно вырвалось восклицаніе, заставившее „Матроса“ съ изумленіемъ подбѣжать ко мнѣ. Моментально очутился я на лугу на четверенькахъ, собирая и выкапывая цвѣты. „Матросъ“ сначала заинтересовался моими движеніями, но, потыкавъ носомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ и не почуявъ запаха ни птицы, ни звѣря, отошелъ, присѣлъ въ сторонѣ и подумалъ, вѣроятно, что я сошелъ съ ума.

Здѣсь были незабудки, потомъ пурпуровые, бѣлые и красные цвѣты (*Astragalus*) и пѣжная вероника и лютикъ (*Ranunculus acris*). Мѣстечко было такое очаровательное, что я хотѣлъ вернуться сюда на слѣдующій день; но это не удалось, такъ какъ пришлось перемѣнить мѣсто стоянки.

18 *іюня*. Повисъ легъ спать, а я сѣлъ за дневникъ въ картографической комнатѣ; оторвавшись разъ случайно отъ своей работы, я взглянулъ въ окошко и увидѣлъ, что небо, до сихъ поръ ясное, потемнѣло; это предвѣщало, что намъ угрожаетъ либо туманъ, либо вѣтеръ. Приказавъ внимательнѣе держать вахту, я продолжалъ свою работу. Въ 1 ч. ночи я вышелъ на палубу. Видъ неба сталъ еще тревожнѣе; вдали на сѣверѣ виднѣлись темныя и мѣднокрасныя полосы, похожія на дождь, снѣгъ или туманъ. Мнѣ это не понравилось. Мѣсто нашей стоянки было очень открытое. Вѣтеръ дулъ съ сѣверо-запада, но направленіе его измѣнялось такъ быстро, что оставаться на нашемъ мѣстѣ скоро могло сдѣлаться небезопаснымъ. Поэтому, я выпулъ свой рисовальный ящикъ и сдѣлалъ тщательный набросокъ берега возлѣ залива Зайчихи; къ сожалѣнію, едва-ли они будутъ годны черезъ 2—3 года. Берега очень быстро измѣняются. Литке издалъ свои очень тщательныя проэкціи: но прежніе обрывы теперь осыпались и весь видъ сталъ теперь нисколько не похожъ на прежній.

Мало по малу небо перестало казаться угрожающимъ,

но тѣмъ не менѣе мы не имѣли никакого права оставаться на нынѣшнемъ мѣстѣ, разъ была надежда найти болѣе спокойную стоянку. А такимъ становищемъ обѣщала быть р. Гусиная, такъ какъ, если помнитъ читатель, здѣсь было мѣсто высадки раскольниковъ, упоминаемыхъ Максимовымъ и Савельевымъ. Я сказалъ объ этомъ шкиперу и въ пятомъ часу утра мы развели пары и тронулись въ путь. Причины продолжать бодрствованіе не оставалось теперь никакой и потому въ половинѣ шестаго я легъ спать. Черезъ часъ меня разбудили извѣстіемъ, что впереди виднѣется Гусиный мысъ; обойдя его мы медленно пошли къ устью р. Гусиной, но должны были остановиться на разстояніи почти мили отъ него на глубинѣ въ 4 сажени. Было уже 10 ч. утра. Море вокругъ насъ было мутное отъ рѣчныхъ водъ, и мы послали впередъ лодки, чтобы дѣлать промѣры: ни слѣда удобопроходимаго канала мы не нашли; счастье, очевидно, было противъ насъ. Вѣтеръ измѣнился въ сѣверо-сѣверо-восточный и на насъ спустился отвратительный, холодный туманъ; цѣлый день мы не могли тронуться съ мѣста. Развлекались какъ могли: пѣли пѣсни, истребили массу винныхъ ягодъ.

19 іюня. Измѣненія температуры воздуха (въ тѣни) очень поучительны. Когда спустился туманъ, термометръ упалъ до -5° Р., а температура водной поверхности варьировала только отъ -1° Р. до $+1^{\circ}$ Р. Туманъ оставался всю ночь, и прояснилось только къ 10 ч. утра. Тогда мы отправились на берегъ, чтобы познакомиться съ мѣстностью и запастись прѣсной водой. Это была не легкая задача. Устье было закрыто съ моря баромъ, надъ которымъ стремительно бѣжала разлившаяся рѣчка; вода ея въ мѣстѣ встрѣчи съ моремъ—былъ приливъ—бурлила и пѣнилась самымъ опаснымъ образомъ. Но на веслахъ у насъ сидѣли отличные гребцы и мы, наконецъ, очутились въ каналѣ не болѣе 6 фут. глубины. Пока люди стали наполнять бочепокъ водою, я съ Повисомъ отправился немного поохотиться. Мы высадились на восточной сторонѣ рѣчки. Мы не видали ни

слѣда старыхъ раскольниковыхъ избъ. Нашли только двѣ-три груды наноснаго дерева, сложенные кѣмъ-то, очевидно съ цѣлью увезти ихъ потомъ. Рѣчное устье было широкое и илистое; окружающая мѣстность была ровная, почва покрыта лишайникомъ, а въ углубленіяхъ ея лежалъ снѣгъ. Мнѣ пришла въ голову мысль, что мы отлично могли бы здѣсь высадиться. И хотя это противорѣчило моимъ намѣреніямъ, можете быть увѣрены, что я обозрѣвалъ мѣстность вполне критически. Но мѣсто для высадки оказалось неудобнымъ; не было ни одной лощинки, гдѣ бы можно установить палатки въ защиту отъ вѣтра.

Я застрѣдилъ краснозобаго конька (*Anthus cervinus*) и мы видѣли пару поморниковъ среднихъ (*Stercorarius pomatorhinus*).

Мы медленно шли, какъ вдругъ ясно услышали звукъ, похожій на выстрѣлъ изъ ружья. Еще черезъ нѣсколько минутъ услышали и второй. Но, пораздумавъ объ этомъ, рѣшили, что это, должно быть, трескъ льда.

Общее свойство всѣхъ предпріятій, подобныхъ нашему, заключается въ томъ, что онѣ интересуютъ гораздо болѣе тѣхъ, кто ихъ совершаетъ, чѣмъ тѣхъ, кому ихъ рассказываютъ. Но еслибъ мнѣ удалось заставить читателей вообразить себя въ нашемъ положеніи; еслибъ мнѣ удалось вдохнуть въ нихъ тѣ мысли и то стремленіе, которое одушевляло насъ, то, я думаю, они бы развеселились; сухіе факты пріобрѣли бы живой интересъ. Потому смотрите. Мы достигли, дѣйствительно *достигли* страны, надъ нашими надеждами достичь которой многіе смѣялись. Мы три раза побывали на ней; тѣмъ не менѣе наше маленькое судно находилось въ вполне исправномъ видѣ, а на бортѣ его имѣлись сѣти, драги и др. приспособленія для коллекціонирования, научные приборы и вообще все, что требовалось для спеціальнаго діагноза новой страны. У насъ было все за исключеніемъ одного только, безъ чего все остальное обращалось въ ничто: у насъ не было тавани.

Проникнитесь хорошенько этими мыслями и вы поймете,

что положеніе, о которомъ быть можетъ скучно читать, для насъ было довольно интересно.

Приливъ усилился; мы долго поджидали у рѣчнаго устья прежде чѣмъ могли рѣшиться тронуться въ обратный путь, и когда, наконецъ, мы стали грести изо всей мочи, нашу лодку долго качало, прежде чѣмъ мы могли попасть на волну, которая могла перенести насъ черезъ это мѣсто. Мы зачерпнули много воды, но прошли.

Лодка вторично должна была пойти за водою и возвращеніе было не легко. Съ палубы не разъ казалось, что лодка погибла, такъ сильно зарывалась она въ волны. Честь и слава молодцамъ, которые провели ее.

Въ полдень ледъ подошелъ къ намъ съ сѣвера; онъ угрожалъ затереть насъ. Дѣлать было нечего, пришлось снова развести пары. Мы пошли на югъ, вдоль берега. Была прекрасная ясная погода, при сѣверномъ бризѣ. Къ четыремъ часамъ пополудни онъ засвѣжѣлъ; мы поставили паруса и, хотя ледяной отблескъ покрывалъ весь горизонтъ на западѣ и югѣ, мы долго не видѣли льда. Къ концу дня мы прошли заливъ Зайчихи и устье р. Губастой. Наступилъ вечеръ — мы прошли мимо р. Кривой и все еще не встрѣчали льда. Надежды наши положительно возрастали: еще немного, мы обойдемъ уголь острова и подойдемъ къ р. Васькиной. Увы! приливъ, который несъ на насъ ледъ съ сѣвера, конечно, толкалъ и лежащія къ югу отъ насъ скопленія льда, но предѣлъ сдавливанія льда былъ достигнутъ. Мы находились южнѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Въ полдень мы находились на траверсѣ Песчапаго бара, гдѣ обыкновенно помѣщаются „Береговое Озеро“. Обогнуть эти мели оказалось невозможнымъ. Въ двухъ миляхъ къ югу насъ ожидалъ старый врагъ: свирѣпый, безжалостный, неодолимый. Ближе знакомиться съ нимъ мы не пожелали; мы бросили якорь и остановились.

20 июня. Когда я въ два часа ночи легъ спать, положеніе оставалось неизмѣннымъ, Я ждалъ противъ очевидности, что ледъ тронется и пропуститъ насъ. По какой-то

несчастной случайности я заснулъ слишкомъ крѣпко. Обыкновенно же я спалъ очень чутко, высывая почти каждый часъ носъ изъ своей берлоги, чтобы посмотрѣть, каковы дѣла. Теперь я потерялъ сознание почти на цѣлыхъ пять часовъ и проснулся только въ 7 часовъ отъ стука винта. Вотъ что случилось. Вахту держали плохо. Въ половинѣ шестаго ледъ двинулся на насъ. Въ котлѣ было только половинное давленіе: 28 фунтовъ. Ледъ подвигался съ необыкновенной быстротой прямо противъ вѣтра. Онъ подходилъ все ближе и ближе, пока не подошелъ къ самому винту. Къ счастью давленіе паровъ доведено было до надлежащаго напряженія — только въ этотъ моментъ, — и намъ удалось ускользнуть изъ пасти дракона. Признаюсь, я былъ радъ, что меня не было на палубѣ минутою раньше. Еслибъ одна льдина подобнаго льда коснулась нашего винта, то десять шансовъ изъ одного, что мы дорого бы за это заплатили. Если бы я былъ на палубѣ часъ тому назадъ, мы взяли бы другой галсъ. Но къ чему пустые вопросы? Мы не спрашивали шкипера, почему онъ не попробовалъ парусовъ. Всѣ люди были серьезны и молчаливы: они получили хорошій урокъ, который не скоро забудутъ. По словамъ шкипера, „это былъ настоящій твердый полярный ледъ — такой же, какой мы встрѣчали въ Смитовомъ проливѣ“. Крупные, зубреные, изрытые торосы, они пришли съ сѣверо-востока изъ морей, омывающихъ Новую Землю. Пока живъ, я не забуду роковой ошибки этого дня. Мы отлично могли высадиться на р. Кривой, и мы не высадились; мы могли сдѣлать это, но потеряли случай, и онъ больше не представился. Неохотно, медленно подвигались мы впереди льда, онъ толкалъ насъ такъ сказать. Но мы еще не стчаявались, мы еще надѣялись найти гавань. Гавани не было на этой сторонѣ острова, но если съ юга ледъ надвигался на насъ, на сѣверѣ онъ долженъ былъ отодвинуться. Поэтому казалось, что мы можемъ еще обойти островъ съ сѣвера. Мы плыли на парусахъ, по возможности сохраняя уголь, но у меня въ головѣ появилась мысль, которую я еще передъ

сномъ сообщилъ своему товарищу. „Если—сказалъ я,—намъ не удастся обойти островъ съ сѣвера, я высажусь завтра“.

Теперь я изложу соображенія, въ которыхъ я не считалъ бы нужнымъ пускаться, если бы послѣ моего возвращенія въ Англію меня съ разныхъ сторонъ не укоряли за „безуміе и опрометчивость“, съ которыми я подвергъ себя и другого невѣдомымъ случайностямъ, какія представлялись намъ на Колгуевѣ. Но читатель, который подумаетъ, что передъ нашими глазами было доказательство существованія, если не теперь, то недавно на этомъ островѣ людей съ оленями и санями; что даже если бы эти люди перешли на материкъ они могли вернуться обратно, когда море очистится ото льда; или что кто-нибудь съ материка могъ придти къ нимъ—ибо невѣроятно, чтобы даже самоѣды могли существовать безъ муки или другихъ жизненныхъ припасовъ;—и наконецъ, что мы предприняли свою поѣздку не съ какой другой цѣлью, кромѣ изслѣдованія самаго острова—читатель, говоря я, который, подумавъ такъ, поставитъ себя на мое мѣсто, оправдаетъ меня за мое намѣреніе выполнить, насколько я былъ въ силахъ, задачу, подойти къ разрѣшенію которой стоило мнѣ столько труда.

И я не былъ дурного мнѣнія объ островѣ. „Хорошъ островокъ—дай ему, Господи, многіе годы“,—говорили поморы Максимову. Но, конечно, мои мысли не всеми раздѣлялись. Нашъ экипажъ, состоявшій изъ старыхъ гренландскихъ китолововъ, питалъ непреодолимый предразсудокъ противъ этого мѣста. Они не могли представить, чтобы кому-нибудь въ мірѣ понадобилось такое жалкое и негостепріимное мѣсто: ни китовъ, если исключить бѣлугу, которую мы видѣли у устья р. Гусиной, ни медвѣдей, ничего, что казалось бы имъ достойнымъ вниманія.

Эту часть моихъ соображеній я обсуждалъ со своимъ другомъ Повисомъ, что было, конечно, необходимо: для него, какъ для яраго спортсмена, нужна была крупная дичь, которой мы не нашли на Колгуевѣ. И поэтому очень благо-разумно Повисъ рѣшилъ отправиться теперь на Новую Зем-

лю, что онъ потомъ и сдѣлалъ. Онъ былъ силенъ противъ моего намѣренія; онъ увѣрялъ, что я могу не найти на островѣ людей и что тогда положеніе мое будетъ очень опаснымъ. Я былъ очень признателенъ ему за его доброту и дружескія чувства; умъ мой не былъ болѣе склоненъ къ альтернативамъ.

Такъ кончился шестой день нашего разочарованія.

21 *іюня*. Наступило утро. Вѣтеръ дулъ сначала съ сѣвѣра, потомъ съ сѣв.-запада и, наконецъ, съ сѣв.-востока. Надежды, слѣдовательно, что ледъ, лежащій къ сѣверу отъ насъ, будетъ отогнанъ вѣтромъ, не было.

Надъ сѣверной частью острова нависли прежнія туманныя облака чернаго и мѣднокраснаго цвѣта. Когда они поднялись на моментъ, на горизонтѣ обнаружился по прежнему ледяной отблескъ. Мы обсудили наше положеніе. Угля у насъ было тридцать тоннъ,—количество достаточное только для перехода отсюда до Вардѣ. Медлить и ждать было больше нельзя. Чего не далъ-бы я, чтобы можно было вернуться къ р. Кривой! Но было слишкомъ поздно, ледъ не пускалъ насъ туда. Поэтому я рѣшилъ высадиться. Теперь возникъ вопросъ: идти-ли мнѣ одному или взять съ собой Гилланда. Я сильно склоненъ былъ идти одинъ. Я сказалъ это Гилланду; онъ просилъ не оставлять его и, когда я указалъ ему, что это не дѣтская забава, что дѣйствительно мы можемъ совсѣмъ не встрѣтить туземцевъ и, для добыванія пищи, должны будемъ положиться исключительно на наши ружья, онъ все-таки сказалъ, что пойдетъ. Мнѣ поправилась его настойчивость, потому, что я зналъ очень хорошо, что друзья его, матросы, имѣвшіе очень мрачные взгляды на это мѣсто, увѣряли его, что онъ не вернется живымъ. Итакъ, было рѣшено, что Гилландъ пойдетъ со мной. Мы должны были взять съ собой на мѣсяцъ провизіи, инструменты и нѣсколько другихъ вещей. По высадкѣ, мы должны были устроить лагерную стоянку и затѣмъ, оставивъ все, что не могли нести, направиться къ устью р. Васькиной и постараться пайти самоѣдовъ. Если бы намъ не удалось встрѣ-

титъ ихъ, мы должны были направиться къ Становому Шарку, который мы считали мѣстомъ, гдѣ русская канонерка останавливалась въ прошломъ году на нѣсколько часовъ, согласно свѣдѣніямъ, которыя Повисъ получилъ отъ русскаго консула въ Вардѣ. О всякой перемѣнѣ плана я долженъ былъ сообщить въ запискѣ и зарыть послѣднюю въ шести футахъ къ сѣверу отъ креста, который я могъ воздвигнуть на доступномъ для меня мѣстѣ. Чтобы его какъ-нибудь не унесли, я долженъ былъ написать по русски: „Святитель Николай“, полагая, что въ такомъ случаѣ тотъ, кто прочтетъ эту надпись, не осмѣлится тронуть креста. Я рассчитывалъ на набожность или предрасудки туземцевъ.

Тѣмъ временемъ „Саксонецъ“, запасшись углемъ въ Вардѣ и побывавъ на Новой Землѣ, долженъ былъ черезъ мѣсяцъ вернуться за нами. Мы думали, что у насъ будетъ достаточно времени для производства дрогировокъ и другихъ работъ, при которыхъ мы можемъ обойтись безъ лодки. Но, хотя мы всѣ думали, что ледъ черезъ мѣсяцъ разойдется никто изъ насъ не могъ предсказать, что это именно такъ случится. Это соображеніе усиливало безпокойство Повиса на мой счетъ. Поэтому я освободилъ его отъ всякой отвѣтственности. „Не безпокойтесь. Если вамъ удастся придти, придете. Если нѣтъ, мы перейдемъ на материкъ съ русскими или самоѣдами или съ кѣмъ-нибудь другимъ. Или если покажется русская канонерка, мы отправимся на ней; вотъ и все“.

Въ прошломъ году, когда я былъ въ Архангельскѣ, губернаторъ любезно предложилъ мнѣ отправить меня на канонеркѣ, когда она пойдетъ на Новую Землю. Кромѣ того, я послалъ нынче изъ Вардѣ на другой день нашего прибытія, письмо къ офицерамъ этого судна, прося ихъ зайти на Колгуевъ, когда они будутъ проходить мимо.

Люди смастерили намъ маленькія сани, на которыхъ мы предполагали, не зная ужъ на какомъ основаніи, везти нѣкоторыя наши вещи по тундрѣ. Въ восемь часовъ вечера мы сложили свой багажъ въ лодку и на веслахъ отправи-

лись къ заливу Зайчихи. Насъ постигла неудача, такъ какъ ѡтеръ дулъ противъ прилива. Громадные валы набѣгали на мели и разбивались о нихъ и мы скоро нашли, что предпріятіе слишкомъ опасно: мы едва успѣли вернуться. Ледъ, подвинувшись сзади, занялъ угрожающее положеніе по отношенію къ яхтѣ. Чудовищныя глыбы ударялись одна о другую, то погружаясь, то выплывая вновь, какъ голодные бѣлые медвѣди. Нашъ старый рулевой, проведеншій лучшее время своей жизни въ гренландскихъ моряхъ, произвелъ на меня впечатлѣніе, которое я не скоро забуду. Его морщинистое лицо, на половину грозное, на половину испуганное, обращено было на ледъ. „Будь ты проклятъ,—говорилъ онъ,—будь ты проклятъ, ты идешь на насъ, чортова кукла. Ты хочешь насъ раздавить,—это тебѣ не удастся!—Ну-ка, ребята!—ага, дьяволъ!“ И мы прошли мимо громадной глыбы. „Вы, кажется, очень любите ледъ?“ — сказалъ я „Въ немъ погибло много моихъ родственниковъ,—отвѣчалъ онъ,—онъ весь покрытъ кровью“. Мы прибыли на судно только-что во-время.

Можете вообразить себѣ наше чувство! Я зналъ, что у насъ оставалась еще одна надежда,—на рѣку Гусиную. Правда, между нами, если-бъ мы на нее высадились, и до р. Васькиной прострапство было-бы очень велико, но выбора уже не было. Теперь вы понимаете отчасти, почему прохождение мимо р. Кривой было такой фатальной ошибкой. Мы отправились подъ парами на сѣверъ и скоро очутились среди мертваго спокойствія: поверхность воды была спокойная, точно покрытая масломъ. Это былъ краснорѣчивый признакъ, который мы хорошо понимали. Но ледъ отодвинулся на сѣверъ отъ рѣки; поэтому мы могли высадиться тамъ, если приливъ позволить.

Еще разъ нагрузили мы лодку и отплыли на веслахъ. Я попрощался съ Повисомъ, котораго мы оставили на суднѣ, и обѣщалъ ему пробить на мѣстѣ нашей высадки по крайней мѣрѣ до слѣдующаго вечера, чтобы убѣдиться, прошелъ-ли „Саксонецъ“. Мы достигли рѣчного устья. Все

шло прекрасно. Мы высадились, но не на правомъ или сѣверномъ берегу, гдѣ мы высаживались раньше, а на лѣвомъ или южномъ. Я выбралъ по возможности лучшее мѣсто для палатки, подъ защитою мели, отдѣлявшей рѣчку отъ моря и здѣсь мы выгрузили свои вещи. Въ полпочъ все было готово. Моряки, одинъ за другимъ, подходили и пожимали намъ руку, какъ людямъ, приговореннымъ къ смерти. Я пожурилъ штурмана за его мрачный видъ, сказавъ: „пустяки, подумайте, развѣ вы не отправились бы съ нами?“ „Нѣтъ, сэръ,—былъ отвѣтъ штурмана,—я не провелъ бы ни одного мѣсяца на этомъ островѣ; ни за тысячу фунтовъ стерлинговъ;—нѣтъ, даже если бы вы мнѣ обѣщали подарить „Саксонца“. Затѣмъ онъ пожалъ руку Гилланду, медленно и продолжительно, пробормотавъ какія-то слова, которыхъ я не разслышалъ. Но Гилландъ потомъ сказалъ мнѣ ихъ. Онѣ были: „Прощайте, прощайте *на всегда*. Я никогда больше не увижусь съ вами“.

Бѣдные ребята! Они навѣрно говорили отъ чистаго сердца; но я тогда разсердился. Вся эта церемонія такъ мало гармонировала съ тѣмъ ничтожнымъ предпріятіемъ, которое намъ предстояло совершить. И для Гилланда, я думаю, она была тяжела. Наконецъ, люди отплыли.

Пока мы устанавливали палатку, старый „Матросъ“ спокойно забѣгалъ, что-то почуявъ, и наостривъ уши, сдѣлалъ стойку, наверху холмика, смотря внизъ. Тамъ мы нашли гнѣздо подорожника (*plectrophanax nivalis*), содержащее шесть яицъ. То былъ счастливый случай и я принялъ его за хорошее предзнаменованіе. Солнце поднималось выше и льдины, плавающія на рѣкѣ и на морѣ, ослѣпительно сверкали. Мы не могли выбрать болѣе чуднаго момента для высадки; и мы находились въ прекраснѣйшемъ расположеніи духа.

IV.

Устройство палатки.—Таинственный стрѣлокъ.—По слѣгамъ.—Нѣсколько замѣчаній о птицахъ Колгуева.—Слѣды людей.—Ближайшее знакомство съ птицами острова.

22 іюня. Часъ спустя послѣ нашей высадки „Саксонецъ“ поднималъ якорь. Долго наблюдалъ я за нимъ, какъ онъ исчезалъ на западѣ, и потомъ принялся за дѣло.

Отъ моря насъ отдѣляла лишь глинистая отмель, такъ что нельзя было оставаться въ бездѣйствіи и слишкомъ долго провожать глазами судно.

Раскинуть палатку не долго, но у насъ было довольно дѣла и кромѣ этого.

Порядочно времени заняло собираніе дерева для костра. Берегъ моря былъ усыянъ наноснымъ лѣсомъ, и нѣкоторыя бревна оказались довольно тяжелыми. Гиландъ, который былъ гораздо болѣе меня способенъ къ переноскѣ тяжестей, просто поражалъ меня тѣмъ, какія огромныя бревна таскалъ онъ на своихъ плечахъ. Многіе изъ этихъ бревенъ носили слѣды топора, часто совершенно свѣжіе. Мы смотрѣли на эти слѣды съ большимъ интересомъ, такъ какъ они являлись новымъ доказательствомъ того, что на Колгуевѣ существуютъ люди.

Наконецъ мы собрали порядочную кучу бревенъ и на кострѣ сварили себѣ супу.

Гиланду очень хотѣлось застрѣлить куропатку къ завтраку и я отпустилъ его на охоту. Въ 3 часа онъ вернулся съ торжествующимъ видомъ, неся великолѣпную куропатку-самца, и сообщилъ, что „Саксонецъ“ еще виденъ и прекрасно подвигается впередъ.

Утро было не совсѣмъ пріятное, такъ какъ надъ островомъ нависъ холодный туманъ. Но къ 9 часамъ прояснилось.

Сидя за завтракомъ, мы оба, какъ намъ показалось, явственно слышали два выстрѣла. Звукъ шелъ какъ

будто съ востока, т. е. оттуда, откуда я и Повисъ слышали выстрѣлы еще въ прошлый вторникъ.

Мнѣ сразу пришло въ голову, что самымъ разумнымъ въ нашемъ положеніи будетъ попытаться немедленно же найти этого таинственнаго стрѣлка. Захвативъ съ собой ружья и „Матроса“ мы пошли, поэтому, между р. Гусиной и морскимъ берегомъ. Тутъ намъ впервые пришлось познакомиться съ тѣми, наполненнымъ снѣгомъ оврагами, которые и впоследствии доставили намъ немало хлопотъ. Многіе изъ нихъ, находящіеся внутри острова, были гораздо страшнѣе встрѣченныхъ нами здѣсь, но я думаю, что лучше всего описать ихъ теперь же, разъ навсегда.

Представьте себѣ глубокую, узкую лощину съ круто спускающимися склонами. Зимой лощина совершенно наполнена снѣгомъ. Теперь, когда снѣгъ началъ таять, онъ опустился, конечно, къ низу и лежалъ на склонахъ подъ угломъ градусовъ въ 45. На днѣ образовался потокъ, берега котораго, высотой отъ 6 до 12 футовъ и больше, или перпендикулярны или даже наклонны ко внутри, такъ что нависаютъ надъ потокомъ. Теперь вамъ понятно, что за скверное это мѣсто.

Но очень часто самого потока даже не видно — онъ течетъ подъ снѣжнымъ мостомъ; вы слышите только гдѣ-то внизу шумъ и журчанье бѣгущей воды. Тогда это — настоящая западня. Если бъ мы провалились сквозь снѣжный мостъ или какимъ-нибудь инымъ способомъ очутились на днѣ, то я, право, не знаю, какъ бы мы выбрались оттуда, потому что у насъ не было ни веревокъ, ни вообще никакихъ приспособленій для такого рода случая.

Нашъ „Матросъ“ тоже беспокоился. Старый песъ былъ очень дѣятеленъ, если принять въ соображеніе его лѣта, но я все-таки за него боялся. Онъ прекрасно велъ себя въ этихъ мѣстахъ: прежде чѣмъ ступить на какое-нибудь мѣсто, онъ тщательно его изслѣдовалъ. Ему далеко не нравился этотъ таинственный шумъ воды гдѣ-то на глубинѣ, и подойдя къ такому снѣжному мостику, по которому я потомъ

спокойно проходилъ, онъ дѣлалъ невѣроятный прыжокъ на противоположную сторону и, искоса поглядѣвъ назадъ, какъ будто желая убѣдиться, цѣлы ли мы, принимался кататься по снѣгу, какъ молодой щенокъ.

Миновавъ нѣсколько излучинъ рѣки, мы пришли къ покрытой травой возвышенности, откуда открылась настоящая панорама. У нашихъ ногъ протекала рѣка, почти кольцомъ окружая небольшой полуостровъ, покрытый пескомъ и травой, на которомъ стоялъ русскій крестъ, обозначавшій, какъ оказалось потомъ, могилу.

При нашемъ приближеніи высоко взвился соколъ-сажанъ (*Falco peregrinus*), гнѣздо котораго мы нашли здѣсь неподалеку. Гнѣздо состояло просто изъ небольшой ямы, скупо устланной сухимъ мохомъ и нѣсколькими перьями, принадлежавшими несомнѣнно насѣдкѣ. Въ немъ лежало четыре яйца. Полуостровъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ находилось гнѣздо, отнюдь пельзя было назвать обрывистымъ; напротивъ, онъ спускался къ водной поверхности совершенно полого. Вокругъ гнѣзда не было ни костей, ни перьевъ, которые могли бы обнаружить хищную натуру его обитателя. Потомъ я нашелъ нѣсколько комковъ пищи вокругъ креста, но возлѣ гнѣзда ничего подобнаго не было.

Читатели, вѣроятно, знаютъ, что всѣ хищныя, а кромѣ нихъ и многія другія птицы выбрасываютъ или отрыгаютъ пепереваримую часть своей пищи—кости, кожу и мясо—въ видѣ шариковъ или комковъ. Въ зоологическихъ садахъ вы можете видѣть, какъ хищная птица икаетъ, подобно отрыгающей жвачку коровѣ, и затѣмъ появляется комокъ. Тотъ, кто держалъ этихъ птицъ въ неволѣ, хорошо знаетъ, что имъ нельзя предлагать новой пищи, прежде чѣмъ они не „отрыгнутъ“ уже проглоченной. Для здоровья этихъ птицъ необходимо, кромѣ того, предлагать привычный имъ родъ пищи. Если вы когда нибудь увидите, что хищныхъ птицъ кормятъ сырымъ мясомъ или печенкой, какъ это часто дѣлаютъ, то можете быть увѣрены, что онѣ не долго проживутъ въ добромъ здоровьи. Изслѣдуйте ежедневно эти комки

для того, чтобы видѣть, все ли мясо хорошо переварено, и вы сразу найдете ключъ къ тому, какой режимъ необходимъ для хищныхъ птицъ. Но это между прочимъ.

Какъ разъ насупротивъ русскаго креста рѣка, расширяясь, повидимому стаповилась мельче. Я снялъ сапоги и пошелъ вбродъ, а Гиландъ съ „Матросомъ“ сѣли на берегу и наблюдали за мною. Рѣка была шириною около 40 сажень, а въ ней было не мало отвратительныхъ мѣстъ, гдѣ теченіе было очень сильно. Такъ я медленно перешелъ, пальцами ощупывая тинистое дно, котораго не было видно сквозь воду. Въ самомъ глубокомъ мѣстѣ вода достигала не выше колѣнъ. Ледяная вода не очень тепла и послѣ перехода мои ноги на нѣсколько минутъ совершенно ооченѣли.

Гиландъ мужественно перешелъ вдвое скорѣе меня. Миѣ было очень жаль его, бѣднягу: онъ такъ чувствителенъ къ холоду. Его пробрало, кажется, сильнѣе, чѣмъ меня. Но полагаю, что ежедневный пріемъ по утрамъ холодной ванны, быть можетъ, сдѣлаетъ его менѣе чувствительнымъ.

„Матросъ“ не думалъ ничего на этотъ счетъ, хотя ему пришлось плыть. Собаки должно быть считаютъ насъ жалкими и несовершенными твореніями, видя, съ какимъ трудомъ дѣлаемъ мы вещь, столь простую для нихъ.

Подъ крестомъ я нашелъ деревянный снарядъ, который принялъ за весло. Я подумалъ, не принадлежало ли оно одному изъ несчастныхъ раскольниковъ, о которыхъ рассказываетъ Максимовъ и Савельевъ, но теперь я знаю, что это—самоѣдская лопата и что, слѣдовательно, мы были у самоѣдской могины. Но объ этомъ—ниже.

Немного спустя мы подошли къ лисьей порѣ. Если вы заглянете въ книгу сэра Джорджа Нэрса объ его полярной экспедиціи въ 1875 г., то найдете тамъ очень интересную статью полковника Фейльдена о правахъ этого животнаго, паблюденныхъ имъ въ Гринелевой Землѣ. Если бъ я зналъ объ этомъ раньше, то подробнѣе изслѣдовалъ бы внутренность порѣ. Но тогда я обратилъ вниманіе лишь на то, что

мѣсто усѣяно остатками растерзанныхъ гусей, и что тамъ, же лежатъ грудина и передніе лапы тюленя. Я только заглянулъ въ нору, надѣясь увидѣть тамъ остатки лемминговъ. Между тѣмъ стоило только слегка разрыть землю и мы нашли бы, вѣроятно, любопытныя кладовыя, описанныя Фейльденомъ. Но мѣшкать было нельзя, если мы желали найти своего загадочнаго стрѣлка.

Немного погодя мы нашли слѣды отъ саней, запряженныхъ оленями; слѣды были недавніе. Мы пошли по нимъ. Мѣстами они раздваивались и перепутывались. Человѣкъ, ѣхавшій на нихъ, собиралъ, очевидно, яйца куропатокъ. Мы замѣтили нѣсколько разоренныхъ гнѣздъ и мѣсть, гдѣ куропатки были застрѣлены или пойманы собакой. Часто было трудно идти по слѣду. Я поражаюсь легкостью полозьевъ: на поросшемъ лишаями торфѣ онѣ часто совсѣмъ не оставляли слѣдовъ, и тогда, только по ямкамъ, сдѣланнымъ въ торфѣ оленьими копытами, мы могли судить о томъ, какого направленія намъ слѣдуетъ держаться, чтобы не потерять слѣдовъ окончательно. Но въ мѣстахъ, покрытыхъ сухимъ мохомъ, даже оленьихъ слѣдовъ не было замѣтно; мохъ до такой степени эластиченъ, что наши собственные ступни не оставляли на немъ никакого отпечатка.

Такъ мы три часа шли по слѣду, который, постепенно заворачивая, привелъ насъ снова къ р. Гусиной. Отсюда онъ круто поворачивалъ и уходилъ въ восточномъ направленіи: человѣкъ отправился домой. Я рѣшилъ, что безразсудно пытаться нагнать сани, запряженные пятью оленями, и пришелъ къ заключенію, что и намъ не мѣшало бы вернуться „домой“. Впослѣдствіи я узналъ, что таинственный стрѣлокъ былъ самоѣдъ Антипъ и что еслибъ мы нашли его тогда, то избѣгли бы многихъ дней утомительныхъ блужданій.

Итакъ, мы направились обратно къ нашему броду. Проходя мимо одного небольшого озера мы замѣтили снѣжную сову (*Nyctea scandiaca*), наклонившуюся надъ водой и вылавливающую оттуда что-то — вѣроятно, рыбу, которую она

складывала на берегу у своихъ ногъ. По озерку плавала взадъ и впередъ передъ нею красно-зобая гагара (*Corymbus septentrionalis*) съ широко раскрытымъ клювомъ, какъ бы негодую на то, что сова явилась сюда и крадетъ ей запасную добычу. Безъ сомнѣнія, она выкрикивала ей громкій вызовъ, но мы его не слышали, такъ какъ находились слишкомъ далеко отъ нихъ. Я наблюдалъ всю эту сцену въ подзорную трубу.

Изъ всѣхъ видовъ совъ снѣжная сова — самая красивая. Эту полярную птицу, нравы которой неоднократно наблюдались мною во время путешествія по Канадѣ, я увидѣлъ на Колгуевѣ въ первый разъ. Сегодня же мы замѣтили морскую гагару (*Columbus Adamsi*), которой потомъ я ни разу не встрѣчалъ на Колгуевѣ. Это странно, потому что на материкѣ цѣлыя массы ихъ гнѣздятся въ тундрѣ близъ озерковъ. На берегу небольшого ручейка мы нашли гнѣздо краснозобого конька (*Anthus cervinus*), построенное исключительно изъ мха и содержащее шесть яицъ. Еще дальше мы спугнули гуся-гусеника (*Anser segetum*) съ его гнѣзда. Наконецъ, случилось нѣчто, невольно вызвавшее во мнѣ размышленія о законѣ случайностей. Я говорю о томъ, что едва мы достигли берега р. Гусиной въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы перешли въ бродъ нѣсколько часовъ тому назадъ, какъ замѣтили на рѣчномъ илѣ свѣжіе слѣды девяти оленей и двухъ саней. Они прошли здѣсь послѣ нашего перехода. Слѣды были такъ свѣжи, что илъ еще не успѣлъ затянуть отпечатки оленьихъ копытъ. Тутъ перешли очевидно легкіе сани, запряженные пятью оленями, и тяжелыя, запряженные четырьмя. Люди вѣроятно пріѣзжали сюда собирать наносный лѣсъ. Поверни они немножко въ сторону, и они замѣтили бы нашу маленькую палатку и тогда безъ сомнѣнія мы нашли бы ихъ здѣсь по нашемъ возвращеніи. Но они ее не видали и потому останавливались здѣсь не на долго. Какимъ образомъ не обратили они вниманія на наши слѣды — просто непонятно. Вотъ ужъ чего не могло бы случиться съ американскими индѣйцами!

Вообразите нашу досаду: два европейца остались одни на этомъ полярномъ островѣ и нуждаются только въ одномъ— въ помощи туземцевъ. Имъ абсолютно неизвѣстно, въ какомъ мѣстѣ живутъ туземцы: дважды въ одинъ день проходятъ эти туземцы подъ носомъ у нихъ и остаются неуловимыми. Понадобилось потомъ шесть дней, чтобы найти ихъ!

Мы опять пошли въ бродъ черезъ рѣчку. Пока мы разувались, нашъ старый „Матросъ“ свернулся калачикомъ и заснулъ. Мы не замѣтили этого во время, но когда кончили обуваться на другой сторонѣ рѣчки, его съ нами не было. Оглянувшись назадъ, мы увидѣли, что старый песъ спокойно спитъ на томъ берегу. Намъ стоило большихъ трудовъ разбудить его: одну минуту я даже думалъ, что мнѣ придется опять переправляться за нимъ. Наконецъ, когда моя глотка совсѣмъ охрипла, а Гиландъ и вовсе потерялъ голосъ, песъ спокойно поднялъ голову, осмотрѣлся вокругъ, поднялся, встряхнулся и пустился вплавь; затѣмъ онъ подошелъ къ намъ съ такимъ невиннымъ видомъ, будто не мы ждали его, а онъ насъ.

Мы достигли своей палатки въ 10 час. Все перемѣнилось вокругъ нея. Тамъ, гдѣ была открытая вода, по которой мы подошли къ острову, теперь лежалъ сплошной морской ледъ. Ледъ на сѣверѣ, ледъ на югѣ, ледъ у берега и ледъ далеко въ морѣ!..

23 іюня. Постараться найти туземцевъ во что бы то ни стало—вотъ первое, что нужно было сдѣлать. Вчерашняя рекогносцировка показала мнѣ совершенно ясно слѣдующее: если придерживаться моего первоначальнаго плана и попытаться достигнуть р. Васькиной по западному бдрегу острова, то намъ придется обойти нѣсколько заливовъ и перейти по крайней мѣрѣ двѣ большія рѣчки, Губистую и Кривую. Переходъ нашъ чрезъ р. Гусиную не казался однако намъ соблазнительнымъ настолько, чтобы мы хотѣли бы, безъ крайней необходимости, повторить вновь тотъ же процессъ. Къ тому же слѣды саней, по которымъ мы шли вчера, ухо-

дили въ восточномъ направленіи. Поэтому казалось болѣе цѣлесообразнымъ направиться къ Становому Шарку, придерживаясь по возможности возвышенности, составляющей водораздѣлъ между восточнымъ и западнымъ рѣчными бассейнами Колгуева. При полномъ незнакомствѣ съ внутренностью острова, невозможно было сказать, сколько времени потребуетъ такой переходъ. Легко могло случиться, кромѣ того, что придя къ Шарку, мы не найдемъ тамъ туземцевъ. Что дѣлать тогда? Тогда, я думаю, мы пошли бы къ югу отъ Шарка и шли бы кругомъ внутри острова, до тѣхъ поръ, пока снова не достигли нашей первой стоянки у р. Гусиной, еслибъ все таки не нашли туземцевъ.

Предъ отиравленіемъ, дѣла у насъ было вдоволь. Каждую маленькую подробность нужно было тщательно обдумать; нельзя было ни оставить ничего, что могло бы намъ пригодиться, ни взять съ собою то, въ чемъ мы не нуждались безусловно. Все вѣдь мы должны были нести собственноручно въ мѣшкахъ.

Сегодня пріятная погода: ярко свѣтитъ солнце и дуетъ легкій вѣтерокъ съ С. или СВ. Сегодня мы заняты были сниманіемъ шкурокъ съ птицъ, убитыхъ нами, и потому оставляли нашу палатку лишь не на долго, чтобы взлѣзть на холмикъ и посмотрѣть на море.

Ледъ несовсѣмъ сплошной; мѣстами въ немъ виднѣются небольшія полыньи, въ которыхъ плаваютъ морскія птицы. Я съ наслажденіемъ всходилъ на маленькій холмикъ и наблюдалъ жизнь въ этихъ лужицахъ, окаймленныхъ льдомъ.

Здѣсь цѣлое сборище острохвостокъ (*H. relida glacialis*) — я нахожу о нихъ слѣдующія замѣчанія въ своемъ дневникѣ.

„*Harrelida* испускаетъ крики, необыкновенно похожіе на человѣческій голосъ. Забавно смотрѣть, какъ она быстро пролагаетъ себѣ путь среди плавающихъ льдинъ, держа все время голову подъ крыломъ. Она кажется никогда не смотреть, куда идетъ, и однако никогда не ошибается, проворно пробираясь между плавучими льдинами. Но такъ дѣлаютъ только самцы; самки обнаруживаютъ свойственную

ихъ полу осторожность. Когда она плыветъ, она держитъ голову на сторожѣ и глаза открытыми,

Охота тюленей на острохвостками.

„Намъ не удалось подстеречь момента, когда бы птицы эти были въ покоѣ или не двигались. Теперь полдень. Солнце стоитъ высоко. Два старыхъ тетерева, вѣромъ рас-

пустивъ хвосты, вызываютъ другъ друга на бой. Вокругъ плаваютъ гуси, весь день слышится пѣніе маленькихъ пташекъ. Когда мы удалимся внутрь острова, мы будемъ идти ночью, а въ полдень будемъ спать и не увидимъ больше такихъ сценъ“.

Да, теперь вспоминаю я этихъ тетеревовъ на току.

Солнце освѣщало противоположный берегъ, легкая дымка тумана повисла надъ рѣкой, покрытой тамъ и сямъ плавающими льдинками. У подошвы холмика, освѣщеннаго солнцемъ, стоялъ великолѣпный старый тетеревъ, вѣеромъ развернувъ свой хвостъ и опустивъ крылья. Кудачтая, онъ то кланялся, какъ молящійся мусульманинъ, касаясь клювомъ земли, то тапцовалъ какой-то танецъ, останавливаясь по временамъ, чтобы распустить свой хвостъ и отвѣтить изовсей силы своихъ легкихъ на вызовъ соперника, стоявшаго на другомъ холмикѣ ярдахъ въ 20 отъ него.

24 іюня. Сегодня утромъ я писалъ въ палаткѣ, а Гиландъ прогуливался по берегу. Вдругъ онъ позвалъ меня посмотреть интересное зрѣлище: какое-то животное, говорилъ онъ, вѣроятно тюлень охотится за утками между льдомъ. Я выскочилъ изъ палатки и подошелъ къ водѣ. И въ самомъ дѣлѣ. Стая острохвостокъ плавала въ небольшой полыньѣ прямо передъ нами. Вдругъ, точно спугнутые кѣмъ-то, онѣ поднялись и полетѣли въ разныя стороны. На томъ мѣстѣ, гдѣ онѣ были раньше, появилась круглая голова тюлея. Утки полетали кругомъ и опять сѣли на воду въ сосѣдней полыньѣ. Тюлень высунулъ голову изъ воды повыше и потомъ нырнулъ. Мы продолжали наблюдать. Еще разъ утки поднялись въ безпокойствѣ и еще разъ показалась круглая голова тюлея. Третій разъ — тоже самое. Тюлень всякій разъ высовывалъ голову и пюхалъ воздухъ, видимо досадуя на то, что добыча ускользала отъ него. Въ четвертый разъ поднялись утки, но не всѣ: одна осталась схваченная очевидно за погу. Отчаянно махала она крыльями и, наконецъ, исчезла подъ водой. Драма была кончена.

Возвращаясь къ палаткѣ, Гиландъ застрѣлилъ красно-

зобую гагару, летѣвшую отъ рѣки къ морю. „Матросъ“ подалъ ее, поджавъ губы и изображая на своей физиономіи безконечное отвращеніе. Онъ пока еще не привыкъ къ такого рода дичи: но скоро вкусы у него измѣнились. Потомъ мы пошли спать, потому что впереди намъ предстояло много работы... Мы встали въ 8 час. и сѣли завтракать. Но за завтракомъ случилась странная вещь. На берегу рѣчки, въ томъ мѣстѣ, гдѣ она дѣлала заворотъ, показались, если глаза насъ не обманывали, нѣсколько человѣкъ, которые шли къ рѣкѣ. Вдругъ они остановились и одинъ человѣкъ сѣлъ на камень и какъ будто чего-то ждалъ. Это меня обезпокоило. Туземцы, очевидно, замѣтили нашу палатку и остановились, полные подозрѣнія и нерѣшительности. Своихъ оленей они должно быть оставили за холмомъ. Что если, увидѣвъ, что мы приближаемся къ нимъ! они вскочатъ въ свои сани и бросятся бѣжать? Неужели намъ опять не суждено войти съ ними въ сношенія? Я пошелъ въ палатку за бутылкой водки, сказавъ Гиланду, что лучше всего подходить къ нимъ медленно и не брать съ собою ружей. Тогда бы они сразу увидѣли, что мы одушевлены самыми мирными намѣреніями и позволили бы подойти къ нимъ поближе, тѣмъ болѣе, что сами они, вѣроятно, были вооружены. Затѣмъ водка помогла бы намъ завязать дружбу. Итакъ, мы отправились. Не прошли мы и двадцати шаговъ, какъ положеніе фигуръ стало измѣняться. Я поднялъ подзорную трубу и посмотрѣлъ внимательнѣе. И что вы думаете я увидѣлъ! Пять большихъ гусей. То былъ миражъ.

Мы принялись готовиться къ отправленію. Не мѣшаетъ, я думаю, привести здѣсь списокъ вещей, взятыхъ нами съ собою. Вотъ онъ: 80 сухарей въ 2-хъ жестянкахъ, какао двухъ сортовъ, либиховскій экстрактъ, мясные консервы, сушеные овощи, сушеные яблоки, изюмъ, сало, котелъ съ крышкой, 2 десертныя ложки и вилки, метилированный спиртъ, кипятильникъ, пилюли изъ подофиллина и хинина, корпія, пластырь, инбирная эссенція, конфекты отъ кашля, пыжи, перья, спички. Кромѣ того, мы взяли смѣну носковъ

и т. д. Для одѣванія во время сна, я не могъ найти среди своего багажа ничего другаго, кромѣ пары чулокъ изъ парусины; но у Гиланда были мѣховые норвежскіе башмаки, которые я купилъ ему въ Вардѣ, и боюсь, что теперь я сильно ему завидовалъ. Я взялъ съ собою также подзорную трубу, фляжку, карманный микроскопъ, ножи, часы, револьверъ, деньги, записныя книжки, губку, мыло, зубной порошокъ и щеточку. Наконецъ, мы взяли, конечно, съ собой свои ружья и всѣ свои патроны (по 125 на cadaго). Мы свѣсили всѣ вещи, кромѣ патроновъ. Припимая, что каждый патронъ вѣситъ 13 зол., имѣемъ на cadaго по 17 фунт.; пищи приходилось нести каждому по 20 фунтовъ, одежда вѣсила $5\frac{1}{2}$ фунт., а ружья—одно $6\frac{1}{2}$ фунт., другое $7\frac{1}{2}$ фунт. Въ общемъ, каждый изъ насъ несъ до $1\frac{1}{2}$ пудовъ.

Мы хотѣли попробовать идти въ резиновыхъ сапогахъ, но такъ какъ я сомнѣвался на счетъ цѣлесообразности такого рода обуви, то мы взяли съ собою еще по парѣ охотничьихъ сапоговъ, которые повѣсили себѣ на шею.

Читателю быть можетъ покажется излишнимъ приведеніе этого списка вещей, взятыхъ нами съ собою, но я этого не нахожу, по той причинѣ, что отправясь я снова въ такое путешествіе, я опять взялъ бы съ собою тоже самое, за исключеніемъ сапоговъ, да, пожалуй, еще измѣнилъ бы нѣсколько покроя одежды. Мы взяли съ собою всѣ патроны, какіе у насъ были, потому что мы брали ихъ вмѣсто пищи: если бы мы не нашли туземцевъ, то единственнымъ средствомъ пропитанія у насъ оставалась охота.

Я написалъ записку Повису, въ которой сообщалъ, что мы отправились къ Шарку. Записку эту я положилъ въ жестянку и зарылъ на холмикѣ, въ разстояніи 6 футовъ къ сѣверу отъ деревяннаго русскаго креста. Содержаніе ея было составлено нами обоими сообща. Затѣмъ мы закопали въ землю топоръ, сложили и спрятали палатку и приготовились къ отправленію. Мы вышли ровно въ 7 час. вечера, и вышли при взрывѣ хохота. Я началъ его, Гиландъ подхватилъ. Каждый изъ насъ представлялъ, въ самомъ дѣлѣ,

смѣшное зрѣлище. Представьте себѣ, если съумѣете, человека на пустынномъ островѣ одѣтаго такимъ образомъ: резиновые сапоги, парусинные штаны, у пояса на кускѣ веревки болтается котелокъ. На человекѣ два сюртука: долгополый охотничій сюртукъ и поверхъ него парусинный жакетъ съ множествомъ кармановъ различной величины, набитыхъ до крайней степени. На немъ навиѣшана всякая всячина, въ томъ числѣ узелокъ съ платьемъ, пара громадныхъ охотничьихъ сапоговъ и т. п.; все увѣнчивается плоской бархатной шапочкой съ ленточкой. Таковъ былъ Гиландъ. Не знаю, смѣшно-ли это описано, но на самомъ дѣлѣ зрѣлище было прекомичное. Моя одежда нисколько не отличалась отъ наряда моего товарища.

Прежде всего мы направились къ нашему броду возлѣ русскаго креста:—разстояніе около 2-хъ миль. По мѣрѣ того, какъ мы подходили къ нему, мы все болѣе и болѣе приходили къ заключенію, что пара тяжелыхъ охотничьихъ сапоговъ, болтающихся вокругъ шеи, изобрѣтеніе далеко неостроумное. Поэтому мы зарыли ихъ въ землю возлѣ гусинаго гнѣзда, немного выше брода.

Соколь-сансахъ все еще сидѣлъ возлѣ своего гдѣзда. При нашемъ приближеніи онъ поднялся высоко въ воздухѣ и долгое время парилъ надъ нами, подстерегая всѣ наши движенія, испуская по временамъ дикіе крики. На этотъ разъ рѣку не такъ-то легко было перейти: вода въ ней поднялась. Думая, что эта прибывъ воды зависитъ отъ дневнаго таянія снѣга, мы рѣшили, что самое лучшее соснуть теперь немного и выждать спаденія воды. Но не легко было найти подходящее мѣсто, гдѣ бы мы могли прикурнуть. Берегъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ не былъ покрытъ снѣгомъ, круто спускался къ водѣ и былъ покрытъ полужидкимъ иломъ. Послѣ долгихъ поисковъ мы, наконецъ, нашли саженьяхъ въ 15 отсюда два мѣстечка, гдѣ намъ можно было прилечь. Едва только я прилегъ, какъ у меня подъ головой что-то закопошилось и изъ ямки, на которую я до сихъ поръ не обратилъ вниманія, выпорхнула маленькая

птичка—подорожникъ (*plectrophanax nivalis*). Я повернулъ голову и заглянулъ въ ямку: тамъ находилось гнѣздо съ шестью прелестными маленькими яичками. Тогда я перемѣнилъ свое положеніе, отодвинувъ лѣвую голову отъ гнѣзда. Я лежалъ спокойно, устремивъ взглядъ на камень, на половину погруженный въ воду, наблюдая, не понижается ли уровень воды въ рѣкѣ; прошло, я думаю, не болѣе пяти минутъ, какъ вдругъ, мимо самыхъ моихъ ушей, порхнула та же птичка, не обращая на меня ни малѣйшаго вниманія, точно я былъ камнемъ. Было холодно, а тутъ еще эта маленькая глупая птичка не давала мнѣ покоя: она страшно суетилась и вылетала и снова влетала въ гнѣздо чуть не каждую минуту. Я пробовалъ закрыть рукой отверстіе гнѣзда, но тогда она начинала летать вокругъ меня, жалобно чирикавая. Наконецъ, я заснулъ. Проснувшись часа черезъ два и прежде всего увидалъ ту же черно-бѣлую головку съ свѣтлыми глазками, выглядывавшую изъ гнѣзда. Потомъ я, взглянулъ на камень, лежавшій въ рѣкѣ: вода не спадала.

Тѣ, кто пробовалъ вести кочевую жизнь или спать не подъ кровлей, обыкновенно замѣчаютъ, что хотя бы они спали такъ же крѣпко, какъ и дома, но просыпаются они гораздо легче. Проснувшись они не потягиваются, не зѣваютъ, не силятся сообразить, гдѣ они, а просто открываютъ глаза и къ нимъ моментально возвращается прерванная спомнить сознанія. Минуты двѣ послѣ моего пробужденія, маленькій подорожникъ оставался такъ же неподвиженъ, какъ и камень, лежавшій въ водѣ, а потомъ вылетѣлъ изъ гнѣзда и, чирикавая, исчезъ въ туманѣ, оставивъ свои яйца на произволъ стихій. Туманъ внезапно пришелъ съ моря,—холодный туманъ, зародившійся надъ льдомъ.

Онъ принесъ съ собой морозъ. И все, къ чему онъ прикасался, становилось твердымъ и бѣлымъ. Мои усы и борода совершенно заиндевѣли и я съ трудомъ раскрылъ свой ротъ. Вскарабкавшись на берегъ, я подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ Гиландъ. Бѣдняга, никогда я его не забуду. Онъ лежалъ съ ногъ до головы покрытый инеемъ

Лицо его, обыкновенно красное и веселое, теперь посинѣло отъ холода, и руки также. Онъ весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, и не могъ говорить. Я боялся, какъ бы у него не началась лихорадка, и далъ ему немного хинину. Безполезно было упрекать себя за то, что я взялъ его съ собой. Но мнѣ было очень его жаль. Никогда не предполагалъ я, чтобы можно было такъ страдать отъ холода.

25 іюня. Гиланду было бы вредно оставаться долѣе безъ движенія, хотя самъ онъ не обнаруживаетъ ни малѣйшаго желанія идти. Я съ трудомъ подвигалъ его и заставилъ двинуться въ путь. Долго еще онъ трясся отъ холода и только послѣ 3-хъ часовой ходьбы совершенно оправился. Тогда мы остановились позавтракать. Мы съѣли по два сухаря и сварили себѣ немного какао на спиртовой горѣлкѣ.

До полудня мы не могли найти мѣста, удобнаго для брода. Рѣка все время течетъ извилинами и по одну сторону русла вездѣ были быстрыны и глубокія мѣста. Наконецъ, мы нашли подходящее мѣсто для переправы. Въ своихъ длинныхъ сапогахъ я легко перешелъ. Но у бѣднаго Гиланда сапоги были короче и потому ему пришлось разуваться и идти въ холодной водѣ голыми ногами. Въ 1 часъ мы остановились, чтобы поѣсть и уснуть. Бѣдняга Гиландъ, который былъ страшно измученъ, повалился на землю и моментально заснулъ. Но я сохранилъ присутствіе духа настолько, что, сбросивъ свою ношу, пошелъ посмотреть, нельзя ли пайти какого-нибудь топлива, чтобы развести огонь.

Искать куска дерева на Колгуевѣ, кромѣ его береговъ, въ сущности, довольно странно и бесполезно. Но благодаря счастливой случайности, я нашелъ небольшой кусокъ, свалившійся вѣроятно съ самоѣдскихъ саней. Притащивъ его, я принялся его разщеплять ножомъ. Всякую маленькую щепочку (дерево было твердо и разщеплялось съ трудомъ) я подбиралъ такъ тщательно, будто это былъ драгоценный алмазъ. Наконецъ, собравъ горсточку двѣ щепочки, я сложилъ ихъ въ кучку и, покрывъ сухимъ мохомъ и зеленой

ползучей березкой, кое-какъ развелъ огонь. На него я поставилъ котелъ и послѣ долгаго ожиданія, во время котораго мнѣ неоднократно приходилось раздувать и помѣшивать свой импровизированный костеръ, котелъ, наконецъ, запылъ, именно запылъ, а не закипылъ. Но при настоящихъ обстоятельствахъ и этого было довольно. Я заварилъ въ немъ какао, который здоровѣе чая, приготовленнаго на непрокипяченной водѣ. Я разбудилъ Гиланда и, позавтракавъ мы залегли спать. Въ половинѣ восьмага мы снова отправились. Взойдя на холмъ, мы очутились предъ непріятнымъ препятствіемъ. Холмъ представлялъ собою родъ амфитеатра. Обойдя вокругъ него, мы спустились по крутому склону къ поверхности широкой рѣчки. Всѣ склоны были покрыты снѣгомъ, нависшимъ надъ рѣкою. Не знаю, какъ удалось намъ спуститься къ ней, но мы спустились; по крайней мѣрѣ я началъ спускаться, тогда какъ Гиландъ съ „Матросомъ“ остались ждать на верху. Запримѣтивъ камень, высывавшійся изъ потока, я рѣшилъ перепрыгнуть на него со снѣжнаго навѣса. Къ счастью, я довольно легко и снѣгъ выдерживалъ меня до поры до времени. Но когда я соскочилъ, огромный снѣжный обвалъ послѣдовалъ за мною и обрушился въ рѣчку.

Дорогой читатель, если вы любите комфортъ, не прыгайте никогда со снѣжнаго навѣса на скользкій камень въ средину потока, глубина котораго вамъ неизвѣстна!

Возврата для меня не было, такъ какъ позади меня паходилась снѣжная стѣна. Я испробовалъ глубину своимъ ружьемъ и нашелъ, къ счастью, что оно достало дно. Тогда очень осторожно спустился я съ камня. Вода достигала почти до верху моихъ длинныхъ сапогъ. Обыкновенно считается, не знаю почему, большимъ преимуществомъ быть легкимъ. Могу васъ увѣрить, что когда вы переходите въ бродъ быстрый потокъ и вода достигаетъ вамъ значительно выше колѣнъ, то чѣмъ больше вы вѣсите, тѣмъ лучше. Ожидая каждую минуту, что меня спесетъ, и опираясь на ружье, я наконецъ перешелъ чрезъ узкій каналъ и взошелъ

на узенькую песчаную полосу, высовывавшуюся изъ воды. Тутъ я долго производилъ изслѣдованіе, такъ какъ спереди лежалъ другой каналъ, болѣе глубокій. Наконецъ, я открылъ, что мой островокъ продолжался далѣе по теченію въ видѣ мели. Я пошелъ по ней и такъ, мало-по-малу, перешелъ здравъ и невредимъ на противоположный берегъ рѣки, на полмили ниже того мѣста съ котораго отправился. Бродъ былъ пайденъ! Теперь пришлось вернуться назадъ къ своему островку и выискать для Гиланда болѣе удобный спускъ къ рѣкѣ. И это удалось. Тогда, балансируя на своемъ илистомъ мокромъ островкѣ, я снялъ свои длинные сапоги и сталъ перебрасывать ихъ Гиланду. Первый пролетѣлъ великолепно, понавъ прямо на верхъ снѣга. Но второй, ударившись о край снѣжнаго берега, покатился внизъ и упалъ въ воду. Можете себѣ представить, какія отчаянныя попытки дѣлалъ я, чтобы спасти его. Я вытащилъ его, совершенно наполненнымъ водою, и въ концѣ концовъ онъ фигурировалъ-таки на ногѣ Гиланда. Такимъ образомъ мы тщательно прослѣдовали по пути, проложенному мною, и благополучно высадились. Такъ какъ подобные переходы производились неоднократно, то я не стану утруждать вашего вниманія подробнымъ описаніемъ cadaго изъ нихъ. Иногда мы прямо переходили чрезъ потокъ. Но иногда долго должны были идти посреди него, прежде чѣмъ выбраться на противоположный берегъ. Часто мель, по которой мы шли, представляла лишь узенькую полосу, по обѣимъ сторонамъ которой находились глубокіе каналы. Часто приходилось руководиться исключительно ощупываніемъ ногами камней, по которымъ мы шли; часто мы остунались, поскользнувшись на этихъ камняхъ. Иногда, успѣшно выполнивъ долгій и утомительный путь по длинной мели, я поздравлялъ уже себя съ счастливымъ переходомъ и вдругъ, къ своему разочарованію, находилъ, что моя дорога внезапно обрывалась предъ глубокимъ и непроходимымъ каналомъ. Но когда все шло хорошо, то или Гиландъ производилъ самъ или, въ болѣе трудныхъ мѣстахъ, я возвращался и указывалъ ему путь

Пока мы сидѣли на берегу, выжимая свою мокрую одежду, насъ очень забавлялъ „Матросъ“. Старому псу ужасно не хотѣлось спускаться къ рѣкѣ по крутому снѣжному берегу и онъ долго бѣгалъ кругомъ, стараясь розыскать болѣе удобный спускъ, наконецъ, очутившись точно серна на крутомъ снѣжномъ утесѣ, онъ рѣшилъ прекратить свои поиски, вернулся назадъ къ нашей переправѣ, съежившись вошелъ въ воду и храбро переплылъ черезъ потокъ.

На этой рѣкѣ (верховье р. Избушечной) мы видѣли пару птицъ *Berniela leucopsis*.

26 июня. Мы шли всю ночь до половины второго. Ночь была прекрасная. Но въ 1 часъ утра внезапно появился холодный туманъ съ вѣтромъ. Послѣ перехода р. Избушечной, я попробовалъ было идти по плоскогорьямъ. Но они были такъ пересѣчены непроходимыми оврагами, что мы принуждены были спускаться внизъ. Холодный туманъ снова загналъ насъ на песчаное плато. Здѣсь мы устроили себѣ „гнѣздо“ для почлега. Мы рылись въ песокъ, какъ кроты, и вырыли себѣ ямы, устроивъ вокругъ нихъ валы въ защиту отъ вѣтра.

Тонкій сухой песокъ имѣетъ свои преимущества, но у него есть и свои невыгоды. Вѣтеръ выдувалъ песокъ изъ всѣхъ щелей вала, устроеннаго изъ кустиковъ камнеломокъ, и сгонялъ его въ наши ямы. И песокъ, тонкій, почти неосязаемый песокъ забирался къ намъ въ глаза, въ волосы, въ носъ, пробирался сквозь наши носки и платья. Я спалъ съ завязанными глазами, обернувъ голову платкомъ. У Гиланда, не принявшаго этой предосторожности, въ теченіе двухъ дней потомъ сильно болѣли глаза. Песокъ пробрался вѣроятно и въ наши легкія: по крайней мѣрѣ, когда мы проснулись, наши рты были полны песку.

Развести огонь было не изъ чего, и мы сварили какао, вскипятивъ воду на спиртовой лампочкѣ; съѣли мы каждый по сухарю и куску сала. Мѣстность, по которой мы затѣмъ проходили, болотистая, покрытая мхомъ и торфяниками. Такъ какъ ниже я буду имѣть случай подробнѣе говорить

объ этихъ торфяникахъ, то здѣсь я только замѣчу, что многіе изъ нихъ имѣютъ очень любопытную форму: одни совершенно круглы, другіе четырехъ-угольные и внезапно подымаются изъ болота или воды перпендикулярными стѣнами высотой отъ 4 до 5 футовъ.

Въ 11 час. мы позавтракали на высокомъ, голомъ холмѣ и, перейдя черезъ рѣчку, текущую у его подошвы, направились къ горамъ, видѣвшимся въ отдаленіи. Горы эти, казалось, достигали высоты до 1000 футовъ. Но мы давно уже научились въ этой странной странѣ не довѣрять свидѣтельству нашихъ чувствъ.

Вышеприведенный рассказъ о гусяхъ, принятыхъ за самоѣдовъ, быть можетъ, вызоветъ улыбку недовѣрія у тѣхъ, кто самъ не бывалъ въ полярныхъ странахъ. Но слѣдующія выписки покажутъ имъ, что такого рода случаи—не рѣдкость въ арктическихъ путешествіяхъ.

1) „Однажды утромъ“,—пишетъ Eaton въ Zoologist Nov. 1873,—„когда мы стояли въ Мосельбаѣ (заливъ на Шпицбергенѣ), насъ очень рано разбудилъ вахтенный сообщеніемъ, что въ морѣ, возлѣ берега, купаются штукъ 20 или 30 оленей. Подзорныя трубы были сейчасъ же направлены на темные движущіеся силуэты оленей, и сейчасъ же были спущены на воду двѣ шлюпки, чтобы свезти на берегъ трехъ ярыхъ спортсменовъ и капитана, желавшихъ поохотиться на оленей, впервые встрѣченныхъ нами.

Взобравшись въ сторожевую корзину вскорѣ послѣ ихъ отъѣзда, я въ хорошій морской бинокль не увидѣлъ ничего, кромѣ стаи дикихъ гусей. Я спустился внизъ и сообщилъ, что сегодня не будетъ дичи на завтракъ. Пройдя нѣсколько миль на веслахъ, спортсмены вернулись съ пустыми руками; но они *видѣли* гусей“.

2) „Однажды въ туманную погоду на льду возлѣ залива Валенбергъ“,—разсказываетъ Норденшѣльдъ въ своемъ описаніи путешествія Веги,—„произошелъ такой случай: медвѣдь, котораго мы всѣ подстерегали и видѣли совершенно ясно,—вмѣсто того чтобы подходить по обыкновенію зигза-

гами, мягкой поступью, поминутно обнюхивая воздухъ, какъ бы для того, чтобы убѣдиться, годны ли замѣченные имъ предметы въ пищу,—въ то самое мгновеніе, какъ въ него прицѣлились, внезапно распустилъ гигантскія крылья и улетѣлъ въ видѣ маленькой птички. Другой разъ, при той же санной поѣздкѣ, мы слышали изъ палатки громкій крикъ оставшагося тамъ повара; „медвѣдь, большой медвѣдь! нѣтъ, олень, очень маленькій олень“. Въ то же мгновеніе прогремѣлъ выстрѣлъ, и медвѣдь-олень оказался очень маленькой лисицей, которая такимъ образомъ жизнью заплатила за то, что на нѣсколько секундъ сыграла роль большого животного. Изъ этихъ примѣровъ можно заключить, какъ трудна навигація среди пловучаго льда въ малозвѣстныхъ водахъ“.

Мы тоже часто обманывались такимъ же образомъ. Сегодня, напримѣръ, мы подошли, какъ намъ казалось, къ большому озеру. Обернувшись къ Гиланду, который шелъ немного сзади, я сказалъ ему: „Посмотрите-ка. Вотъ лебедь, первый, котораго мы видимъ съ тѣхъ поръ, какъ оставили р. Кривую“.

„Да, сэръ“, отвѣчалъ Гиландъ. „Нужно попробовать его подстрѣлить“.

Я зарядилъ ружье и, взглянувъ еще разъ на лебедя, сказалъ: „Это не лебедь, а старая куропатка, которая подняла голову“. Гиландъ согласился.

Но меня опять стало брать сомнѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, очертаніе птицы страннымъ образомъ измѣнилось. Наконецъ я довольно ясно увидѣлъ, что это совсѣмъ не птица, а арктическій заяцъ, сидящій на заднихъ лапкахъ. Возбужденіе мое усилилось. Это былъ первый заяцъ, видѣнный нами. Я поползъ къ нему. Заяцъ сидѣлъ,—все еще заяцъ, но и его очертанія стали колебаться. Чтобы покончить сразу съ этой длинной исторіей, скажу прямо, что когда я подобрался къ нему на ружейный выстрѣлъ, то оказалось, что не было ни озера, ни лебедя, ни тетерева, ни

зайца, а просто маленькій подорожникъ (*Plectrophanex nivalis*) сидѣлъ на кучѣ снѣга у небольшой лужи.

Далѣе, на оголенномъ отъ снѣга склонѣ холма, я нашелъ гнѣзда ржанки (*Squatarola helvetica*), содержащее четыре яйца. Гнѣздо представляло собой круглую глубокую ямку, не заключающую въ себѣ, кромѣ небольшого количества лишавъ, ничего, кромѣ яицъ. Я застрѣлил самку, но дикаго и воинственнаго самца мнѣ не удалось подстрѣлить.

Достигнувъ нашихъ горъ, мы нашли, что онѣ не превышаютъ 150 фут. Онѣ состояли изъ трехъ копическихъ крутыхъ холмовъ, сгруппированныхъ въ формѣ треугольника. Съ одной стороны между ними открывался проходъ, а съ двухъ другихъ онѣ соединены были между собою песчанымъ валомъ. У подошвы протекалъ ручей. Нижняя часть горъ состояла изъ глины, а вершины были песчанья. Я не намѣренъ былъ останавливаться здѣсь и прошелъ на холмы только для того, чтобы бросить взглядъ на окружающую мѣстность. Но появился по обыкновенію густой туманъ, и мы должны были остановиться. Трудно было найти мѣсто, на которомъ можно было бы прилечь уснуть, потому всѣ ямы здѣсь засыпаны снѣгомъ и рѣзкій сѣверный вѣтеръ гулялъ по всѣмъ направленіямъ. Наконецъ намъ удалось найти небольшую пизинку, которую мы нѣсколько защитили отъ вѣтра кучами мха и торфа, вырѣзавъ ихъ своими ножами.

V.

Дальнѣйшіе поиски самоѣдовъ.—Подорожники.—Первые опыты повареннаго искусства.—Жара и холодъ полярнаго лѣта.—Москиты.—Нравы чаекъ.

27 іюня. Жаль, что у меня нѣтъ термометра, чтобы узнать, сколько градусовъ холода было прошлой ночью. Морозъ навѣрное былъ значительный, потому что маленькій

ручей, который во время нашего перехода черезъ него бурлилъ, какъ стремнина, теперь почти совсѣмъ замерзъ. Туманъ ночью былъ также очень густъ и клубился по склонамъ холма, какъ вихри пыли въ пустынѣ.

Долженъ признаться, что я сильно завидовалъ мѣховымъ сапогамъ Гиланда. Резина—матеріалъ, совершенно непригодный для такой холодной страны, какъ Колгуевъ. Тщетно я дрыгалъ ногами и, наконецъ, снявъ съ себя длинные сапоги, попробовалъ надѣть парусинные башмаки. Они оказались лучше.

Въ половинѣ перваго какой-то шумъ разбудилъ меня. У Гиланда новый приступъ лихорадки. Не смотря на крѣпкій сонъ, онъ весь трясся, и зубы его стучали, какъ кастаньеты. Я зналъ, что онъ смертельно утомленъ, и потому рѣшилъ его не будить. Я набросилъ на него свой тонкій сюртукъ—единственную вещь, которой я могъ пожертвовать—обложилъ его кругомъ мхомъ, а самъ пошелъ прогуляться по холму. Я собралъ нѣсколько цвѣтовъ и лишавъ и, вернувшись, опять завалился спать, потому что идти дальше еще нельзя было изъ-за тумана.

Проснувшись въ половинѣ четвертаго, я нашелъ, что не только мои усы и борода такъ обледенѣли, что я не могъ открыть рта, но что и глаза мои совершенно запаяны льдомъ. Послѣ довольно болѣзненной операціи, мнѣ удалось открыть ихъ. Туманъ немного разсѣялся и я опять пошелъ прогуляться. Перейдя по песчаному валу, я достигъ вершины, но тутъ былъ остановленъ оврагомъ, который казался непроходимымъ. Но когда туманъ еще немного разсѣялся, я увидалъ, что нашъ холмъ представляетъ собою изолированную возвышенность и что передъ нами лежитъ обширная равнина, по которой идти будетъ не трудно.

Бѣдный старый „Матросъ“, который до сихъ поръ по видимому не страдалъ отъ холода и не обращалъ на него никакого вниманія, теперь тоже почувствовалъ, что такое морозъ. Онъ заползъ промежъ насъ, чтобы согрѣться. Гиландъ сдѣлалъ важное открытіе, а именно, что наши запас-

ные поски могутъ отлично замѣнять перчатки. Удивительно, какъ мы до сихъ поръ не сообразили этого, потому что руки у насъ часто страдали отъ холода. Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть еще и другое открытіе. Если вы плохо одѣты и принуждены спать на открытомъ воздухѣ, то выгоднѣе лежать не спиною, а головой къ вѣтру, потому что больше всего страдаетъ отъ холода затылокъ.

Въ четыре часа, съѣвъ по винной ягодѣ и по одному сухарю, мы снова пустились въ путь. Я совсѣмъ забылъ было упомянуть о цвѣтахъ, которые растутъ здѣсь въ изобиліи. Красивѣе всѣхъ изъ нихъ арктическая незабудка. Она густо голубаго цвѣта и растетъ на песчаныхъ мѣстахъ. Странно видѣть ее на чистомъ пескѣ, не покрытомъ кромѣ нея, никакой растительностью: это даже не натурально, точно цвѣты на дамской шляпкѣ.

Въ 7 часовъ мы достигли маленькаго полузамерзшаго ручья. Я вынулъ свою губку и съ большимъ трудомъ совершилъ свой туалетъ. Затѣмъ мы позавтракали консервами, а послѣ завтрака легли спать. Только что мы отправились снова въ половинѣ одиннадцатаго, какъ я чуть не наступилъ на гнѣздо острохвостки. Птица вылетѣла изъ него, въ попыхахъ разсыпавъ свои яйца. Ихъ было шесть штукъ. Гнѣздо было довольно большое и, для утиного гнѣзда, очень глубоко. Оно было сплошь устлано травой и листьями арктической березы. Мы шли очень медленно. Чтобы понять почему, нацѣпите себѣ на спину грузъ въ полтора пуда вѣсомъ и попробуйте пройти по болотистому побережью, среди тумана, окутывающаго ваши ноги выше колѣнъ. Снова остановившись въ половинѣ четвертаго, мы съѣли по сухарю, вымоченному въ либиховскомъ экетрактѣ, и по куску сала, заливъ все это снѣговой водой. Развести огонь было не изъ чего и мы принуждены были довольствоваться спиртовой лампочкой. Лежа послѣ завтрака на спинѣ въ полусонномъ состояніи, я съ интересомъ слѣдилъ за парой дорожниковъ. Они строили гнѣздо подъ снѣжной глыбой, нависшей надъ небольшимъ ручейкомъ. Самка работала съ

чрезвычайнымъ усердіемъ и, папргая всѣ свои маленькія силы, подбирала былинки съ земли. Самецъ только дѣлалъ видъ, что работаетъ. Есть люди, которые, сидя рядомъ съ вами за столомъ, не окажутъ вамъ ни малѣйшей услуги. Пока вамъ ничего не нужно, они сидятъ спокойно. Но когда вы беретесь, напр., за солонку, они сейчасъ же дѣлаютъ рукой такой жестъ, какъ будто-бы они хотѣли ее передать вамъ. Самецъ-подорожникъ отлично усвоилъ себѣ эту манеру. Хлопотливо и съ озабоченнымъ видомъ леталъ онъ за своей подругой взадъ и впередъ. Онъ ждетъ, пока она наберетъ былинку, летитъ вмѣстѣ съ ней къ гнѣзду и внимательно смотритъ, какъ она ихъ тамъ укладываетъ—настоящій деспотъ. Ни разу не замѣтилъ я, чтобы онъ подобралъ хоть одну былинку. Вечеромъ я нашелъ гнѣздо съ 6 яйцами, устланное сухимъ мхомъ. Владѣлецъ его былъ *Calcarius lapponicus* (Sizio, какъ его называютъ самоѣды), хорошенькая птичка съ желтой шейкой и черной грудкой. Она очень пріятно поетъ, и о ней мнѣ еще придется говорить ниже.

Ровно въ 10 ч. мы подошли къ небольшому озеру и прилегли на его сухомъ пологомъ берегу, спиною къ вѣтру. Мы были очень голодны: съѣвъ по куску сала и по сухарю, мы стали варить себѣ какао. Я обложилъ спиртовую лампочку лишаями и мхомъ, чтобы ее не задувало вѣтромъ. Но мохъ самъ загорѣлся и только тогда мнѣ пришла въ голову мысль, почему бы не сложить костеръ изъ мху и не попробовать варить на немъ? Гиландъ не считалъ это возможнымъ, но я принялся за работу, набралъ вокругъ возможно больше мху—онъ былъ очень сухъ—и сейчасъ же у насъ запылалъ великолѣпный костеръ. У насъ была съ собой куропатка; логически размышляя, мы пришли къ вопросу: почему бы не зажарить намъ куропатки? Гиландъ отрѣзалъ крылья, выдернулъ хвостъ, выпотрошилъ птицу и мы положили ее вмѣстѣ съ перьями въ самую средину огня, а поверхъ нея положили еще много мху. Отъ времени до времени мы разрывали костеръ, чтобъ посмотреть, не го-

това ли птица. Но перья по прежнему покрывали ее; они только немного обгорѣли, вотъ и все. Прошло полчаса и дѣло казалось безнадежнымъ. Мы не могли понять почему, такъ какъ внутри костра жаръ былъ сильный. Тогда мы стали пробовать ее пожами: ножи проходили въ нее легко. Сомнѣнія не было—птица сдѣлалась мягкой! Мы подождали еще минутъ десять и вынули ее изъ огня, рѣшивъ, что съѣдимъ ее во всякомъ случаѣ, будетъ-ли она готова или нѣтъ. Куропатка оказалась совершенно зажаренной. Перья, которые только слегка обгорѣли, легко счищались пожемъ. Смѣю васъ увѣрить, что никогда куропатка, зажаренная самымъ искуснымъ поваромъ, не будетъ такъ вкусна, какъ была наша, и это понятно: когда птицу жарятъ обыкновеннымъ способомъ, очистивъ ее отъ перьевъ, весь сокъ изъ нея вытекаетъ. Поэтому мы рѣшили жарить птицъ всегда въ перьяхъ.

Сегодня ночью мы совсѣмъ не спали. Никогда не видалъ я болѣе очаровательной ночи. Тумана—ни слѣда. Свѣтло, какъ днемъ, и въ воздухѣ полная тишина. За небольшимъ озеромъ, полупокрытомъ толстыми разрозненными льдинами, далеко, далеко разстилается тундра съ своими сѣрыми и пурпурными волнами торфяниковъ, а солнце (вы помните конечно, что здѣсь оно не садится лѣтомъ), по мѣрѣ того какъ оно подымается надъ горизонтомъ, освѣщаетъ маленькія озера и они сверкаютъ, какъ капли росы на лугу, и нѣжныя облачка тумана надъ ними таютъ въ лучахъ солнца. Мы лежимъ подъ тѣнью берега, а противоположная сторона озера освѣщена солнцемъ. Пріятно посмотреть на все это. Право я нахожу, что совсѣмъ не дурно не имѣть дома на Колгуевѣ въ такую погоду.

Вскорѣ послѣ полуночи, когда и наше озеро начало слегка дымиться, насть навѣстилъ посѣтитель. Съ противоположнаго берега весело подбѣжала къ водѣ маленькая лисичка и сѣла на льдинѣ у самой воды. У нея была бѣлая шерсть съ голубыми пятнами; «крестоватикъ» называютъ ее русскіе, потому что, если снять съ нея шкуру, то тем-

ныя пятна на ней оказываются расположенными въ формѣ креста.

28 июня мы тронулись въ 5 час.

Вы, вѣроятно, помните, что все время мы держали путь прямо на Становой Шарокъ. Но прошлую ночь, обсудивъ хорошенько всѣ обстоятельства, я измѣнилъ свои планы.

Во-первыхъ, мы два раза уже перешли черезъ рѣку, которая должно быть имѣетъ значительную величину. Что это за рѣка и куда она впадаетъ? Ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ мы не могли въ настоящее время дать отвѣта, хотя впоследствии узнали, что это Песчанка,

Порошица, судя по картѣ, рѣка довольно большая. Что если, пройдя до нея по разстилавшимся передъ нами равнинамъ, мы найдемъ, что эта рѣка широка, глубока и изобилуетъ излучинами? Затѣмъ Гиландъ и его страданія отъ холода не выходили у меня изъ головы. Пловучій лѣсъ, пловучій лѣсъ за какую угодно цѣну, вотъ что нужно было намъ прежде всего. Поэтому съ сегодняшняго дня я рѣшилъ идти въ болѣе восточномъ направленіи. Мой маленькій карманный компасъ оказался довольно сквернымъ. Не говоря уже о томъ, что я долженъ былъ откладывать въ сторону свое ружье, всякій разъ какъ приходилось съ нимъ справляться, что приходилось дѣлать довольно часто, но кромѣ того стрѣлка имѣла несчастную привычку прилипать къ стеклу, и отъ происходящей вслѣдствіе этого ошибки трудно было уберечься. Но я нашелъ, что для указанія направленія большую пользу можетъ оказать солнце. Я пользовался имъ при помощи метода *тѣни*,—выраженіе, понятное, я думаю, само по себѣ.

Разсказывая друзьямъ, не бывавшихъ въ полярной области, о своемъ странствіи, я положительно не могъ убѣдить ихъ, что въ арктическихъ странахъ существуетъ настоящее и превосходное *лѣто*. Конечно, холодные туманы и морозы тамъ часты, но мы нисколько не страдали бы отъ нихъ, если бы у насъ были спальныя мѣшки или палатки или даже теплыя сюртуки. Нельзя ожидать комфорта, лежась

спать въ такомъ мѣстѣ, гдѣ по ночамъ выпадаетъ изморозь. Вѣдь тоже самое можно испытать и въ Англіи. Попробуйте. Попробуйте въ ноябрьскій день послѣ охоты, когда ваши товарищи отправились домой напиться горячаго чаю и лечь въ теплую постель, провести ночь подъ открытымъ небомъ, лежа въ бороздѣ, среди вспаханнаго поля. Проснувшись вы не найдете свои рѣсницы смерзшимися, но во всякомъ случаѣ, когда забрезжитъ утро, вы получите очень хорошее представленіе о томъ, что такое ночь на Колгуевѣ. Но днемъ сегодня мы страдали отъ жары.

Она началась около 10 часовъ. Мы стали ощущать тяжесть своихъ ношъ, которой раньше не замѣчали. Изъ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ Гиландомъ, я вывелъ заключеніе, что онъ считаетъ свою ношу тяжелѣе моей. Поэтому мы перемѣнились. Если бы въ нашемъ распоряженіи были подходящія средства для переноски тяжестей, мы велико-лѣпно бы съ ними справлялись. Иной разъ я не на шутку мечталъ о томъ, что хорошо бы намъ было имѣть съ собой такія корзины, въ которыхъ носятъ рыбу наши шотландскія рыбацки, мы сложили бы въ нихъ свои припасы и тогда безъ всякаго затрудненія переносили бы ихъ. Но ихъ не было, и потому ремни и веревки, на которыхъ были привѣшены наши ноши, рѣзали намъ шею и плечи. Кромѣ того, мои длинные резиновые сапоги, очень полезные для перехода черезъ рѣчки, сильно меня стѣсняли, въ особенности когда шли среди болотъ.

Съ теченіемъ дня жара все усиливалась. Лица наши покрылись волдырями, а руки распухли, какъ пуддинги. Мы могли идти только съ передышкой. Поступали такимъ образомъ: я шагаль впередъ, мрачно отсчитываль 500 шаговъ и затѣмъ садился у какого нибудь пригорка, къ которому можно было прислониться, что насъ значительно облегчало. Черезъ пять минутъ по часамъ мы подымались и брели дальше.

Во время остановки спать нечего было и думать, потому что появились москиты. Противъ нихъ мы были беззащитны.

Поэтому мы направились къ нѣсколькимъ холмамъ, находившимся миляхъ въ 8—10 отъ насъ. Идти все время приходилось по болоту съ разсѣянными на немъ тамъ и сямъ торфяниками. Бѣдный старый „Матросъ“ ужасно страдалъ отъ москитовъ, которые кусали его за морду; онъ постоянно зарывалъ носъ въ мохъ и теръ его лапами. Наконецъ мы достигли холмовъ и послѣ долгаго и труднаго восхожденія на нихъ очутились на высокомъ плато. Здѣсь дулъ легкій вѣтерокъ и москиты докучали гораздо менѣе. Гиландъ уснулъ, прежде чѣмъ я успѣлъ накормить его, и я, выкуривъ трубку и съѣвъ немного изюму, послѣдовалъ его примѣру. Мы спали часъ или два, и затѣмъ, поѣвъ либиховскаго экстракту, мясныхъ консервовъ и по сухарю, тронулись дальше. Мы прошли въ восточномъ направленіи 10 миль, дѣлая въ среднемъ около 2-хъ миль въ часъ, и въ половинѣ 10-го достигли песчаныхъ холмовъ, на которыхъ лежали правильныя гряды камней, обозначающія собою древніе берега. Сегодня мы видѣли снѣжную сову. Послѣднія двѣ мили мы шли по прелестнѣйшему саду морошки, именно саду, я не могу иначе его назвать. Болото было усеяно кочками и торфяниками, на которыхъ бѣлѣли массы прекраснѣйшихъ цвѣтовъ. Оно походило на лугъ, усеянный земляникой, съ тою разницей, что здѣсь было больше цвѣтовъ и меньше зелени. Растительность въ этомъ мѣстѣ была выше встрѣчавшейся намъ до сихъ поръ: пушистый ивнякъ былъ по крайней мѣрѣ въ одинъ футъ ростомъ. Дулъ легкій вѣтерокъ и было не очень холодно и не очень туманно. Снѣгъ, таявшій на вершинѣ хребта, вырылъ маленькую рытвину, которая была теперь совершенно суха. Нагромоздивъ пучки камнеломокъ, песокъ и мохъ въ видѣ вала, мы устроили себѣ здѣсь очень комфортабельныя гнѣзда. Хребты были покрыты ползучей березой, но большей части завядшей и сухой. Послѣ получасовой работы мы собрали довольно много этихъ сухихъ вѣтокъ и устроили настоящій костеръ. Здѣсь, на одномъ озеркѣ, я застрѣлилъ острохвостку, а Гиландъ—куропатку про запасъ на завтра.

Окончивъ писаніе своего дневника, я принялся собирать валежникъ, какой только попадался мнѣ подъ руку, для завтрашняго костра. Я долго занимался этимъ и зашелъ далеко. Я спугнулъ сѣраго гуся-гуменника (*Anser segetum*) съ лицъ и потомъ погрузился въ созерцаніе. Была чудная ночь, и я началъ размышлять такъ: «Если не принимать въ расчетъ положеніе солнца, то что можетъ доказать намъ, что теперь не день? Еслибъ мы, ложась спать, не взглянули бы на солнце, то потомъ, проснувшись, почему мы могли бы догадаться, что теперь, день или ночь? Короче сказать, каковы отличительные признаки полярной ночи?»

Мнѣ кажется, я началъ размышлять именно съ этого, во всякомъ случаѣ, я шелъ не глядя, куда иду, и былъ погруженъ въ глубокомысленныя размышленія. И я заблудился. Наконецъ я остановился и сталъ хохотать надъ собою, что я такой болванъ. Всѣ холмы такъ походили одинъ на другой и наша рывина такъ глубоко лежала между ними, что я нашелъ ее лишь послѣ весьма тщательныхъ изысканій и то только благодаря тому, что случайно попалъ на наши собственные слѣды. Въ два часа утра я залегъ спать. Послѣднее, что я увидѣлъ передъ спомъ, была пара морскихъ чаекъ, летѣвшихъ съ востока. И я спокойно заснулъ, зная, что море недалеко.

29 іюня. Но намъ видно не суждено было его достигнуть. Поднялся рѣзкій сѣверный вѣтеръ и мы, вставъ въ половинѣ седьмого, развели огонь, сварили себѣ какао, съѣли мясныхъ консервовъ, нѣсколько изюминъ и затѣмъ отправились въ болото попробовать достигнуть гнѣзда поморника чужеяднаго (*Stercorarius crepidatus*).

Способъ, какимъ эта птица старается „отвести глаза“ охотнику, превосходитъ всякое описаніе. Всевозможными манерами пыталась она обмануть насъ на счетъ мѣста, гдѣ находилось ея гнѣздо. Нѣсколько разъ старалась она навести насъ на ложный слѣдъ. Вотъ, напр., интересный способъ въ такомъ родѣ. Птица внезапно падаетъ въ воду,

точно подстрѣленная. Нѣсколько времени она какъ-бы безпомощно бьется въ ней и если это васъ не трогаетъ, она подымается на хвостѣ, медленно хлопаетъ назадъ и впередъ крыльями и мяучить, какъ кошка. „Мяуканье“—настоящее слово для обозначенія издаваемого ею звука. „Матроса“ они очень раздражали. У нея была страшно соблазнительная для него привычка барахтаться, какъ бы въ изнуреніи, на землѣ въ 2, 3 аршинахъ отъ его носа, такъ что онъ совершенно былъ увѣренъ, что поймаетъ ее, если только мы позволимъ ему броситься. Но грозно остановленный одинъ разъ, онъ больше не смѣлъ дѣлать такой попытки. Онъ шелъ, пригнувшись къ землѣ, ступая, какъ могъ, пѣжнѣе, весь дрожа отъ скрытаго возбужденія, какъ кошка, готовая прыгнуть.—Въ гнѣздѣ, когда мы наконецъ нашли его, оказались два яйца. *Colcarius lapponicus* — маленькая желтоклювая птичка, съ черной шейкой и бѣлымъ боа очень часто встрѣчается на тундрѣ и была постояннымъ нашимъ спутникомъ. Но вотъ подошло время завтрака и мы опять изжарили себѣ куропатку на кострѣ изъ мху и опять съ превосходнымъ успѣхомъ. Пока я сидѣлъ и набрасывалъ пейзажъ, мимо меня пролетѣла пара гусей. Я поднялъ ружье и застрѣлилъ одного. Это былъ самецъ и боюсь, не владѣлецъ ли тѣхъ яицъ, которыя найдены мной сегодня рано утромъ. Никогда еще не встрѣчали мы такого благопріятнаго мѣста для охоты. Изъ маленькой лощины, въ которой мы прилегли отдохнуть, шли два сухіе оврага, въ которыхъ мы незамѣтно для птицъ могли пройти до озеръ, лежавшихъ на концѣ ихъ. Въ одномъ изъ нихъ я застрѣлилъ острохвостку. Хвостъ у нея былъ прекрасный, но въ другихъ отношеніяхъ она была съ изъяномъ, потому что голова у нея была черная. Поэтому мы съѣли ее. Съ тѣхъ поръ, какъ мы оставили морской берегъ, мы не встрѣчали ни одного самца того вида въ полномъ опереніи.

Однако я усталъ писать, а вамъ, я думаю, надоѣло читать. Поэтому поспѣшу.

Въ полдень мы опять пустились въ путь. Пройдя по

небольшой равнинѣ, мы совершили необыкновенно трудныя восхожденія на нѣсколько холмовъ. Постоянно приходилось бороться со снѣжными оврагами, внезапными спусками и трудными подъемами, а для разнообразія мы иной разъ глубоко увязали въ грязи.

Старый „Матросъ“, высадившійся съ „Саксонца“ жирнымъ, какъ купецъ, такъ какъ былъ усерднымъ посѣтителемъ кухни, теперь сильно исхудалъ отъ непосильныхъ трудовъ и былъ тонокъ, какъ спичка, но сегодня позавтракавъ уткой, куропаткой и гусемъ, онъ несъ съ собою значительный грузъ, который ему трудно было перетаскивать въ иныхъ мѣстахъ. Не разъ онъ ложился на землю, изнемогая отъ усталости.

Я долженъ сказать, что сегодня утромъ, умываясь въ ручьѣ, я увидалъ маленькаго водянаго жука, по формѣ похожаго на нашего *Ditiscus*; но какъ я ни старался его поймать, онъ успѣшно ускользалъ отъ меня. Къ тому же, боюсь, что намъ не удалось бы его сохранить, потому что на „Саксонцѣ“ остались всѣ бутылки, весь спиртъ и всѣ подобнаго рода приспособленія.

VI.

Неожиданное открытіе.—Первые люди, открытые на пути.—Туманъ.—Нѣсколько словъ о замѣчательной способности дикарей угадывать дорогу.—Въ самоѣдскомъ чумѣ.—Иванъ и его семья.—Самоѣдская красавица.—Самоѣдская обстановка.—Ближайшее знакомство съ самоѣдами.

Вечеромъ въ 9½ ч., 29 іюня, когда мы пробирались по мѣстности, подобной вышеописанной, я увидалъ на вершинѣ отдаленнаго холма маленькое коническое возвышеніе. Моментально приставилъ я къ глазамъ подзорную трубу. Последнею мы пользовались обыкновенно много разъ въ день, потому что сначала намъ постоянно казалось, что мы видимъ людей или оленей. Но это все былъ миражъ и мы

скоро научились недовѣрять свидѣтельству нашихъ чувствъ такъ какъ труба слишкомъ часто насъ разочаровывала, превращая людей и оленей въ груды камней или гряды торфяниковъ.

И теперь я посмотрѣлъ только для того, чтобы окончательно утвердиться въ своей увѣренности, что здѣсь нѣтъ ничего достойнаго вниманія.

Можете поэтому вообразить себѣ мое изумленіе, когда подзорная труба показала мнѣ на этотъ разъ настоящій самоѣдскій чумъ и множество оленей, силуэты которыхъ рѣзко обрисовывались на фонѣ неба. Если вы вообразите теперь людей въ нашемъ положеніи, то вамъ, конечно, покажется понятнымъ, что при подобномъ открытіи является обыкновенно стремленіе танцовать и дурачиться, чтобы чѣмъ нибудь отпраздновать великій моментъ. Но я въ то время подумалъ: а что если въ концѣ концовъ это окажется миражемъ, такимъ же, какъ и другіе! Было бы жестоко оживлять надежды моего спутника только для того, чтобы они опять упали.

Эти соображенія сдѣлали меня осторожнымъ и я сказалъ только: „Мы остановимся здѣсь и подождемъ немножко“. И вотъ, посмотрѣвъ въ трубу еще внимательнѣе, я снова совершенно ясно увидалъ чумъ и оленей. Сомнѣнія никакого быть не могло. Но когда Гиландъ, наконецъ, спросилъ меня, что я такъ внимательно рассматриваю, я сказалъ съ притворнымъ спокойствіемъ: „мнѣ кажется, я вижу чумъ и много оленей“. Мнѣ хотѣлось съ одной стороны немного пошутить, съ другой не слишкомъ взволновать Гиланда радостной вѣстью. Благодаря тону моего голоса, новость эта произвела на него впечатлѣніе не больше, чѣмъ я сказалъ бы: „я вижу лорда мэра и британскій банкъ“.

Потомъ я передалъ Гиланду подзорную трубу. У меня не хватаетъ словъ, чтобы выразить силу его восхищенія, когда онъ дѣйствительно увидалъ, что чудо было не иллюзія. Подобно тому, какъ извѣстно, что иногда рыбакъ можетъ принять бревно или водоросль за щуку, но никогда не слу-

чается противоположной ошибки, точно также и мы теперь были увѣрены, что видимъ настоящій чумъ, а не миражъ. Теперь оставалось только идти прямо по направленію къ нимъ.

Я постоянно помнилъ старый рассказъ о самоѣдахъ полуострова Ялмала, которые убѣждали при приближеніи къ нимъ порвежскихъ китолововъ; это заставляло меня предполагать, что въ такомъ изолированномъ мѣстѣ, какъ Колгуевъ, гдѣ чужестранные посѣтителі должны быть мало извѣстны, съ нами могло случиться то же самое, что было бы жестокимъ разочарованіемъ. Но, какъ вы увидите дальше, у насъ не было основанія этого опасаться.

Итакъ, мы прилежно зашагали по одной изъ самыхъ трудныхъ для ходьбы мѣстностей острова, съ какой намъ до сихъ поръ приходилось встрѣчаться. Мы долго перебирались по холмамъ и оврагамъ и, наконецъ, я сказалъ, что намъ слѣдуетъ заварить чаю, потому что я испытывалъ то, что замѣчено до меня многими другими.

Пока была настоятельная необходимость идти, я лично какъ будто не чувствовалъ никакой усталости, но теперь, когда мы дѣйствительно нашли то, чего искали, все перевернулось. Гиландъ сталъ совершенно свѣжъ и полонъ энергіи при этомъ открытіи, тогда какъ я сталъ находить, что я усталъ и что постоянное несеніе тяжести нѣсколько натрудило мнѣ спину. Итакъ, мы остановились на склопѣ холма и заварили чаю, употребивъ для этого послѣднюю каню нашего метилированнаго спирта.

Въ часъ ночи мы очутились среди оленей. Къ моему изумленію большая часть ихъ была бѣлой масти. Тѣмъ временемъ на холмы спустился густой туманъ. Мы не могли съ увѣренностью различать предметы впереди насъ, на разстояніи, большемъ, чѣмъ саженой десять. Я присѣлъ отдохнуть и, вставъ затѣмъ, чтобы идти за товарищемъ замѣтилъ, что я пошелъ въ невѣрномъ направленіи и что чумъ былъ гдѣ-то съ другой стороны. И дѣйствительно, я сдѣлалъ глупость: какъ только я увидѣлъ чумъ, я пересталъ

справляться съ компасомъ, считая это ненужнымъ. Но какъ только мы пошли между холмами, мы совершенно потеряли изъ виду чумъ и оленей. А такъ какъ я лежалъ на землѣ съ закрытыми глазами, то предположилъ, что я спутался и потому послѣдовалъ за Гиландомъ. Туманъ становился все гуще и гуще и, наконецъ, мы совершенно заплутались.

Теперь я расскажу вамъ о фактѣ, который я не могу объяснить иначе, какъ по аналогіи изъ физики. Подобно тому, какъ, по первому закону движенія, всякое тѣло, разъ приведенное въ движеніе, продолжаетъ двигаться по прямой линіи до тѣхъ поръ, пока на него не подѣйствуетъ возмущающая сила, точно также обстоитъ дѣло и съ нашимъ мозгомъ. Я не могу не думать, что именно этимъ объясняется замѣчательная способность дикарей находить дорогу отъ одного пункта до другого. Я не утверждаю, что такіе агенты, какъ солнце и вѣтеръ, не имѣютъ здѣсь никакого опредѣленнаго вліянія, но полагаю, что, независимо отъ наблюдательности, существуетъ субъективное сознаніе направленія—инстинктъ, какъ мы говоримъ. Я помню, что однажды, спросивъ индѣйца изъ племени Кри, моего сотоварища по охотѣ, что позволяетъ ему такъ удивительно находить дорогу къ дому, я былъ пораженъ его отвѣтомъ. Положивъ руку на грудь онъ сказалъ: „Сердце индѣйца“. Сердце было для него сѣдалищемъ „домашняго“ инстинкта. Эта функція ума (сердце) постоянно оказываетъ свое вліяніе, пока не подѣйствуетъ какая нибудь другая сила. Мы говоримъ въ такихъ случаяхъ, что мы „сознаемъ направленіе“ и это сознаніе таково, что если объектъ его день за днемъ удерживается въ умѣ, то послѣдній настолько привыкаетъ работать въ данномъ направленіи, что уже послѣ перерыва можетъ возобновить прерванную нить снова, совершенно независимо отъ глаза.

Я помню еще, какъ однажды, по случаю сильной жары, я снялъ сюртукъ и повѣсилъ его на вѣтку дерева, съ которой мой индѣецъ Кри обѣщалъ снять его, когда мы будемъ возвращаться обратно. Мы охотились весь этотъ день

и слѣдующій, провели почь въ лѣсу; на слѣдующій вечеръ, когда мы возвращались домой, я вспомнилъ о своемъ сюртукѣ. Сюртукъ, висящій гдѣ-то на сукѣ, среди дремучаго лѣса, не очень легко найти, но индѣецъ, закрывъ глаза, постоялъ такъ минуты двѣ и затѣмъ, сдѣлавъ полъ-оборота кругомъ, прямо пошелъ. Я послѣдовалъ за нимъ и черезъ часъ или около того мы наткнулись на сюртукъ.

Это было большое отступленіе. Вернемся къ разсказу.

Я вспомнилъ индѣйца Кри, закрылъ глаза и сталъ думать. Черезъ моментъ я какъ бы *увидѣлъ* чумъ, и такъ ясно, что зналъ теперь, какъ къ нему идти. Потомъ я открылъ глаза. Все былъ туманъ, густой туманъ. Но я сказалъ своему товарищу, указывая ему рукой: „Чумъ вотъ здѣсь“. Указанное направленіе было почти противоположно тому, гдѣ, какъ мы раньше предполагали, находится чумъ.

Мы взвалили на плечи наши вещи и пошли; и въ самомъ дѣлѣ, пройдя немного, мы увидали прямо передъ собою темныя очертанія чума, выглядывавшаго изъ тумана.

„Матросъ“ также чувствовалъ, что мы приближаемся къ чему то странному. Съ тѣхъ поръ, какъ мы прошли сквозь оленье стадо, онъ чувствовалъ себя не въ своей тарелкѣ. Обыкновенно такой веселый онъ поджалъ хвостъ и подвигался впередъ съ сомнѣніемъ и осторожностью. Теперь же онъ былъ въ такой перѣшительности, что остановился и мы должны были приказать ему идти. Безъ сомнѣнія, его смущалъ запахъ оленей и чужихъ собакъ. Впрочемъ, какъ вы впоследствии увидите, „Матросъ“ никогда не боялся этихъ собакъ и былъ храбрѣе ихъ всѣхъ, вмѣстѣ взятыхъ.

Въ три часа ночи мы достигли чума, круглаго конусообразнаго строенія, покрытаго березовой корой. Снаружи никого не было и насъ привѣтствовалъ оглушительный лай собакъ, привязанныхъ вокругъ. „Какъ поживаете?“ — сказалъ я на своемъ ломаномъ русскомъ языкѣ, приподнимая полу, прикрывавшую входъ въ чумъ. „Какъ поживаете?“ — прозвучало мнѣ въ отвѣтъ на еще худшемъ русскомъ языкѣ, чѣмъ

мой, изъ подъ груды шкуръ. Первое впечатлѣніе было таково: весь полъ представлялъ массу шкуръ, а посрединѣ висѣлъ котелъ; ничего даже отдаленно похожаго на чело-вѣческое существо я не видѣлъ, но вотъ полъ чума задвигался и сталъ, такъ сказать, приподыматься и изъ подъ него вылѣзли маленькій мужчина и маленькая женщина, одѣтые въ мѣхъ. На головѣ у нихъ были мѣховыя шапки, на туловищѣ мѣховыя каф-таны, на ногахъ мѣ-ховыя сапоги. Они бы-ли одѣты совершенно одинаково, но у одно-го было болѣе гладкое лицо и одеждею была обшита красными по-лосками. Поэтому я узналъ, что это—жен-щина. Она была не-красива и сморщена, но глаза ея добродушно блестѣли.

Внутренность самоѣдскаго чума.

Они терпѣливо ожи-дали, пока мы нач-немъ говорить, и толь-ко смущенно смотрѣли другъ на друга. Я по-старался сдѣлать изъ моего дурного русскаго діалекта возможно лучшее употребленіе. Произошелъ комическій разговоръ.

— Вы—Самоѣдъ?

— Да, да, Самоѣды—Самодинъ, да, да.

Нюа-ницъ, по-самоѣдски *Нюа-ницъ*. Такъ мы узнали ту-земное названіе самоѣдовъ.

— Мы — англичане—(они не лучше бы поняли, еслибъ мы сказали: „мы—ангелы“).—Англичане съ Гусиной.

— А, Гусиня, быстро сказала женщина.—Да, да, Гуси-ная, да, да.

Самоѣды очень любятъ повторять одно и тоже слово.

— Мы пришли пѣшкомъ съ Гусиной.— Онъ не понялъ. Тогда я повторилъ то-же раздѣльнѣе.

— Нѣтъ, пѣтъ; нельзя. Много *hard*. Нѣтъ, пѣтъ.

— Да, да; *very hard* *), но правда.

(Онъ не то подразумѣвалъ: *hard* по-самоѣдски значитъ спѣтъ).

Затѣмъ я далъ имъ обоимъ немного водки, которой у меня оставалось во фляжкѣ стакана полтора. Это поставило насъ въ лучшія отношенія. Я сказалъ самоѣду, что онъ долженъ поѣхать съ нами назадъ за нашими вещами; что—тамъ мой чумъ. Они на это засмѣялись, но сказали: „нельзя, олепъ больны“. Тогда я показалъ имъ письмо губернатора. Они узнали двуглаваго орла, но больше ничего.

Въ этихъ людяхъ было нѣчто такое, что я невольно считалъ себя среди нихъ какъ-бы самозванцемъ. Мы въ своей англійской одеждѣ, съ англійскими ружьями и англійской собакой казались здѣсь такъ же не на мѣстѣ, какъ бродяга, попавшій въ гостиную. И откровенно говоря, я едва ли былъ бы удивленъ, еслибъ этотъ человѣкъ сказалъ мнѣ по-англійски высокомерно: „Ну, чтожъ, любезный, мнѣ очень жаль васъ; но я ничего не могу вамъ дать. Я не могу принимать у себя бродягъ“.

Но пока что, мы вошли въ чумъ. Обитатели его задвигались и перешли всѣ на одну сторону, освободивъ другую для насъ. Развели огонь и женщины сварили намъ гуся, разрѣзавъ его на куски и накрошивъ ихъ въ большой котелъ. Гусь оказался превосходнымъ. Сначала дымъ отъ огня очень беспокоилъ насъ: онъ ѣлъ намъ носъ и глаза, но скоро мы увидѣли, что если держаться по возможности ниже, какъ дѣлали наши хозяева, то мы его почти не замѣчали. Самоѣды отъ души смѣялись, когда увидѣли, что мы не можемъ

---

*) *Very hard* по англійски значитъ очень трудно.

сидѣть такъ комфортабельно, скрестивъ ноги на полу, какъ они, и тотчасъ подставили намъ боченокъ для сидѣнья.

Въ чумѣ были:

Иванъ, самоѣдъ 53-хъ лѣтъ.

Устинья, его жена.

Миколка, его сынъ, холостой.

Устинья

Анька

Тьертсо или Сонька

Катерина, его невѣстка.

Ньябъ-Кутни, ея маленькая дочь.

Ванька, ея маленькій сынъ.

Ребенокъ.

} его дочери.

Я перечислилъ вамъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, которыя всѣ были представлены или, вѣрнѣе, объяснены намъ Иваномъ, за исключеніемъ трехъ послѣднихъ, которые не вылѣзали изъ-подъ шкуръ. Общество было не малое для круглаго помѣщенія въ 15 футовъ въ поперечникѣ.

Пока варился гусь, у насъ было время тщательно рассмотреть нашихъ хозяевъ. Въ ихъ лицахъ былъ намекъ, — но не болѣе, — на монгольскій типъ, болѣе замѣтный въ женщинахъ, чѣмъ въ мужчинахъ. У нихъ были выдающіяся скулы, дугообразныя брови и наклонность къ щелеобразнымъ глазамъ.

У Ивана была короткая сѣрая борода и усы и лукавые глаза, смягчавшіеся добродушіемъ. Его жена, Устинья, старое лицо которой было такъ же желто, какъ и его, была не безобразна и походила на обыкновенную добродушную старушку. Ихъ невѣстка, Катерина, была почти недурна собой. У нея были темные глаза, красивый румянецъ на щекахъ, а ея манеры изобличали спокойное самообладаніе, очень замѣчательное среди такого народа.

Ихъ дочь, Устинья, была, если принять во вниманіе типъ, хорошенькая дѣвушка. Ея широкій лобъ былъ повязанъ повязкой изъ мѣдныхъ украшеній и бусъ, которая, связывая позади ея черные волосы, обвивалась вокругъ длин-

ныхъ ея косъ и наконецъ, у талии, раздѣлялась на три ряда тяжелыхъ бусъ, соединявшихся концами другъ съ другомъ. Это—обычная мода у самоѣдскихъ незамужнихъ женщинъ.

Самоѣдка Устинья.

И я думаю, еслибъ европейскія барышни знали, какъ красива и скромна эта повязка на лбу, онѣ навѣрное стали бы носить ее. У Устиньи были свѣтлые глаза и пріятная улыбка

играла на ея губахъ. Когда она смѣялась (а самоѣды постоянно смѣются), она обнаруживала прелестнѣйшій рядъ зубовъ, какой только можно вообразить. Вообще у всѣхъ этихъ самоѣдовъ, даже у стараго Ивана, были удивительнѣйшіе зубы—бѣлые, правильные и совершенно ровные. На пальцахъ Устинья носила тяжелыя кольца изъ бѣлаго и желтаго металла, и ея руки, какъ руки всѣхъ самоѣдовъ, были безукоризненной формы и необыкновенно гибкія. Если вы прибавите къ этому достигающее до колѣнъ платье, сшитое изъ шкуры молодого оленя, отдѣланное бѣлыми и коричневыми полосками, юбку (платье все изъ одного куска и застегивается спереди), обшитую красной матеріей и собачьей шкуркой, и затѣмъ мягкую, выше колѣнъ, обувь на погахъ,—передъ вами будетъ Устинья, красавица Колгуева.

Анька была повтореніемъ своей сестры въ маломъ видѣ, ей было около четырнадцати лѣтъ.

Послѣ того какъ они угостили насъ гусемъ, я сварилъ имъ какао, который имъ очень понравился. Затѣмъ старый Иванъ попросилъ у меня трубку. „На островѣ, говорилъ онъ, не было трубки“, и я легко повѣрилъ этому, такъ какъ она постоянно тухла у него. Все, что у насъ было: наши спички, наши ложки и вилки, наши сапоги и ружья, все это было для нихъ предметомъ удивленія и восхищенія. Критически ихъ изслѣдовавъ, они неизмѣнно находили, что имъ пужны всѣ эти предметы.

Мы смѣялись и болтали довольно долго и затѣмъ легли спать на оленьихъ шкурахъ. Гиландъ заснулъ моментально, но я долго лежалъ, покуривая трубку и разглядывая подробности любопытнаго помѣщенія, въ которое мы попали. Затѣмъ я свернулся калачикомъ, рѣшивъ проспать возможно дольше. Я чувствовалъ, что мы заслуживали этого. Первая часть нашего предпріятія была исполнена: мы нашли самоѣдовъ.

30 іюня. Такъ начали мы—сами того еще не подозревая—свое трехмѣсячное пребываніе у самоѣдовъ. Когда я лично пожилъ среди самоѣдовъ и присмотрѣлся къ ихъ

быту, я нашелъ все настолькоъ отличнымъ отъ данныхъ, имѣющихся въ литературѣ, что, по моему мнѣнію, большая часть того, что о нихъ написано, должно быть взято изъ вторыхъ рукъ. Возможно, конечно, что я сдѣлалъ—нѣтъ, я долженъ былъ сдѣлать нѣсколько ошибокъ—отъ этого трудно уберечься,—но факты остаются фактами. И во всякомъ случаѣ, я постараюсь въ точномъ отчетѣ о нашей жизни среди этого интереснаго племени, представить вамъ самоѣдовъ такими, какими мы узнали ихъ.

Сначала о жилищѣ. Слово *чумъ*, или *чумень* (его произносятъ и такъ), конечно, русское слово. Самоѣды называютъ свое жилище „мюа“. Чумъ, въ которомъ мы находились, былъ построенъ изъ тридцати двухъ шестовъ, длиною каждый около двадцати футовъ. Своими основаніями они образовали кругъ, діаметромъ около 15 фут.; къверху они сходились конусомъ въ одну точку, гдѣ были привязаны ремнемъ. Снаружи они обернуты настилкой изъ полосъ березовой коры. Полосы, спитыя посредствомъ жилъ, уложены тремя слоями такимъ образомъ, что швы чередуются. Ширина полосъ около 2 ф. 6 д., а длина двоякая—двѣ, которыя въ нижней части, короче, чтобы оставить отверстіе для входа, и двѣ—длиннѣе, чтобы ихъ можно было обернуть вокругъ шестовъ до самой вершины. На верхушкѣ оставлена дыра для выхода дыма; а входъ въ чумъ прикрытъ полой изъ оленьей шкуры.

Внутреннее убранство неприхотливо. Посрединѣ, на земляномъ полу, разложенъ костеръ изъ наноснаго дерева. По бокамъ костра стоятъ перпендикулярно палки, которыя поддерживаютъ надъ костромъ пару деревянныхъ перекладинъ; на перекладинахъ укрѣплены длинныя деревянные крючья, на которыхъ виситъ большой котелъ для варки пищи и меньшій металлическій горшокъ для топленья гусиного жира. Въ сторонѣ отъ костра подвѣшенъ жестяной тазъ для умыванія. Мыла нѣтъ, а вы просто наклоняете тазъ и трете лицо вытекающей водою. Наклонять тазъ вы можете или сами или другіе. какъ вамъ угодно. Обыкновенно тутъ

прислуживаютъ женщины, какъ это въ обычаѣ во всѣхъ русскихъ деревняхъ. Далѣе, въ чумѣ находилось два низкихъ деревянныхъ стола, небольшой боченокъ съ мукой и груды оленьихъ шкуръ. Вотъ и все убранство.

Около десяти часовъ старая Устинья начала мѣсить тѣсто. Она думала, безъ сомнѣнія, что я сплю, но я не спалъ. Я проснулся по крайней мѣрѣ такъ же рано, какъ и онѣ, и подстерегалъ всѣ ихъ движенія, какъ бульдогъ у крысей норы. Но лежалъ я совершенно спокойно и смотрѣлъ сквозь рѣсницы.

Тьерртсо размяла муку, которая отъ сырости свалялась въ комья. Тьерртсо была одиннадцатилѣтняя дѣвочка. Она, какъ и всѣ другія, имѣла русское имя Сонька; но такъ какъ она была четвертой и младшей дочерью Ивана, то ее всегда называли Тьерртсо, потому что „тьерртъ“ по-самодски значитъ четыре. Старшая дочь была замужемъ и жила на материкѣ; намъ пришлось увидѣть ее лишь значительно позже. Анька, вторая дѣвочка, вышла изъ чума принести дровъ; тѣмъ временемъ старшая, не замужняя дочь, называвшаяся, какъ и мать, Устиньей, хлопотала около костра. Катерина, жена Филиппа, сына Ивана, какъ объяснилъ намъ отецъ, и Ньябъ-кутни, ея маленькая дочка, ничего не дѣлали въ это утро, такъ какъ онѣ были на положеніи гостей. У Ньябъ-кутни были короткіе, курчавые волосы. Кромѣ нея, мы ни у кого на Колгуевѣ не видали курчавыхъ волосъ.

Старая Устинья, какъ я буду называть ее, въ отличіе отъ ея дочери, очень искусно дѣлала хлѣбъ. Она смочила размятую муку водою и затѣмъ совершенно испортила ея вкусъ, смѣшавъ съ оставшимся отъ предыдущаго раза старымъ тѣстомъ. Потомъ она скатала тѣсто въ формѣ очень толстой колбасы и быстрымъ движеніемъ пальцевъ воткнула въ нее длинную ровную палку, и булка очутилась на палкѣ. Наконецъ, она обмяла пальцами концы ея, чтобы сдѣлать ихъ болѣе тонкими и придать ей красивый видъ, и получилась готовая для печенья булка, около дюйма толщины

посрединѣ и сходящая на нѣтъ по концамъ, длиною около двухъ футовъ и 4—5 фут. въ поперечникѣ. Затѣмъ она воткнула палку въ землю, и началось печеніе булки надъ костромъ. Этотъ хлѣбъ называется „рѣзка“.

Пока все это происходило, въ котлѣ варились гуси и утка, и кипятилась вода для самоѣдскаго чаю. Онъ готовится смѣшеніемъ птичьихъ лицъ съ горячей водой. На вкусъ онъ не очень хорошъ.

Въ одиннадцать часовъ показалось и остальное населеніе чума. Изъ-подъ шкуръ выползли мужчины и Катерина со своимъ ребенкомъ. Въ полдень мы сѣли обѣдать. У самоѣдовъ есть деревянные ложки, но нѣтъ вилокъ, и наши имъ очень понравились. Прежде чѣмъ намъ приняться за ѣду, вилки обошли у всѣхъ по рукамъ, были критически изслѣдованы и провозглашены „хорошими, очень хорошими“. Спросили и о цѣнѣ ихъ, какъ о цѣнѣ всего, что у насъ было съ собою. Это—привычка, свойственная и русскимъ, какъ извѣстно всякому путешествовавшему по Россіи.

Ѣдятъ самоѣды такимъ образомъ: захватываютъ пищу зубами и быстро срѣзаютъ ее съ лѣвой стороны ножомъ снизу вверхъ, мимо самаго кончика носа. Я попробовалъ сдѣлать такъ, но безуспѣшно. Такой способъ требуетъ большой практики, по причинѣ носа. Все семейство было въ высшей степени чистоплотно. Оно часто мыло руки во время приготовленія пищи и всегда послѣ каждой работы. Пока готовился обѣдъ, мужчины ходили собирать оленей. Это—очень интересная вещь; но такъ какъ я не видѣлъ ее въ первое утро, то опишу ее на своемъ мѣстѣ. Когда я сталъ писать свою книгу, я предполагалъ сначала посвятить самоѣдамъ отдѣльную часть. Но потомъ рѣшилъ лучше рассказывать о нихъ по порядку, по мѣрѣ того, какъ я самъ знакомился съ ними. При такомъ способѣ читатель узнаетъ о нихъ не меньше, но узнаетъ, надѣюсь, пріятнѣе и легче. У нихъ не было мыла, и они выпросили у насъ кусокъ, предназначавшійся для мытья чулокъ. Все поведеніе обитателей чума представляло прекрасную картину полного по-

рядка и добродушія. Сначала ѣли мужчины, потомъ старая женщина со своей невесткой и двумя старшими дѣвушками, затѣмъ дѣти. Правда, находившійся внутри чума десятокъ собакъ, грѣвшихся у костра и подбиравшихъ все, что возможно, немножко надоѣдалъ, но въ общемъ дѣвушки отлично справлялись съ ними. И они не задирали „Матроса“.

Эти женщины, и всѣ другія, какихъ мы видѣли послѣ, постоянно принимаютъ любопытную, характерную позу, похожую на позу человѣка, ищущаго оброненныя деньги. Они ходятъ и стоятъ иногда подолгу, положивъ локти на колѣни, которыя остаются несогнутыми, причемъ плечи находятся ниже уровня спины. Подражать этому для меня оказалось невозможнымъ. Привычка принимать такое положеніе произошла, быть можетъ, отъ нагибанія подъ перекладной, на которой виситъ котелъ, или отъ необходимости уклоняться отъ дыма.

VII.

Знакомство Тревора-Бетти съ самоѣдскимъ языкомъ.—Споръ съ самоѣдами изъ за губернаторской бумаги.—Путешествіе на оленяхъ.—
Еще о бытѣ самоѣдовъ.

Окончивъ ѣду, мы подумали о путешествіи. Выйдя изъ чума, мы нашли, что насъ уже ожидаютъ сани паготовѣ, запряженные пятью великолѣпными оленями. Это были маленькія, легкія санки, называемыя „адліурсъ“ въ отличіе отъ „ханъ“, т. е. обыкновенныхъ перевозочныхъ саней. „Адліурсо“ по-самоѣдски значитъ „скоро“; слѣдовательно, эти маленькія санки замѣняютъ у самоѣдовъ курьерскій поѣздъ. На адліурсъ сѣлъ Миколка и укатилъ. Я понялъ, что онъ поѣхалъ, чтобъ привести еще нѣсколько оленей. Быть можетъ, вы удивляетесь, какимъ образомъ я понималъ, что намъ говорили, и отвѣчалъ въ свою очередь. Долженъ объяснить, что въ предыдущую свою поѣздку въ Россію я научился

немножко русскому народному говору, а потомъ усовершенствовался самообученіемъ. И хотя самоѣдское произношеніе очень отличалось отъ русскаго, даже больше, чѣмъ произношеніе русскихъ арктической Россіи *), однако я кое-что понималъ. По своей привычкѣ я прежде всего сталъ изучать туземныя собственныя имена и ихъ произношеніе. Самоѣдскій языкъ чрезвычайно труденъ для произношенія. Состоитъ онъ по большей части изъ придыханій, измѣненій словъ и неуловимыхъ оттѣнковъ, которые ни по какой системѣ письма не могутъ быть точно переданы. Но благодаря особенному вниманію и природной чуткости уха, мнѣ удалось схватить точный звукъ обыденныхъ словъ и выраженій, такъ что мнѣ было совсѣмъ не трудно обмѣниваться мыслями. Но въ началѣ разговоръ былъ комическій, во время котораго часто приходилось прибѣгать къ знакамъ и рисункамъ. Иванъ былъ настоящій актеръ, и благодаря этому, а также моему карандашу и бумагѣ, мы прекрасно подвигались. Замѣчательно, какимъ малымъ количествомъ словъ мы обходились при этомъ. Такъ, напр.,

Англія олени? Нѣту?

Англія тю? Янгхо?

выражаетъ вопросъ такъ же хорошо, какъ цѣлая сотня словъ.

Пока Миколка ѣздилъ, олени были доставлены, а черезъ часъ появился и Миколка въ сопровожденіи невзрачнаго человѣка съ печальнымъ лицомъ, котораго звали Анашка. Онъ правилъ упряжкой бѣлыхъ оленей и былъ, очевидно, человѣкъ съ вѣсомъ. Мы поѣхали. Саней было пятеро и 23 оленя. Иванъ правилъ пятью оленями, а къ задку его саней были привязаны четверо другихъ, которые тащили мои сани. Гиландъ тоже составлялъ часть сложнаго организма; его везъ Шабла, грязный новоприбывшій человѣкъ, а Анашка правилъ своей упряжкой пяти бѣлыхъ оленей.

---

*) С. Максимовъ въ своей извѣстной книгѣ «Годъ на сѣверѣ», говоритъ, что ему трудно было понимать языкъ поморовъ, живущихъ на берегахъ Ледовитаго океана.

Не будь у насъ письма губернатора, мы вовсе никогда бы не отправились, потому что олени линяли и, значитъ, находились въ наихудшемъ состояніи. Я настоялъ, чтобы мы поѣхали прямо къ устью Гусиной и вернулись бы черезъ три дня. Иванъ, повидимому, считалъ это вещью выполнимой.

Итакъ, сначала двинулись мы на сѣверо-востокъ. Но едва мы проѣхали часа два, какъ попали въ ужасную мѣстность: она вся состояла изъ безднъ, обрывистыхъ и полныхъ снѣгу, который нависалъ такимъ образомъ, что даже олени не могли съ нимъ справиться. Тогда Анашка (пророкъ, какъ я его назвалъ, за его бѣлыхъ оленей и за то, что онъ выражалъ свое мнѣніе во всѣхъ важныхъ случаяхъ) пошелъ впередъ одинъ посмотрѣть, можно ли идти дальше. Вернувшись, онъ сказалъ просто: „нельзя“. Послѣ чего всѣ съ радостью рѣшили вернуться домой. Но я воспротивился: „Посмѣйте только вернуться назадъ, и я приведу къ вамъ губернатора и вы, клянусь вамъ, пойдете въ Сибирь“. Тогда они захотѣли еще разъ посмотрѣть бумагу. Разостлали бумагу на землю и легли, уткнувши въ нее носы, между тѣмъ какъ Анашка, который одинъ былъ грамотенъ, медленно читалъ ее. „Здѣсь нѣтъ Колгуева; только Печора“,—говоритъ Анашка, хлопая по бумагѣ. — „Печора или нѣтъ, вы пойдете“,—сказалъ я.—„Колгуевомъ управляетъ архангельскій губернаторъ“. Они очень разсердились, но рѣшили идти; и такъ какъ мы не могли ѣхать на сѣверо-западъ, то двинулись на юго-западъ,—очень чувствительный компромиссъ. Мѣстность оказалась болѣе проходимою. Вскорѣ мы очутились на болотахъ, объѣзжая тѣ холмы, вдоль которыхъ шли раньше. Четыре часа спустя, мы вдругъ наткнулись на вторую стоянку самоѣдовъ, которые только что прибыли сюда и устанавливали чумы. Глава ихъ былъ Антипъ. Это былъ красивый старикъ, съ длинной сѣдой бородою, похожій на изображенія Моисея. Цвѣтъ лица у него былъ шоколадный, тогда какъ у Ивана желтый. Онъ далъ намъ настоящаго чаю, и мы намазали на хлѣбъ оленьяго сала

вмѣсто масла. Меня поразилъ длинный поѣздъ саней, изъ коихъ на нѣкоторыхъ были лодки. Впослѣдствіи я узналъ, что Антипъ самый богатый и уважаемый человѣкъ на цѣломъ островѣ. Область его кочевья обнимала верховья Песчанки, и онъ разсказалъ мнѣ, что это онъ стрѣлялъ на Гусиной въ тотъ день, когда мы слышали выстрѣлы. Я съ трудомъ объяснилъ, что для перевозки нашего имущества нужно больше саней. Поэтому, когда мы отправились въ семь часовъ, Антипъ съ сыномъ поѣхалъ съ нами на своихъ саняхъ; такимъ образомъ, число нашихъ оленей увеличилось до сорока шести. Мы сейчасъ же очутились среди холмовъ и скоро повстрѣчались съ своими старыми друзьями, оврагами. Мнѣ хотѣлось бы дать хотя приблизительное представленіе о тѣхъ чудесахъ, которыя продѣлывали олени. Разъ мы подъѣхали къ оврагу, на противоположной сторонѣ котораго возвышалась снѣжная стѣна въ 6—7 футовъ высоты. Мы должны были перейти оврагъ непременно въ этомъ мѣстѣ, потому что дальше крутизна холма совершенно не позволяла проѣхать на саняхъ. Мы вышли изъ саней и пошли пѣшкомъ. Упряжку оленей, состоявшую изъ пяти штукъ, запряженныхъ рядомъ, подвели къ краю оврага и выровняли ихъ, протянувъ передъ ними длинную палку. Потомъ палка была поднята и, по командѣ, всѣ пять оленей, связанные вмѣстѣ, перескочили черезъ оврагъ на покатость снѣжной стѣны и вскарабкались по ней, таща за собою болтавшіеся сани. Всѣ упряжки перешли оврагъ такимъ же образомъ. Олени могутъ дѣлать такія штуки благодаря длиннымъ и острымъ „пожнымъ копытамъ“, которыя упираются въ снѣгъ. Сами мы спустились съ холма и перешли оврагъ пониже. Иногда мы оставались въ саняхъ, крѣпко держась за нихъ, и переносились черезъ овраги. Передъ прыжкомъ олени пускались въ галопъ и затѣмъ перескакивали вмѣстѣ съ санями и сѣдоками.

Мы нашли, что путешествовать такимъ образомъ на оленяхъ, не имѣя пальто, ужасно холодно: съ сѣвера дулъ рѣзкій вѣтеръ и наступилъ туманъ. Но самоѣды очень лю-

безно предложили каждому изъ насъ „совикъ“. Это—одежда съ каюшономъ изъ оленьей шкуры мѣхомъ внутри. Она очень тепла и удобна, но въ ней плохо слышно.

Съ непривычки трудно сидѣть на самоѣдскихъ саняхъ. Удобно сидѣть на нихъ можно только однимъ способомъ, а именно, такъ, какъ дѣлаютъ самоѣды. Я рѣдко видѣлъ рисунки, на которыхъ былъ бы правильно изображенъ этотъ способъ посадки. На рисункѣ, приложенномъ къ описанію путешествія Нордепшѣльда на „Веѣ“, сани изображены невѣрно, олени запряжены неправильно и сѣдокъ сидитъ не на той сторонѣ саней. Рисунокъ этотъ, кажется мнѣ, заимствованъ съ одной старой гравюры, которую я однажды видѣлъ. Самоѣды всегда садятся на лѣвой сторонѣ саней и держатъ въ рукахъ длинныя возжи, идущія отъ крайняго лѣваго оленя. Но объ этомъ до будущаго раза.

1 июля. Въ половинѣ третьяго мы подѣхали къ озерку, возлѣ котораго было хорошее пастбище. Здѣсь мы остановились, и всѣ олени, за исключеніемъ пяти штукъ, были распряжены, а всѣ самоѣды залегли спать въ одной и той же позѣ. Они легли навзничъ на спины, протянувъ по швамъ руки, какъ мнѣ казалось. Но въ дѣйствительности это были просто рукава, руки же они сложили на груди подъ платьемъ.

Тѣмъ временемъ я прошелся къ озеру, которое, какъ мнѣ казалось, должно было посѣщаться гусями. Я ждалъ полтора часа, но гуси не появились. Нѣсколько паръ плавунчиковъ подорожныхъ (*Phalaropus hyperboreus*) летали и плавали тамъ и сямъ съ рѣзкимъ крикомъ „твить, твить“. Глѣздъ ихъ я не нашелъ. Вернувшись въ 4 часа я легъ спать въ дощинахъ подъ защитой холма. Спалъ я съ большимъ комфортомъ, такъ какъ мой совикъ удерживалъ тепло, не смотря на туманъ, морозъ и гололедицу. Около 9 час. прояснилось и я сварилъ немного либиховскаго бульона для себя и для Гиланда. Самоѣды ѣли пищу, взятую ими съ собою.

Затѣмъ прошло много времени, прежде чѣмъ были приведены олени, которые зашли довольно далеко. Моя под-

зорная труба очень пригодилась здѣсь. Самоѣды не имѣли ни малѣйшаго представленія, гдѣ находились олени. Шабла отправился на своихъ адліурсъ по совершенно неправильному направленію и, поѣздивъ нѣкоторое время по окрестностямъ, вернулся назадъ въ довольно мрачномъ настроеніи. Тѣмъ временемъ я взобрался на вершину холма и, внимательно осмотрѣвъ въ трубу окружающую мѣстность, замѣтилъ наконецъ рога двухъ оленей: остальная часть стада находилась, очевидно, въ лощинѣ. Я указалъ Шаблѣ направленіе; и скоро онъ привелъ оленей.

Вслѣдствіе нашихъ стараній объѣзжать наиболее труднопроходимые мѣста, мы сильно уклонились на югъ отъ первоначальнаго направленія и потому повернули теперь прямо на сѣверъ, пересѣкая холмы, по которымъ я пѣшкомъ проходилъ съ Гиладомъ; потомъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ сѣвернаго берега острова мы повернули на западъ. Держась этого направленія, мы въ половинѣ четвертаго достигли устья р. Гусиной.

Съ большимъ удовольствіемъ замѣтилъ я въ подзорную трубу нашу палатку, которая находилась, повидимому, въ томъ же положеніи, въ какомъ мы ее оставили. Самоѣды стали теперь ужасно комичны. Я указалъ имъ маленькое зеленое пятнышко по ту сторону рѣчнаго устья. „Это мой чумъ“,—сказалъ я. Они расхохотались, принявъ мои слова за шутку. Все время они смотрѣли теперь на море; то одинъ то другой указывали на различные предметы во льду, какъ на открытіе; но такое указаніе всегда заканчивалось словомъ „нѣтъ“. Наконецъ, они всѣ вмѣстѣ остановились и казались крайне смущенными. „Что такое?“, — спросилъ я ихъ. Пророкъ Анашка, сердитый, какъ спугнутый медвѣдь, указалъ рукой на морской ледъ и просто сказалъ: „нѣтъ губернатора, нѣтъ лодки“. Такъ вотъ оно что! Въ своихъ бѣдныхъ смутныхъ умахъ они вообразили, что его превосходительство архангельскій губернаторъ потерялъ здѣсь во льду свое судно, послалъ насъ за помощью, а самъ, сидя на своихъ вещахъ, ждалъ освобожденія; или же, наконецъ,

что если насъ осталось въ живыхъ только двое, то они найдутъ остатки судна, полного дерева и разной рухляди. Совѣсть моя была чиста. Я не обманывалъ ихъ; я не говорилъ ничего подобнаго. Но они были взбѣшены, ужасно взбѣшены и совершенно сбиты съ толку. Они не могли понять, какимъ же способомъ попали мы на Колгуевъ.

Они нашли бродъ, котораго мы не подозрѣвали, около мили пониже нашей палатки. Мы переѣхали рѣчку, стоя на саняхъ, которыя при этомъ совершенно покрылись водой. Переѣхавъ рѣчку мы остановили сани, потому что мнѣ съ Гиландомъ нужно было выйти и вырыть свои сапоги. Все было въ томъ же положеніи, какъ и при нашемъ уходѣ; точно мы и не уходили. Соколъ по прежнему леталъ на томъ же мѣстѣ, что меня очень изумило, такъ какъ мнѣ кажется, онъ давно уже могъ найти себѣ другую подругу. И гуси поднялись съ гнѣзда, какъ только мы подошли. Они, очевидно, насиживали свои четыре яйца, потому что одно изъ нихъ, которое я разбилъ, такъ какъ былъ очень голоденъ, оказалось полувысиженнымъ. Затѣмъ, мы вырыли свои сапоги, которые оказались въ совершенно исправномъ видѣ и только немного пахли землей. Мы вернулись назадъ, вскочили на сани и поѣхали вдоль рѣки къ палаткѣ. Все было въ сохранности.

Много времени ушло на упаковку и нагрузку нашихъ вещей на сани. Пока мы занимались этимъ, самоѣды совѣщались относительно насъ. Это меня очень забавляло. Я не могъ разобрать, конечно, что они тамъ бормотали, но смыслъ ихъ разговора уловилъ изъ ихъ жестовъ и т. п. Несомнѣнно, мы были загадкой для нихъ, не духами, однако, потому что мы дали имъ поѣсть.

Они очень торопились ѣхать назадъ; но я полагалъ, что намъ не мѣшаетъ поѣсть и отдохнуть. Когда же они сказали, что здѣсь нечего ѣсть оленямъ, я велѣлъ имъ распряхъ оленей, а они ужъ сами найдутъ себѣ пастбище. Они поворчали, но, наконецъ, оставивъ пятерыхъ оленей, для адліурсъ, остальныхъ отпустили на свободу.

Впечатлѣніе, произведенное топоромъ, вырытымъ нами изъ ямы, въ которой онъ былъ запрятанъ, было очень сильно. Всѣ они захотѣли его имѣть. „Мнѣ, мнѣ! топоръ, хорошъ, очень хорошъ, имъ хорошо дѣлать сани, это — не колгуевскій топоръ. Колгуевскій топоръ не хорошъ“ и т. д. Насилу я отстранилъ ихъ. Только Шабла, грязный Шабла, поглядывалъ на топоръ такимъ жаднымъ взглядомъ, что я не довѣрялъ ему и, можете быть увѣрены, поглядывалъ и за нимъ. Мы взяли съ собой съ яхты два большихъ куска соленой свинины и угостили теперь ею самоѣдовъ, сваривъ ее въ своемъ единственномъ котелкѣ. Для этого былъ сложенъ великолѣпный костеръ изъ наноснаго лѣса, въ изобиліи лежавшаго вокругъ.

Самоѣды ѣли свинины немного; будь это гусь или олень, они съѣли бы въ четыре раза больше. Они не могли понять, что это такое, а я не помнилъ, какъ по-русски называется свицъ. Помнилъ только слово окорокъ; вотъ я и сказалъ имъ, что это окорокъ. Но такъ какъ это не помогло, то я по обыкновенію прибѣгъ къ карандашу и пантимѣ. Я нарисовалъ имъ свинью, но они приняли ее за особый видъ тюленя и сказали, что у нея ноги невѣрно сдѣланы. Тогда я сталъ на четвереньки и началъ хрюкать; они очень смѣялись, но все-таки не понимали. Только Пророкъ сказалъ: „да, да“; ему приходилось видѣть свинью въ Архангельскѣ. Анашка не былъ, слѣдовательно, колгуевскимъ аборигеномъ, и тутъ я только понялъ, почему онъ мастеръ писать и читать, тогда какъ другіе неграмотны.

Послѣ этого всѣ мы—Иванъ, Анашка, Шабла, Антинь съ сыномъ, Гиландъ и я—въ числѣ семи человѣкъ забрались въ мою маленькую палатку (семь футовъ на семерыхъ), гдѣ очень весело провели вечеръ; я далъ каждому изъ нихъ немножко водки и предложилъ имъ трубку съ табакомъ, которая обошла всѣхъ; только Анашка не курилъ, за то Иванъ выкурилъ двойную порцію. Затѣмъ я вынулъ большой раскрашенный атласъ, изображавшій скандинавскихъ птицъ, а также свою дорожную книжку съ рисун-

ками птицъ; они разсматривали все это съ величайшимъ интересомъ, сказали, какія птицы водятся на Колгуевѣ, какія—нѣтъ, и какъ они называются по-самоѣдски. При этомъ они оказались очень разсудительными и поражали меня своими разумными аргументами. Я былъ положительно изумленъ точностью даваемыхъ ими свѣдѣній, и почти все, въ чемъ я сомнѣвался еще тогда, внослѣдствіи я нашелъ вполне согласнымъ съ фактами. Они говорили, что бѣлая сова не гнѣздится на Колгуевѣ, хотя и прилетаетъ лѣтомъ изъ-за моря; что *Agophila eburnea* зимою здѣсь очень обыкновенна; и много другихъ фактовъ подобнаго рода. Затѣмъ, всѣ они увѣряли, что ласточка—колгуевская птица, но я увѣренъ, что за ласточку они припили поморника.

2 іюля. Мы соснули немножко, въ полночь встали, поймали оленей, сложили палатку, развели костеръ, сварили завтракъ и въ 4 часа утра были готовы къ отъѣзду. Затѣмъ, я написалъ записку Повису, въ которой сообщалъ ему, что мы перемѣнили планъ и направляемся въ Шарокъ. Я присоединилъ ее къ первой запискѣ и зарылъ жестянку опять у креста Св. Николая. Самоѣды не могли понять этой церемоніи, но Пророкъ прочелъ записку вслухъ; они всѣ серьезно и важно выслушали, потомъ должны были ее отдать и ворчанье ихъ прекратилось.

Было въ высшей степени непріятное утро; дулъ рѣзкій сѣверный вѣтеръ, и выпалъ густой снѣгъ, скоро покрывшій землю; мы не сожалѣли впрочемъ объ этомъ, потому что дорога стала лучше. Мы приняли на этотъ разъ болѣе сѣверное направленіе и пересѣкли верхнія воды рѣкъ Конкиной и Великой. Всѣ ѣхали такъ быстро, что къ 8 часамъ утра сдѣлали 30 верстъ, и тогда раскинули палатку. Поѣздка была восхитительна. Эта сторона горъ показалась мнѣ не такъ изрѣзанной оврагами, какъ противоположная. Но трудно сказать, такъ ли это, потому что самоѣды, которые отлично знаютъ мѣстоположеніе, старались ѣхать по болѣе легко проходимымъ склонамъ холмовъ; между тѣмъ, эти же холмы, если-бъ мы шли пѣшкомъ, могли бы оказаться кру-

тыми и трудно проходимыми. И очень часто мы проѣзжали большія разстоянія по склонамъ снѣжныхъ овраговъ, если склоны были не слишкомъ круты. Для новичка это страшновато; оленей самоѣды пускали въ такихъ случаяхъ галопомъ по снѣгу, который лежитъ здѣсь не горизонтально, а подъ угломъ, благодаря чему вторыя сани, на которыхъ сидѣлъ я съ Гиландомъ, скользили бокомъ по наклону и мы каждую минуту ждали, что вотъ-вотъ полетимъ на дно оврага въ бушующій потокъ. Сани съ нашимъ грузомъ тоже часто бывали въ затруднительномъ положеніи; однако все обошлось благополучно. Мы довольно крѣпко спали до полудня; потомъ выпили чаю съ ветчиной и винными ягодами и опять дали самоѣдамъ окорокъ, который, повидимому, понравился имъ больше, чѣмъ прежде.

Имъ очень не хотѣлось раскладывать костеръ; они говорили, что нѣтъ дерева и потому нельзя его сдѣлать, и что намъ нужно спѣшить. Тогда я началъ собирать мохъ и Гиландъ сдѣлалъ то же самое. Увидавъ, что мы готовимся такимъ образомъ развести костеръ, они покорились необходимости и скоро доставили намъ много мху и ползучей березки. Я предоставилъ имъ разжечь костеръ, надѣясь увидѣть какой нибудь любопытный способъ добыванія огня или искръ, но былъ очень разочарованъ; они просто вынули изъ кармановъ русскія спички.

Пробывши долго на Колгуевѣ мы, въ отношеніи терпѣнія и медлительности, стали на три четверти совершенными самоѣдами. Но въ первые дни нашихъ скитаній съ ними мы находили эти качества очень непріятными. Я много сердился на нихъ и безпрестанно стращалъ ихъ. Но измѣнить природу самоѣда такъ же невозможно, какъ и природу всякаго другого человѣка, сколько-бъ вы ни сердились. Сегодня вамъ удастся поставить на своемъ, а завтра вы снова встрѣчаете то же. Въ концѣ концовъ положенія вы не улучшите, а только сами утомитесь. А вотъ образчикъ ихъ медлительности.

Олени пасутся, рассыпавшись на большомъ пространствѣ,

но самоѣды не тронутся съ мѣста за ними, пока не сложатъ палатки или чума и не уложатъ все до малѣйшей вещицы на сани. Тогда только загонщикъ садится на адліурсъ и отправляется за оленями. Требуется около часу времени для того, чтобъ найти и привести ихъ. Затѣмъ ихъ нужно отобрать, потомъ запретъ и тогда наконецъ—нѣтъ, даже и теперь еще не все кончено. Сначала они садятся на землю минутъ на двадцать или около того, и нюхаютъ табакъ. Нюханье табаку—одна изъ характерныхъ чертъ самоѣдскаго быта. Для нюханья они покупаютъ у русскихъ махорку, которую для этой цѣли растираютъ въ порошокъ. Табакерки ихъ сдѣланы очень остроумно. Обыкновенно онѣ дѣлаются изъ коровьяго рога, широкій конецъ котораго затыкается, а кончикъ пробуравливается; чрезъ это отверстіе табакъ при нюханьи высыпаетъ на палецъ большого пальца. Иногда они затѣваютъ табакерку изъ дерева или металла, но и тогда придаютъ ей форму коровьяго рога, согласно принципу, извѣстному всѣмъ антропологамъ и составляющему причину того, что мы придаемъ тыквообразную форму бутылкѣ или ставимъ пуговицы назади сюртуковъ.

Однако, наконецъ мы все-таки отправились и ѣхали очень хорошо. Въ 10 ч. вечера самоѣды составили совѣтъ относительно того, что олени устали, и по окончаніи его повернули на югъ въ проходъ между холмами. Когда мы затѣмъ остановились, Антипъ съ сыномъ отправился дальше, захвативъ съ собою многихъ оленей. Оказалось, что со времени встрѣчи нашей съ Антипомъ, чумъ его отодвинулся и находился теперь въ разстояніи пяти верстъ.

3 июля. Мы заварили чаю и поджигали Антипа. Не очень долго спустя, сынъ его вернулся, но безъ него, и привелъ нѣсколькихъ свѣжихъ оленей. Въ 1 часъ ночи мы выѣхали и въ 3 часа достигли Иванова чума.

Было такъ холодно и непріятно, все такъ затвердѣло отъ мороза, что я не пытался разбирать свои вещи сейчасъ же. И такимъ образомъ мы второй разъ пошли спать въ чумъ. Мы теперь не такъ устали и потому больше замѣтили

неудобство помѣщенія. Я былъ, долженъ признаться, не очень доволенъ; края чума отставали на нѣсколько дюймовъ отъ почвы и намъ нечѣмъ было покрыться, чтобъ защитить себя отъ сквознаго вѣтра; такъ какъ женщины и дѣти находились на другой сторонѣ чума, то я не могъ достать оленьихъ шкуръ, которыя тамъ были свалены. Число шкуръ, кромѣ того, уменьшилось, такъ какъ часть ихъ мы брали съ собой для сидѣнья въ саняхъ, и онѣ смокли при переѣздѣ черезъ рѣчки, а потомъ смерзлись коломъ. Но въ концѣ концовъ мы уснули; и послѣднее, что я видѣлъ, былъ старый „Матросъ“ съ полувиноватымъ видомъ подползавшій къ Гиланду, надѣясь найти себѣ комфортабельное положеніе возлѣ его головы.

VIII.

Какъ ѣдятъ самоѣды.—Чумъ и сапи.—Собаки.—Самоѣдская жизнь.—
Новые знакомые.—Въ лодкахъ.

Теперь я буду рассказывать событія изо дня въ день, по мѣрѣ того, какъ они происходили, только иногда дѣлая отступленія для разъясненія того или другаго пункта, который самъ по себѣ былъ бы непонятенъ. Такимъ способомъ, думается мнѣ, я лучше всего раскрою передъ вами жизнь этого одинокаго народа, которому мы столько обязаны не только бесѣдами, но, быть можетъ, и самой жизнью. Мы были долгое время ихъ товарищами, дѣлили съ ними ихъ повседневныя заботы, жили бокъ-о-бокъ съ ними, ѣли съ ними изъ одного котла, кочевали съ ними, —однимъ словомъ, мы были самоѣдами.

Въ 2 часа пополудни, сегодня во вторникъ, 3 іюля, мы встали, а къ половинѣ четвертаго былъ готовъ и подавъ обѣдъ. Самоѣды ѣдятъ, какъ и мы, три раза въ день. По самоѣдски всякая ѣда называется „зейндо“.

1. Зейницъ - зейндо = завтракъ.

2. Ялерня-зейндо = обѣдъ,

3. Вайосумъ - зейпдо = ужинъ.

Итакъ, мы ѣли теперь „ялерня-зейндо“. Жепщины приготовили превосходнаго варенаго гуся, и когда съѣли его прямо изъ котла, въ котель высыпали ячменной муки и получился настоящій супъ или щи. Самоѣды ѣли, по обычаю русскихъ крестьянъ, всѣ изъ одного котла, но у насъ были свои желѣзные чашки. Вареный гусь вылавливался согнутымъ гвоздемъ и затѣмъ раскладывался или на низенькихъ деревянныхъ столахъ или въ деревянныхъ чашкахъ, которыхъ въ чумѣ имѣлось нѣсколько штукъ. Собаки, пока мы сидѣли въ чумѣ, не падоѣдали, но стоило выйти оттуда, и они становились несносными. Невозможно было шагу ступить, чтобъ за вами не послѣдовала цѣлая стая лающихъ дворняжекъ. Особенно падоѣдлива была одна, очень красивая собака, любимица старой Устиньи, по имени Хвалька; она укусила Гиланда. При этомъ она не издала ни звука при паденіи на него, а просто подошла къ нему сзади и укусила. Къ счастью, укусъ былъ незначителенъ, но онъ, конечно, очень беспокоилъ Гиланда.

День выдался сегодня такой непріятный, со снѣгомъ и рѣзкимъ сѣвернымъ вѣтромъ, что ничего нельзя было дѣлать и мы принялись устанавливать свою палатку. Дѣло оказалось не изъ легкихъ. Трудно было найти мѣсто, куда можно бы было вбить колышки, такъ какъ почва была песчаная. Вѣтеръ тоже былъ противъ насъ: разставлять палатку было такъ же легко, какъ убирать паруса во время шторма. Самоѣды помогали намъ и очень завидовали нашей палаткѣ, паходя ее гораздо лучше чума. Пришло время, когда мы охотно помѣнялись-бы съ ними. Но пока еще мы не испытали дождя и потому твердо вѣрили въ „водонепроницаемость“ своей парусины.

4 іюля. Сегодняшній день съ утра былъ хорошъ, и мы съ радостью узнали, что наши друзья собираются передвинуться къ мѣсту, находящемуся вблизи большой рѣки

Песчанки, съ котораго можно будетъ наблюдать за гусями, посѣщающими рѣчное устье.

Я опишу детали нѣсколько подробнѣе и скажу разъ на всегда, что по нашимъ наблюденіямъ, то, что вѣрно для колгуевскихъ самоѣдовъ, вѣрно и для самоѣдовъ, живущихъ на материкѣ, по крайней мѣрѣ къ западу отъ р. Печоры.

Самоѣды имѣютъ сани трехъ различныхъ формъ: 1) ханъ, 2) арки-ханъ и 3) адліурсъ. „Ханъ“ — обыкновенныя пассажирскія сани, на нихъ въ крайности могутъ помѣститься двое. Эти сани имѣютъ съ каждой стороны четыре, иногда пять, подпорокъ, идущихъ наклонно къ полозьямъ. „Арки-ханъ“ — багажныя сани; онѣ очень крѣпко построены и имѣютъ только двѣ подпорки съ каждой стороны, поставленныхъ перпендикулярно. Объ адліурсѣ я говорилъ уже выше; у нихъ четыре наклонныхъ подпорки съ каждой стороны.

Нагрузка саней была сдѣлана съ тѣмъ умѣньемъ, какого можно ожидать отъ кочевого народа, постоянно передвигающагося ради своихъ оленей. Они могутъ оставаться на одномъ мѣстѣ только до тѣхъ поръ, пока олени находятъ себѣ достаточно пищи въ окрестностяхъ. Но большое стадо оленей скоро съѣдаетъ свой подножный кормъ, и каждый день пасется все дальше и дальше отъ чума, и становится все труднѣе добираться до нихъ. Тогда черезъ нѣсколько дней самоѣду ничего больше не остается, какъ сложить свои пожитки и передвинуться на новыя пастбища. Неудивительно поэтому, что самоѣды отличные укладчики. Всякая вещь находить себѣ мѣсто, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла.

Женщины и дѣти разбираютъ чумъ, складываютъ его на „арки-ханъ“, потомъ укладываютъ горшки и шкуры. Тѣмъ временемъ мужчины кладутъ на сани боченки, лодку и дрова. Лодки („аръ-по“ по-самоѣдски) у нихъ очень легкія. Онѣ безъ кия, но имѣютъ обыкновенно два

подводныхъ полоза, благодаря чему онѣ очень устойчивы и легко проходятъ по илистому дну. Онѣ 9 фут. длиною и $3\frac{1}{2}$ фута въ поперечникѣ.

Слѣдуетъ отмѣтить, что чумы помѣщаются обыкновенно на кругломъ песчаномъ плато, которыхъ много имѣется въ тундрѣ; такія мѣста всегда выбираются, если возможно, по слѣдующимъ причинамъ. Съ нихъ открывается широкій горизонтъ, благодаря чему оленей всегда можно имѣть на виду; они сухи и здоровы; по плотности почвы они хорошо приспособлены для выполненія нѣкоторыхъ упражненій, которыя будутъ описаны на своемъ мѣстѣ.

Теперь все было готово и можно было привести оленей. Упряжка изъ пяти крѣпкихъ и сильныхъ самцовъ, стоявшихъ всю ночь возлѣ чума, была запряжена въ адліурсъ. Одну такую упряжку всегда держать на готовѣ, чтобы они были подъ рукой у загонщика. Миколка долженъ былъ сѣсть въ сани и поѣхать за стадомъ оленей. Онъ отправился въ сопровожденіи собакъ. Но я вамъ еще не представилъ собакъ.

Латори былъ король своры. Это была старая бѣлая собака съ единственнымъ глазомъ и самаго кроткаго характера, какой только вы когда нибудь встрѣчали. Остальныя чтили ее, какъ патріарха, и она удерживала за собой тронъ единственно моральнымъ вліяніемъ; у эскимосскихъ собакъ тронъ давно уже по праву сильнаго перешелъ къ Ніаррвей. Ніаррвей былъ прекрасный черный песъ, самый большой изъ всѣхъ. Когда Ніаррвей достигнетъ возраста Латори онъ будетъ такого же характера, потому что даже теперь онъ—добрѣйшая душа и замѣчательно полезная собака, какъ вы увидите. Третья была Хвилька, прекрасная, но коварная Хвилька. Она была рыжая съ чудеснымъ лисьимъ хвостомъ. Затѣмъ Паско, впоследствии мать многихъ щенятъ. Мандалукъ—тоже дама, и премиленькая, но скромная. Шестой, Сѣрко, десятимѣсячный щенокъ, бѣлый, взъерошенный и всегда грязный, который безпрестанно на все лаялъ; мнѣ кажется, онъ былъ тронутъ немножко. Хѣрпи, пѣгій юноша,

подававшей лучшія надежды. Много, походившая на матерого волка. Вотъ собаки, съ которыми намъ долго пришлось прожить; характеры у всѣхъ нихъ были очень независимые. Отъ времени до времени появлялись щенки, съ которыми дѣти любили нянчиться, какъ и у насъ. Иногда, какъ и у насъ, щенки таинственно исчезали. Изъ оставшихся въ живыхъ нашимъ любимцемъ былъ Чуа. Чуа готовъ играть съ вами по цѣлымъ часамъ, если только дадите ему поводъ. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ жизнерадостныхъ твореній, которыя иногда встрѣчаются. Если онъ спитъ на другой сторонѣ чума, но стоитъ только вамъ щелкнуть пальцами и шепнуть „Чуа“, какъ онъ моментально кидается къ вамъ и вьется возлѣ васъ, какъ угорь.

Итакъ, Миколка отправился на своихъ санихъ и сталъ объѣзжать стадо. Это не такъ-то легко, какъ можетъ быть кажется. Стадо состоитъ штукъ изъ 500 оленей и всѣ они разсыпались, кто куда. Но Миколкина упряжка быстрой рысцой объѣзжала кругомъ стада, а собаки загоняли оленей не хуже нашихъ пастушьихъ собакъ. Самцы сразу убѣгали отъ собакъ, но самокъ, особенно тѣхъ, у которыхъ были телята, приходилось аттаковывать нѣсколько разъ. Однако, наконецъ, все стадо было согнано; затѣмъ началась отборка оленей для упряжи: выбирали только самцовъ, потому что самки, если стадо велико, въ такое время года не работаютъ. Когда олени подошли, весь „чумъ“ вышелъ къ нимъ на встрѣчу. Упряжные олени обыкновенно очень смирны и безъ сопротивленія позволяютъ себя запрягать. Ихъ пригнали на плоскую возвышенность, на которой стоялъ чумъ, и тогда женщины и дѣти, держа въ рукахъ тонкую веревку, окружали ея нѣсколько оленей, а мужчины входили въ кругъ и выбирали тѣхъ, которыхъ можно было запречь. Нѣкоторыхъ оленей приходилось ловить и останавливать, другіе были такъ смирны, что прикосновенія руки было достаточно, чтобъ они позволили вести себя, куда угодно. Такъ было составлено необходимое число упряжекъ; — и мы отправились.

Двѣ маленькія дѣвочки имѣли каждая по своей отдѣльной упряжкѣ изъ трехъ оленей и правили ими удивительно хорошо. Пустивъ оленей предварительно рысью, они вскочили потомъ на санки такъ же ловко, какъ и старшіе. Пріятно было смотрѣть на веселость этихъ дѣтей. Имъ хотѣлось погнать своихъ оленей скорѣе, но этого имъ не позволили, потому что олени находились въ ту пору далеко не въ лучшемъ состояніи. Не смотря на то, дѣти смѣялись и болтали все время, и были очень озабочены своими щепками, которые безпомощно катались въ саняхъ изъ стороны въ сторону. Всѣ другія движимыя вещи были привязаны къ санямъ ремнями изъ тюленьей кожи; но какъ привязать жирнаго, круглаго щенка?

Мы еще не умѣли править олянями; поэтому сидя въ саняхъ я ничего не дѣлалъ, а только направлялъ свою фотографическую камеру на наиболѣе любопытныя сценки. Миколка былъ очень занятъ. На своемъ легкомъ адліурсѣ опъ то галопомъ, то рысью объѣзжалъ стадо, подгоняя отсталыхъ.

Достигнувъ р. Песчанки, мы пашли, что она сильно вздулась отъ таявшаго снѣга и прошло нѣкоторое время, прежде чѣмъ пашли мѣсто, по которому можно было перейти вбродъ. Прежде всего съ помощью собакъ погнали черезъ рѣчку самокъ съ телятами. Большая часть проходила довольно охотно, но нѣкоторыя самки, телята которыхъ были еще малы, упрямылись, громко мыча и отгоняя собакъ. Штуки двѣ, замѣтивъ ужъ послѣ перехода, что телята ихъ остались на берегу, бросились назадъ, мѣстами даже вплавъ, не обращая на собакъ ни малѣйшаго вниманія. Затѣмъ, найдя своихъ телятъ, они переходили съ ними вмѣстѣ. Телятаплыли великолѣпно, откинувъ голову назадъ, какъ и родители. Картина перехода была очень живописна и очаровательна. Я сѣлъ и сталъ набрасывать ее; самоѣды у которыхъ не было пока никакого дѣла, смотрѣли, какъ я рисовалъ, столпившись вокругъ меня слишкомъ близко, чтобы быть пріятными.

Въ этомъ мѣстѣ, очевидно, всегда переходятъ вбродъ, но теперь вода была необычно высока. Перейти прямо было совершенно невозможно; теперь наступила очередь собаки Ніарвей, которая должна была найти переходъ для насъ по мелкимъ мѣстамъ. Я съ Гиландомъ зналъ по опыту, что въ Колгуевскихъ рѣкахъ всегда можно найти бродъ, хотя искать его приходится иногда долго. Вы, напр., можете пройти рѣку на половину, но затѣмъ должны идти съ четверть мили посреди рѣки, прежде чѣмъ найдете снова мелкое мѣсто. Вотъ это самое Ніаррвей и дѣлалъ для насъ; онъ вошелъ въ воду, но не поплылъ: это ему было запрещено. Подойдя къ глубокому мѣсту, онъ повернулъ и выбралъ другое направленіе и поступалъ такъ все время. За нимъ слѣдовалъ Миколка на саняхъ. Поиски продолжались долго, но, наконецъ, они вышли на противоположный берегъ саженьяхъ въ ста выше того мѣста, откуда отправились.

Тѣмъ временемъ женщины глодали кости, а ребятишки бѣгали и собирали сухую траву, которую кладутъ въ свои башмаки. Они называютъ эту траву „сти-эль-ка“ („стелька“), миленькое имя.

Наконецъ, насталъ нашъ чередъ переправляться. Мы перешли легко и скоро. Такъ какъ я съ Иваномъ переѣхали первые, то я могъ сѣсть на противоположномъ берегу и наблюдать за длиннымъ поѣздомъ саней. Всѣхъ саней было 20, запряженныхъ 80-ю оленями, и переходъ занялъ не мало времени. И вотъ что случилось. Одинъ бѣлый щенокъ, довольно большой уже, чтобъ онъ могъ плыть, еслибъ имѣлъ хоть на грошъ храбрости, забѣгалъ на берегу, не рѣшаясь войти въ воду и жалобно визжа. Ни одна душа не обратила вниманія на „тассо“ (тассо по самоѣдски щенокъ), одинъ Миколка вернулся за нимъ и хотѣлъ его взять; но тотъ съ настойчивостью капризнаго ребенка продолжалъ бѣгать по берегу и не давался въ руки своему избавителю. Наконецъ, проникнувшись чувствомъ собственной беспомощности, онъ смѣшно повалился на спину, какъ это дѣлаютъ щенки, и съ триумфомъ былъ взятъ. Я слѣдилъ по часамъ,

сколько времени займетъ переходъ: оказалось 20 минутъ. Скоро затѣмъ мы поднялись на небольшой холмъ и поставили чумъ. Я съ Гиландомъ отправились на экскурсію.

Не прошли мы и саженьей 10-ти, какъ Гиландъ сказалъ: „Что это за птица, сэръ“?! Это былъ зукъ (*Eudromias morphnellus*). Онъ сидѣлъ спокойно, но, услышавъ звукъ голосовъ, улетѣлъ. Мы осторожноѣ обошли мѣсто и скоро замѣтили другой экземпляръ. Онъ вылетѣлъ очевидно съ гнѣзда, которое мы скоро и нашли: оно содержало 4 яйца. Зукъ — птичка съ очень красивымъ опереніемъ, особенно самка. Она носитъ названіе „глупый“ зукъ, потому что легко подпускаетъ къ своему гнѣзду.

Гнѣзда мы не тронули, потому что мнѣ хотѣлось понаблюдать за нравами этихъ птичекъ, вернулись назадъ, поѣли настоящаго супа изъ гуся съ чернымъ хлѣбомъ или „рѣзкой“ и потомъ выпили самоѣдскаго чая. Его легко сдѣлать, смѣшавъ сырыя яйца съ горячей водой. Рекомендовать его я не могу. Онъ не можетъ сравниться съ китайскимъ. Возлѣ рѣчки я нашелъ сегодня очаровательную красную *Primula* и нѣсколько другихъ цвѣтковъ. Самоѣдовъ очень интересовала заботливость, съ какой я укладывалъ эти растенія; они не могли понять, какое я сдѣлаю употребленіе изъ нихъ. Хотя для многихъ птицъ у нихъ есть особыя имена, но всѣ растенія, за исключеніемъ съѣдобныхъ формъ, они называютъ общимъ именемъ „омдо“, т. е. цвѣтокъ.

5 іюля. Ночью поднялся сильный вѣтеръ. Онъ свирѣпствовалъ весь день съ дождемъ и снѣгомъ. Скверный день; гулять невозможно; стоитъ выйти, и вась моментально ослѣпнѣть. Сегодня въ первый разъ я потерялъ вѣру въ свою палатку. Палатка наша была одной изъ тѣхъ, которыя въ продажѣ именуются „непромокаемыми“. Палатки эти превосходны въ сухую и тихую погоду, но при вѣтрѣ края ея сильно раздуваются. Этому горю, по моему, можно было бы помочь, еслибъ снабдить ее рядомъ переносныхъ стропилъ; но какъ уберечься въ такихъ палаткахъ противъ

дождя съ вѣтромъ, право не знаю. Въ тихую погоду дождь довольно хорошо стекаетъ; но при вѣтрѣ онъ проникаетъ внутрь. Итакъ наша палатка скоро стала протекать, и остальную часть дня мы боролись съ водою, стараясь всевозможными способами отвести бѣгущіе ручейки отъ нашихъ вещей. Только устроивъ плотину изъ камней, мы сохранили сухимъ уголокъ, гдѣ бы мы могли спать. Въ свободное отъ борьбы съ водою время мы занимались сниманіемъ шкурокъ съ птицъ и вылуциваніемъ яицъ для коллекціи.

Мы находились въ разстояніи не болѣе 4-хъ саженией отъ чума, и я замѣтилъ тамъ кое-что интересное. Миколка, одинъ изъ самыхъ изобрѣтательныхъ парней, какихъ я когда либо видѣлъ, дѣлалъ кольцо для пальца. Вокругъ палки онъ вырѣзалъ борозду и влилъ въ нее какой-то бѣлый металлъ, который предварительно нагрѣлъ на огнѣ въ выдолбленномъ кускѣ дерева. Что это за металлъ, я не знаю; это не свинецъ, но, очевидно, какой-то сплавъ, плавящійся при низкой температурѣ. На кольцо онъ сдѣлалъ маленькое возвышеніе, въ родѣ печати. Затѣмъ срѣзалъ дерево, снялъ кольцо и додѣлалъ его пожемъ и пескомъ. Онъ работалъ до тѣхъ поръ, пока не получилъ красиваго, тяжелаго металлическаго кольца, аккуратностью отдѣлки ничуть не уступающаго издѣліямъ нашихъ ювелировъ. Самоѣды очень искусны въ такого рода работѣ. Ручки ихъ ножей украшены металломъ такимъ же образомъ. Узоры, выведенные на нихъ, очень затѣйливы и мы ни разу ни видали двухъ одинаковыхъ. Мужчины, женщины, дѣти всѣ одинаково посятъ такіе ножи. Что сказали бы наши матери, если бы ихъ пятилѣтнимъ или шестилѣтнимъ дѣтямъ дать въ полное распоряженіе такіе острые ножи?! Но здѣсь никакихъ несчастныхъ случаевъ отъ этого не происходитъ, насколько мнѣ извѣстно. Умѣнье обращаться съ ножами у самоѣдовъ наслѣдственное. Топоръ они употребляютъ тоже замѣчательно. Маленькая десятилѣтняя дѣвочка, — маленькая Сонька, напримѣръ, — удивительно быстро и ловко рубить дрова для костра.

6 июля. Въ 10 или 11 ч. утра самоѣды встали и мужчины отправились посмотрѣть оленей и справить разныя домашнія работы. Дѣла было всегда достаточно: сдѣлать или починить сани, исправить упряжь, пригнать и осмотрѣть оленей и т. п. Тѣмъ временемъ женщины готовили „орто“ (завтракъ). Онѣ таскали снѣгъ и оттаивали его въ деревянныхъ чашкахъ, разводили огонь, ощипывали гусей и наконецъ, въ полдень звали насъ къ хорошо изготовленному завтраку. Въ 7 ч. пополудни подавался обѣдъ (ялерня-зейндо) а въ полночь „вайосунъ-зейндо“ (ужинъ).

Выйдя послѣ завтрака, я былъ немного изумленъ, найдя, что многіе олени не были распряжены, а оставались у саней. На это Иванъ сказалъ мнѣ, что „чумъ“ сегодня двинется. Это было совершенно противно моимъ планамъ: здѣсь было прекрасное мѣстечко для охоты за всякаго рода птицами; у подошвы нашего холма протекала Песчанка, причудливые изгибы которой мы могли прослѣдить далеко въ тундрѣ; вдали виднѣлось нѣсколько маленькихъ озерковъ; и я не забылъ о гнѣздѣ зуйка. Наши пожитки были еще мокры послѣ вчерашняго купанья и ихъ нужно было высушить. По всѣмъ этимъ причинамъ здѣсь не мѣшало подождать еще одинъ день.

Не скажу, чтобы наши хозяева охотно согласились съ этимъ; напротивъ, это подняло цѣлую бурю возраженій во всемъ семействѣ. Но я съ своей стороны имѣлъ одинъ и неотразимый аргументъ: это—не обращать ни малѣйшаго вниманія на то, что они мнѣ говорили. Конечно, они могли сняться и оставить насъ; но въ первые дни нашего знакомства они боялись поступить такъ, а въ послѣдствіи они такъ привязались къ намъ, что часто оставались съ нами даже противъ нашей воли.

Съ сѣверо-запада дулъ сегодня довольно свѣжій вѣтеръ, который къ тремъ часамъ пополудни высушилъ наши пожитки. Затѣмъ мы выходили изъ палатки и снова посѣтили гнѣздо зуйка. На одномъ маленькомъ озеркѣ мы видѣли трехъ полосатыхъ гагаръ (*Colymbus arcticus*), изъ которыхъ

одну подстрѣлили. Остальныя нырнули въ воду, издавая крики, столь похожіе на собачій лай и визгъ, что я сначала было подумалъ, что это Гиландъ наказывалъ „Матроса“ за какую-нибудь провинность.

Сегодня Иванъ далъ намъ три лисьихъ шкурки: одну чисто-бѣлую, другую—рыжую и третью—голубую. Лисицы эти были убиты имъ зимою. Вечеромъ мы съиграли съ нимъ нѣсколько партій въ шашки. Я замѣтилъ, что поверхность стола, на которомъ мы обѣдали, была раздѣлена поперечными насѣчками на квадратики и имѣла видъ шахматной доски. Сегодня вечеромъ Иванъ объяснилъ мнѣ, что это сдѣлано для игры „хардрангеръ“, которая оказалась ничѣмъ инымъ, какъ шашками съ легкимъ видоизмѣненіемъ. Въ этой игрѣ самоѣды употребляютъ русскіе термины, напр., „дамка“ и потому я заключилъ, что самая игра заимствована ими, вѣроятно, отъ русскихъ. вмѣсто шашекъ они употребляютъ маленькіе камешки, которые хранятъ въ кожаномъ мѣшкѣ. Иванъ выигрывалъ у меня одну партію за другой, хохоча надъ моимъ пораженіемъ. Старая Устинья, со своимъ морщинистымъ лицомъ и добрыми глазами, живо раздѣляла побѣду своего мужа. Гиландъ игралъ лучше меня, но и онъ былъ разбитъ въ пухъ и прахъ.

7 іюля. Сегодня былъ прелестный солнечный день, хотя съ сѣвера продолжалъ дуть рѣзкій вѣтеръ.

Такъ какъ я старался вести свои дѣла съ этимъ народомъ такимъ образомъ, чтобъ они могли полагаться на мое слово, то употребилъ теперь всѣ усилія къ тому, чтобъ все было готово и уложено на сани въ половинѣ второго—часъ, назначенный для отправленія. Но олени разбрелись далеко и вотъ мы простояли безъ палатки и безъ чумовъ до шести часовъ. И затѣмъ мы двинулись. Во время пути отъ времени до времени мы останавливались, чтобы дать оленямъ роздыхъ, и разъ Миколка отъѣхалъ отъ насъ. Онъ подобралъ брошенный на дорогѣ отростокъ оленьяго рога. Онъ довезъ его до одного мѣста на тундрѣ, гдѣ возвышалась круглая низкая башня, цѣликомъ составленная изъ олень-

ихъ роговъ. На нее онъ положилъ поднятый имъ рогъ и вмѣсто него, послѣ тщательнаго выбора, взялъ другой. Самоѣды складываютъ рога въ кучи такимъ образомъ для сохраненія и для обмѣна. Подъ дѣйствіемъ солнца и морскихъ вѣтровъ рога бѣлѣютъ и становятся пригодными для обработки; тогда они употребляются для многихъ цѣлей. По непрерывнымъ слѣдамъ саней я замѣтилъ, что мы въ первый разъ попали на настоящій санный путь. Вечеромъ мы попали на очаровательное мѣстечко, съ котораго открывался обширный видъ на покрытое льдомъ море. Не вдалекѣ отъ насъ было нѣсколько маленькихъ озерковъ. Самое мѣсто представляло покрытую крупнымъ пескомъ и камешками возвышенность не очень высокую, но достаточную для того, чтобъ съ нея можно было обозрѣвать окружающую ее тундру. Это было, очевидно, обычное мѣсто остановки, и мы расположились здѣсь станомъ.

8 *іюля*. Никогда еще не было на Колгуевѣ такого прелестнаго дня, какъ сегодня. Я мысленно перенесся въ горы Калифорніи въ то время, какъ солнце сниметъ съ нихъ снѣжный покровъ, и вѣтеръ спускается съ нихъ по долинамъ такъ нѣжно, что едва колышетъ листья тополей. Я сегодня невольно воображалъ себя тамъ. Еслибъ я могъ нарисовать вамъ, какъ было дѣло, вы увидѣли бы сцену совсѣмъ отличную отъ этой. Долгія описанія утомятъ васъ. Но я попробую все-таки перенести васъ туда, гдѣ мы были. Хотите? На моментъ закройте глаза и отдайтесь мнѣ.

Какъ разъ позади насъ лежалъ оврагъ, наполненный снѣгомъ. По нему подымалась съ рѣки вереница саней, направляясь къ плато, на которомъ мы находились. Къ сѣверу отъ насъ холмы понижались, и тамъ вилась по равнинѣ Песчанка, сверкая на солнцѣ великолѣпной блестящей змѣей. Дикіе гуси подымались вдоль нея со своихъ пастбищъ, а по краямъ ея бродили маленькія голенастыя птицы. Нашъ холмъ фронтомъ обращенъ былъ къ самой тундрѣ. Сначала вся сѣрая отъ лишаевъ она, по мѣрѣ удаленія, все измѣняла и измѣняла свои цвѣта. Цвѣтъ зависѣлъ отъ солнеч-

наго свѣта и тѣней, бросаемыхъ облаками. Здѣсь она была пурпурная и цвѣтъ этотъ становился все глубже и глубже, и вдругъ на этомъ фонѣ появлялось изумрудно-зеленое пятнышко: то солнечный лучъ освѣтилъ покрытую мхомъ или травой лужайку. А тамъ тундра была голубая, какъ отдаленный туманъ. И если вы присядете и понаблюдаете подольше, начинаютъ образовываться озера изъ отдѣльныхъ маленькихъ центровъ и они на вашихъ глазахъ начинаютъ расширяться, расти и, наконецъ, образуютъ цѣпь водъ, разсѣянныхъ въ тундрѣ изъ конца въ конецъ. Хотя вы знаете, что это миражъ, что это просто отдѣльныя пятна снѣга, но все равно; картина та же самая.

А далѣе на западѣ лежитъ ледяной барьеръ, плотный на водѣ и вздымающійся хребтами на меляхъ.

Было воскресенье и быть можетъ по случаю праздника всѣ женщины встали на колѣни въ рядъ возлѣ ручейка и вымыли волосы; затѣмъ расчесали ихъ пальцами и развязали. Волосы у нихъ прямые и черные и достигаютъ почти до пояса. Мы же, по случаю воскресенья, съѣли одну изъ нашихъ четырехъ жестянокъ съ консервами и сварили немного сушеныхъ яблокъ. Я не намекаю на то, что самоѣдская пища не хороша; она хороша. Но если вы попробуете ѣсть гуся-казарку, гуся-гуменника, пестряка и острохвостую утку въ теченіе нѣсколькихъ дней подрядъ, то вамъ это очень скоро надоѣстъ, особенно, если принять во вниманіе, что, хотя гусь-казарка и гусь-гуменникъ носятъ различныя названія и имѣютъ разное опереніе, все-таки, когда сварены, они остаются гусями. Изъ двухъ другихъ птицъ, пестрякъ—превосходенъ, но острохвостая утка—очень невкусна. Мы возненавидѣли острохвостую утку.

Сегодня появился Филиппъ, мужъ Катерины и старшій сынъ Ивана. Оказалось, что онъ былъ на югѣ острова; онъ принесъ радостныя вѣсти: ледъ, по его словамъ, не коснулся южной стороны острова. Я спросилъ его, можетъ-ли какое-нибудь судно подойти съ юга,—онъ не зналъ; но тамъ есть каналъ и лодка можетъ быть и могла бы взойти въ заливъ.

Съ увѣренностью, однако, сказать этого онъ не могъ.

Но мнѣ пришло на мысль, не слѣдуетъ-ли намъ по-двинуться ближе къ этому заливу, или Становому Шарку, на тотъ случай, если зайдетъ туда судно. Дѣло въ томъ, что какъ разъ около этого времени, какъ говорилъ мнѣ архангельскій губернаторъ, должна была идти на Новую Землю канонерка, которая могла меня высадить на Колгуевъ. Но здѣсь было пріятно, и мнѣ не хотѣлось идти. Филиппъ былъ очень добродушный паренъ, смѣявшійся открытымъ, заразительнымъ смѣхомъ. Онъ былъ хорошаго атлетическаго сложенія, если не упоминать о кривыхъ ногахъ, которыя отличаютъ всѣхъ здѣшнихъ жителей.

9 июля. Сегодня, благодаря юго-западному теплему вѣтру, появились среди болотъ москиты. Я ничего не могъ съ ними подѣлать, пока шелъ вдоль ложа небольшого ручья, между спѣжными стѣнами. Здѣсь я срисовалъ очень большой валунъ песчаника. Онъ былъ округлой формы и имѣлъ девять футовъ въ поперечникѣ, но онъ былъ расколотъ на три куска, очевидно отъ дѣйствія мороза, причемъ трещина проходила по линіямъ фармаціи. Затѣмъ я прилегъ у озерка. Еслибъ не москиты здѣсь было бы очень пріятно. Пестрозобые песочники (*Tringa alpina*) прыгали и летали или пѣли, какъ жаворонки съ вершинъ холмовъ. Я долго, но безъ результата, подстерегалъ четыре пары круглоносыхъ плавунчиковъ (*phalaropus hyperboreus*); они отлично плавали, держа прямо голову и подвигаясь въ водѣ красивыми прыжками. Затѣмъ я сталъ слѣдить за краснозобой гагарой (*colymbus septentrionalis*), но она уплыла на противоположную сторону озера и только въ трубу я могъ различить, что она сидитъ тамъ въ камышахъ. Тогда я сдѣлалъ кругъ и тихонько подошелъ къ ней, причемъ она вытянула свою длинную шею и бросилась по тропинкѣ, ведущей отъ ея гнѣзда, взбаламутивъ воду на много футовъ кругомъ.

Тутъ я сталъ размышлять о дальнѣйшемъ нашемъ образѣ дѣйствій. Если лѣса дѣйствительно нѣтъ у р. Васькиной, то не слѣдуетъ ли послать туда парочнаго поджидать Повиса?

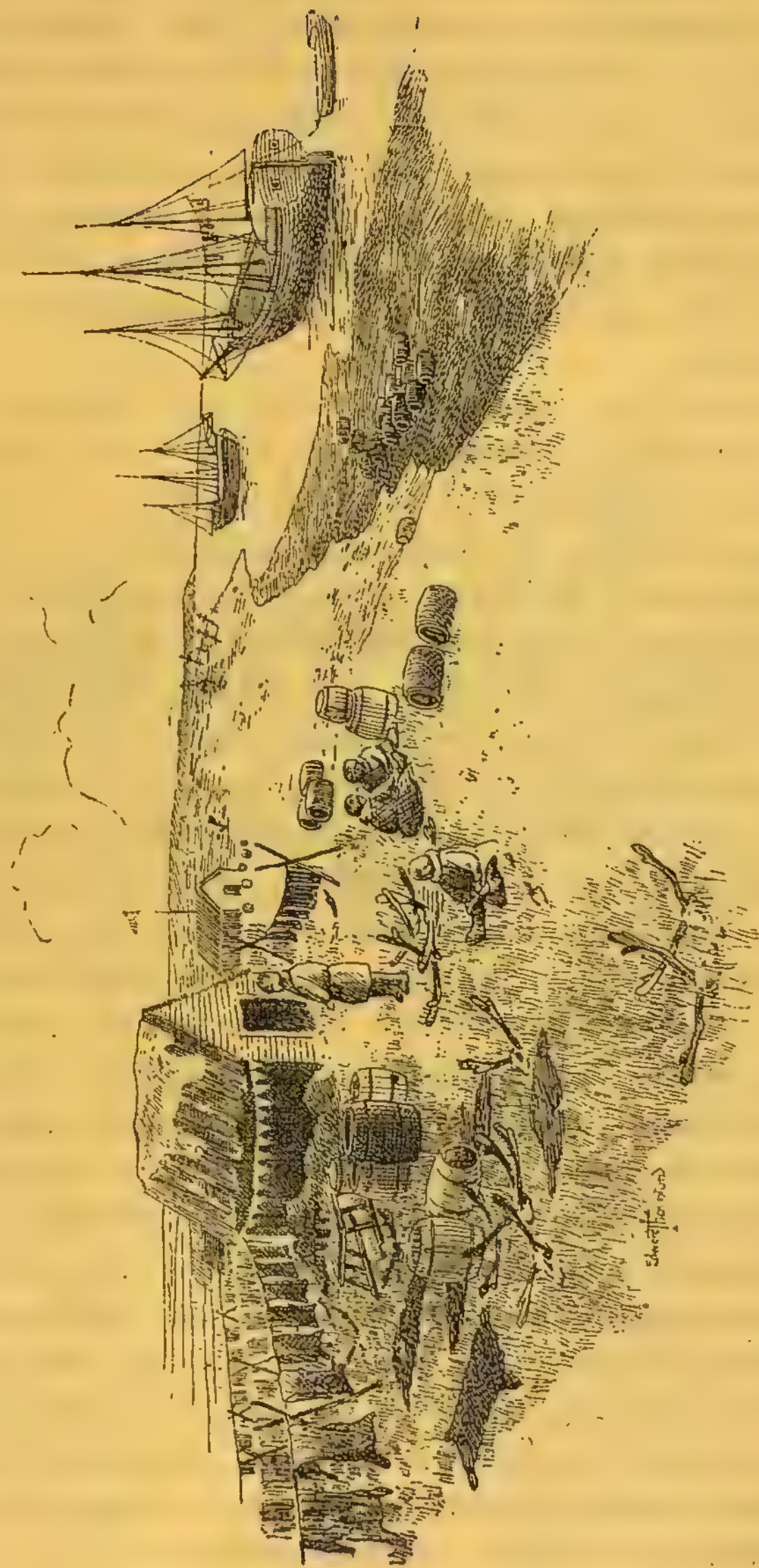
Если Становой Шарокъ открытъ со стороны моря, то мы должны бы сдѣлать измѣренія глубины, чтобы выяснитъ, на сколько условія глубины—противъ прибытія „Саксонца“ или канонерки.

Окончивъ работу съ призматическимъ компасомъ и внеся въ записную книжку свои путевыя замѣтки, что всегда занимало у меня много времени, я сказалъ Ивану, что мы двинемся въ Шарку.

Мы отправились около четырехъ часовъ пополудни. Женщины сказали намъ „прости“. Мы пересѣкли въ послѣдовательномъ порядкѣ р. р. Типьянъ, Барочную и Пейнмуръ и затѣмъ подѣхали къ очень красивому озеру. Иванъ сказалъ намъ, что это Сольной То; русскіе называютъ его Соленнымъ озеромъ. Вскорѣ послѣ семи часовъ мы перѣхали черезъ р. Порожистую, самую большую рѣку послѣ Песчанки, по словамъ Ивана, на этомъ берегу. Еще черезъ полтора часа мы поднялись на небольшую возвышенность и верстахъ въ шести отъ себя увидали кучку маленькихъ избъ, рѣзко выдѣлявшихся на бѣломъ фонѣ льда. На видъ онѣ были не очень привлекательны, но послѣ нѣсколькихъ дней нашей кочевой жизни онѣ произвели на насъ такое впечатлѣніе, будто мы среди Гоби встрѣтили современный отель. Наши возницы попридержали оленей, вытянувъ передъ ними свои длинныя палки и спрыгнули съ саней съ криками: „Шарокъ! Шарокъ!“.

Затѣмъ они стали нюхать табакъ, а олени щипать траву. Почва была густо покрыта лишаями и олени паслись съ полчаса, прежде чѣмъ подняли головы. Но мы не оставили имъ времени для жвачки и тронулись въ путь. Мы поѣхали сначала по снѣгу, окаймляющему илистые заливчики, а потомъ и по самому илу, по которому сани шли очень хорошо. Ноги оленей шлепали, разбрызгивая воючій илъ, оставленный приливомъ. Сверху илъ былъ красный, но подъ этой твердой коркой—жидкій и твердый. Наконецъ мы подѣхали къ избамъ и амбарамъ; всѣ они казались брошенными. Одна изъ нихъ, по словамъ Ивана, при-

Мѣстечко Шарокъ.

надлежала ему. „Нѣтъ ли у васъ какой-нибудь лодки?“—спросилъ я. „Да“,—сказалъ онъ; лодка была, но она нуждалась въ поправкѣ. Она лежала вдалекѣ отъ берега, но мы притащили ее поближе къ морю, потому что она была мнѣ пужна. Затѣмъ я раскинулъ палатку и далъ самоѣдамъ чаю. Въ полночь они взяли свои палки, вскочили на сани и помчались галопомъ. Передъ отъѣздомъ я сказалъ Ивану заѣхать за мной черезъ девять дней, чтобы я могъ отправиться съ ними на ловлю гусей. Пока же мы должны были остаться одни.

Итакъ, самоѣды удалились и мы снова остались одни. Намъ не оставалось ничего другаго, кромѣ какъ побродить по окрестностямъ и осмотрѣть мѣстоположеніе. Мы направились къ хижинамъ, которыя на видъ были такъ же веселы и привлекательны, какъ рядъ могилъ. Всѣхъ строеній было шесть: три амбара, предназначенныхъ для храненія боченковъ съ ворванью, и три избы для жилья. Одна была заперта на замокъ, остальные открыты; первая принадлежала Ивану. Войдя въ избу черезъ дверь, настолько низкую, что проходя ее нужно было согнуться, мы попали въ переднюю, пространствомъ около 10 кв. футовъ, всю загроможденную боченками съ жиромъ. Земляной полъ покрытъ былъ толстымъ слоемъ жидкой ворвани, вытекшей изъ боченковъ. Все вокругъ было испачкано ею. Еще меньшая дверь вела въ жилую комнату. Вдоль стѣнъ этой послѣдней шли деревянные лавки, посрединѣ стоялъ небольшой столъ, въ углу висѣлъ маленькій деревянный крестъ, а изъ крошечнаго окошка открывался видъ на море. Во второй избѣ, передняя служила также для храненія ворвани, а слѣдующая комната представляла собою часовню. Въ ней висѣли образа Богородицы и нѣсколькихъ святыхъ. Передъ ними висѣли лампы безъ масла, позолота на ризахъ потемнѣла отъ времени и тумановъ. На полу лежалъ мѣшечекъ съ ладаномъ, пачка свѣчей, кадилаица и кучка угля—вотъ и все убогое убранство часовни. Грустное зрѣлище.

Снаружи царила еще большая меланхолія. Вокругъ ча-

совни расположено кладбище. Ограды нѣтъ, одни лишь деревянные покосившіеся кресты съ надписями и причудливою рѣзьбою. Нѣкоторыя могилы разрыты лисицами; на крестахъ сидѣли чайки, едва трогавшіяся съ мѣста при нашемъ приближеніи. Всюду тюлений жиръ и ворвань; на каждомъ шагу изъ подъ тонкой травки выглядывали оленьи черепа, рога и кости.

Никогда, никогда человѣкъ, находящійся среди самой дикой пустыни, не чувствуетъ себя одинокимъ, пока его

Часовня у Шарока.

окружаетъ природа съ ея цвѣтами, птичками и ручейками. Но, признаюсь, въ такихъ мѣстахъ, какъ только что описанное, мною овладѣваетъ болѣзненная, злая меланхолія.

Мы пошли дальше и подошли къ берегу. Приливъ только что кончился, и передъ нами лежало обширное пространство, покрытое иломъ, на которомъ кое-гдѣ виднѣлись заливчики, откуда доносились птичьи голоса. Берегъ возвышался не болѣе, какъ на 30 футовъ, и вдоль него шелъ широкой, покатый къ морю поясъ медленно тающего снѣга. По ту сторону пла, такъ далеко на сѣверъ и на югъ, какъ только можно было окинуть глазомъ, виднѣлась бѣлая линия морского льда, осѣвшаго на песчаныхъ меляхъ.

Мы нашли брошенную лодку и покинутую могилу. Могилы была не обыкновенная, она покрыта была деревянным срубомъ. Въ ней, какъ я потомъ узналъ, погребенъ отецъ Ивана. Онъ не былъ уроженцемъ Кòлгуева, а пришелъ сюда съ Тиманской тундры. Я нашелъ на могилѣ гнѣздо подорожника (*Plectrophanax nivalis*). Но тутъ пошелъ сильный дождь и мы поспѣшили вернуться.

IX.

Становой Шарокъ. — Снова одни. — Забытая часовня. — Лагерная жизнь. — Охота и наблюденія. — Приѣздъ самоѣдовъ.

Представляете вы теперь, гдѣ мы находились? Въ Становомъ Шаркѣ, въ единственной гавани Кòлгуева. По словамъ Ивана, р. Васькина уже болѣе не можетъ служить гаванью, такъ какъ въ нее не можетъ войти даже маленькая лодка; правда, есть еще одна рѣка, Пушная, безъ бара (наносъ въ устьѣ), но, какъ было ясно изъ его словъ, воды въ ней все-таки недостаточно для того, чтобы въ нее могъ войти „Саксонецъ“ или другое, сколько нибудь значительной величины, судно. Оставалось, слѣдовательно, сидѣть въ Шаркѣ и ждать, пока разойдется ледъ.

10 июня. Довольно трудно было достать дровъ для разведенія костра. Съ этой стороны острова на берегу совсѣмъ не встрѣчается наноснаго лѣса: онъ весь задерживается внѣшней каймой песчаныхъ мелей. Добраться до нихъ намъ было невозможно, такъ какъ ихъ отдѣляли отъ насъ мили двѣ воды и илу. Къ счастью, мы нашли нѣсколько старыхъ бревенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда стояла изба и нарубили изъ нихъ себѣ своимъ маленькимъ топоромъ немного дровъ, хотя съ немалымъ трудомъ, такъ какъ бревна были тверды, какъ желѣзо.

Гиландъ, состояніе здоровья котораго во все время нашего пребыванія у самоѣдовъ было прекрасно, сегодня по-

чувствовалъ нѣкоторое недомоганіе. Онъ жаловался на головокруженіе и часто долженъ былъ присаживаться. По счастью, у насъ былъ съ собою запасъ медикаментовъ, хотя и небольшой, но оказавшійся для насъ вполне достаточнымъ.

Впослѣдствіи, я составилъ карту Становаго Шарка и его рейда, но пока достаточно будетъ сказать, что въ его окрестностяхъ нигдѣ нѣтъ глубокихъ мѣстъ; лишь невдалекѣ отъ избъ въ берегъ вдается тремя извилинами широкой заливчикъ, продолжающійся затѣмъ, поперекъ низкаго бора, мили на двѣ въ море. Входъ въ этотъ заливчикъ мы могли ясно видѣть отсюда, такъ какъ онъ былъ свободенъ ото льда.

Когда живешь лагерной жизнью, дѣла себѣ всегда находишь больше, чѣмъ можно предполагать. У насъ не было съ собою ни ведра, ни таза для добыванія по самоѣдскому способу питьевой воды посредствомъ растаиванія снѣга. Но на концѣ упомянутаго залива мы нашли мѣсто, гдѣ изъ-подъ снѣга выбѣгалъ крошечный ручеекъ. Пробивъ дыру сквозь ледяную корку, мы зачерпнули изъ него воды и нашли ее очень вкусной. Но мѣсто это находилось далеко отъ нашей палатки. Затѣмъ мы набрали для растопки плотные свертки березовой коры, во множествѣ разсѣянные по линіи пролива.

Меня всегда интересовалъ вопросъ о происхожденіи этихъ свертковъ. Они въ изобиліи встрѣчаются на восточныхъ берегахъ Англіи послѣ сильныхъ сѣверныхъ вѣтровъ, а по словамъ путешественниковъ, также на берегахъ Шпицбергена и Новой Земли. На Кѳлгуевѣ каждый приливъ приноситъ новый запасъ этихъ свертковъ и мы постоянно ими пользовались для растопки.

Затѣмъ, возникъ вопросъ объ устройствѣ помѣщенія для „Матроса“. У насъ не было ни ящика, ни боченка, ничего, что могло бы служить для него конурой. Но старый песъ самъ разрѣшилъ задачу. На первое время мы помѣстили его за песчанымъ холмикомъ съ подвѣтренной стороны, и онъ такъ дѣятельно принялся за работу, что въ

скоромъ времени устроилъ себѣ уютную нору, вполнѣ защищенную отъ вѣтра. Когда вѣтеръ перемѣнился, онъ устроилъ себѣ пору съ другой стороны. И такъ поступалъ онъ все время нашего пребыванія въ Шаркѣ.

„Теперь Гиландъ“,—сказалъ я, когда все было сдѣлано,— „намъ остается помнить двѣ вещи: во-первыхъ, что наше пропитаніе зависитъ исключительно отъ нашихъ ружей и во-вторыхъ, что мы не должны терять даромъ ни одного выстрѣла“.

Затѣмъ, оставивъ его отдохнуть и забыться сномъ отъ болѣзненныхъ ощущеній, я отправился на прогулку вдоль берега, который въ этомъ мѣстѣ очень напоминаетъ окрестности р. Кривой. Это—желтый песчаный берегъ, давно выступившій изъ моря; за нимъ лежитъ болотистая равнина. Почва, однако, менѣе плодородна, чѣмъ около р. Кривой. Ни птицъ, ни цвѣтовъ почти не видно: однообразное болото, покрытое мхомъ и торфомъ, далеко уходитъ внутрь страны, постепенно повидимому подымаясь по направленію къ высокимъ холмамъ или горамъ, виднѣющимся въ отдаленіи.

Вечеръ былъ туманный, дождливый и угрюмый. Вѣтеръ превращался изъ юго-западнаго въ сѣверо-западный и обратно; съ каждой перемѣной вѣтра, ледяныя массы, двигаясь другъ на друга, грохотали, какъ пушки. Ледъ никогда вообще не бывалъ спокоенъ. Съ каждымъ приливомъ онъ перемѣнялъ положеніе и льдины принимали самыя фантастическія формы.

Горько сожалѣлъ я о томъ, что пришелъ сюда,—чего я никогда бы не сдѣлалъ, если-бы не розказни Филиппа объ исчезновеніи льда. Я видѣлъ, что мы попали въ скверное мѣсто. А ледъ? Я влѣзъ на конекъ крыши Ивановой избы въ самое раннее утро, когда воздухъ былъ совершенно чистъ, и, вмѣсто открытаго моря Филиппа, вотъ что я увидѣлъ: На сѣверѣ—гряда льда,—какой ширины, я не могъ сказать,—но слишкомъ широкая для того, чтобъ чрезъ нее могло пробраться судно. Съ восточной стороны ледъ; ледъ по ту сторону входа въ гавань, по ту сторону открытаго

входа, и затѣмъ опять ледъ. Заливъ представлялъ собою одно сплошное ледяное поле; и хотя мѣстами виднѣлись отдѣльныя пространства свободной воды, но только безумецъ могъ пробовать провести чрезъ нихъ судно.

11 июля. При легкомъ восточномъ вѣтрѣ и температурѣ въ $3\frac{1}{2}^{\circ}$ Реом. въ полдень, въ палаткѣ чувствуешь себя тепло. Когда Гиландъ пошелъ за водой сегодня утромъ, онъ встрѣтилъ гуся (*Bernida brenta*), выстрѣлилъ и ранилъ его въ крыло. Старый „Матросъ“ бросился за нимъ въ воду. Былъ сильный приливъ, и старому псу не легко было бороться съ волною. Онъ храбро наступалъ на птицу, но бесполезно: гусь не давался ему. Онъ не нырялъ, правда, и подпускалъ собаку совсѣмъ близко къ себѣ, такъ что та была совсѣмъ увѣрена, что добыча—ея. Не тутъ-то было: гусь вдругъ быстро отплывалъ отъ него, испуская отчаянный крикъ. Наконецъ, я сталъ беспокоиться, какъ бы „Матросъ“ не утонулъ, такъ какъ вода была очень холодна, и позвалъ къ себѣ.

Наша лагерная жизнь въ общемъ очень однообразна. Добрая часть дня можетъ быть вкратцѣ описана такъ: „набирали воду, рубили дрова, т. е. откалывали щепки отъ твердыхъ бревенъ маленькимъ топорикомъ, варили, ѣли, охотились за дичью на ужинъ; собирали цвѣты для гербарія; опорожничали птичьи яйца; писали; ждали „Саксонца“; наблюдали за льдомъ“.

Иногда буруны съ грязнымъ шумомъ набѣгали на льдины, и раздавались какъ бы пушечные выстрѣлы. Я люблю эту ледяную канонаду. Прекрасенъ звукъ ея, смѣшивающійся съ крикомъ нырковъ и гоготаньемъ гусей надъ головою. А когда ходишь одинъ на уединенномъ, пустынномъ островѣ, то смотришь на всѣхъ этихъ птицъ, какъ на друзей. Зато васъ онѣ не считаютъ друзьями; совсѣмъ напротивъ. Съ ихъ точки зрѣнія, вы—что-то совсѣмъ чуждое для нихъ, чуждый фактъ, не связанный съ ними узамъ причинности, какое-то большое, подкованное гвоздями, дышущее выстрѣлами, противоестественное чудовище.

Но вы чувствуете себѣ прекрасно, вы—какъ-бы достигли

своей Баратаріи. Вы лежите на спинѣ во мху, подставивъ лицо на встрѣчу морскому вѣтру и воображаете себя—даже не Санхо-Пансо, а Просперо, напрягшимъ всѣ свои мускулы. Вашъ островъ быть можетъ осажденъ легіонами существъ, на половину викинговъ, на половину чудовищъ; но какъ бы яростна не была осада, пушки никогда не замолкнутъ. Къ вашимъ ногамъ слетаетъ соколъ, готовясь рассказать о битвѣ, которую онъ наблюдалъ съ вышины; блестяще-крылые нырки разносятъ ваши распоряженія, а большеглазые тюлени служатъ вамъ лазутчиками, внезапно появляясь въ совершенно неожиданныхъ мѣстахъ и вновь исчезая, безмолвно и таинственно. Все занимаетъ тѣ мѣста, какія угодно вашему воображенію, вы вырабатываете детали картины—глупая дѣтская игра, если угодно, но на пустынномъ островѣ ничѣмъ больше развлечься.

12 іюля. Мы не въ состояніи больше переносить тюленью ворвань. Она выпачкала траву и все насъ окружающее, подошла къ нашимъ сапогамъ и заползла въ нашу палатку.

Она такъ вездѣсуща, что отъ нея нельзя никуда скрыться, такъ липка, что отъ нея невозможно освободиться. Мы перенесли палатку подальше отъ области распространенія ворвани и поближе къ тому мѣсту, откуда беремъ воду. Во время этой работы маленькій подорожникъ развеселялъ насъ своимъ пѣніемъ. Онъ сидѣлъ на крышѣ одной изъ избъ и чирикалъ свою нѣжную пѣсенку. Ходили по берегу за птицами. Весь день сегодня дулъ сильнѣйшій вѣтеръ, къ полуночи перешедшій въ настоящій штормъ. Былъ туманъ, и небо покрыто такими густыми облаками, что я долженъ былъ зажечь свѣчу, чтобы писать свой дневникъ. Окончивъ его, я выглянулъ изъ палатки: солнце садилось, и надъ бѣлымъ ледянымъ моремъ раскинулась прекраснѣйшая радуга, какую я когда-либо видѣлъ.

13 іюля. Рано утромъ дулъ такой рѣзкій вѣтеръ, что я боялся, какъ бы не снесло нашей палатки; однако, ничего не произошло. Бѣдный Гиландъ горько жаловался что у

него замерзли руки и ноги; поэтому, я оставилъ его немного полежать. Развести огонь на обычномъ мѣстѣ было невозможно; я спустился въ небольшой овражекъ и тамъ съ большимъ трудомъ изжарилъ немного ветчины. Позавтракавъ, я пошелъ на охоту за птицами къ заливу, находящемуся къ сѣверу отъ нашей стоянки.

Въ половинѣ третьяго пополудни Гиланду стало настолько лучше, что мы пошли съ нимъ по берегу для обозрѣнія береговыхъ мелей. Я надѣялся на этотъ разъ достигнуть залива, но путь на столько былъ затруднителенъ, что мы припуждены были повернуть обратно, пройдя едва пять миль. Я застрѣлилъ трехъ острохвостыхъ утокъ, и одну изъ нихъ, раненую въ крыло, поймать „Матросу“ стоило не малыхъ трудовъ. Тутъ я замѣтилъ, что не всѣ собаки одинаковымъ способомъ ловятъ раненыхъ утокъ. У „Матроса“ не было никогда другого намѣренія, какъ плавать вокругъ утки, ожидая ея появленія изъ воды, и когда она выпрыгнетъ, стремглавъ бросаться къ ней. Но при этомъ утка обыкновенно успѣвала снова нырнуть, и „Матросъ“ терпѣлъ неудачу. Самоѣдскія сабаки, приемы которыхъ мнѣ удалось наблюдать на р. Гусиной, дѣйствуютъ съ гораздо большимъ искусствомъ. Самоѣдская собака подплываетъ спокойно и хитро, стараясь обойти утку сзади. Благодаря этому, она уже послѣ третьей или четвертой попытки успѣваетъ схватить утку за хвостъ, въ то время какъ та и не подозреваетъ, что врагъ близко.

Оставивъ Гиланда прилечь и отдохнуть, я направился къ виднѣвшейся вдали песчаной косѣ, желая выяснить назначеніе лежащей на ней груды дерева. Оказалось, что оно служило, повидимому, для двухъ цѣлей. Во-первыхъ, въ качествѣ вѣхи, или береговаго знака, во-вторыхъ, въ качествѣ запаснаго склада дерева для разведенія огня на этомъ негостепріимномъ берегу. Миляхъ въ двухъ отъ нашего лагеря я нашелъ лисій капканъ хитроумнаго устройства, на которомъ въ видѣ приманки былъ положенъ кусокъ тюленьяго жира; но хотя, лисицы во множествѣ бродили въ

окрестностяхъ, я не видѣлъ никакихъ признаковъ того, чтобы хоть одна попалась въ капканъ недавно. Повидимому, капканъ стоитъ здѣсь съ зимы, потому что лѣтнія лисьи шкуры не имѣютъ никакой цѣнности.

Если-бы мы были менѣе опытные, то, благодаря сегодняшнему миражу, могли бы подумать, что за нами пришли друзья изъ Англіи. Дѣло въ томъ, что когда мы возвращались къ палаткѣ, на одномъ изъ холмиковъ появился высокій флажокъ съ развѣвающимся флагомъ на его вершкѣ. Но мы отлично знали, что когда подойдемъ ближе, очертанія флага начнутъ расплываться: такъ и случилось. Оказалось, что флагъ былъ не что иное, какъ мой носовой платокъ, привязанный къ небольшой палкѣ, которую я поставилъ вчера, чтобы отмѣтить мѣстоположеніе одного гнѣзда.

Сегодня вечеромъ, укладывая цвѣты между листьями гербарія, я въ то же время наблюдалъ за движеніями и полетомъ краснозобыхъ гагаръ (*Colymbus septentrionalis*), то и дѣло нырявшихъ въ воду невдалекѣ отъ нашей палатки (былъ приливъ). Онѣ охотились на камбалу. Ловили они ее очень быстро и безъ промаха. Они глотаютъ эту рыбу не сразу, а предварительно растерзываютъ ее на части. Я никогда не видѣлъ, чтобы гагары отнимали пойманную рыбу другъ у дружки, какъ это дѣлаютъ утки; рыбы, очевидно, хватается на всѣхъ, и между охотниками существуетъ взаимное уваженіе.

Я тоже давно ужъ мѣчу на камбалу, но, кажется, безнадежно. Немного досадно было видѣть, что подъ носомъ у насъ птицы клюютъ пищу, которая очень и очень пригодилась бы для насъ. Мнѣ страшно надоѣли эти вѣчныя острохвостыя утки, но разнообразить пищу у насъ не было никакой возможности. Если бы у насъ была съ собою драга или хотя бы удочка, я не сомнѣваюсь, что мы скоро наполнили бы свой котелъ рыбой. Но, къ сожалѣнію, эти приспособленія для рыбной ловли остались на яхтѣ; и хотя я изобрѣлъ способъ ловли камбалы при помощи согнутой бу-

лавки, укрѣпленной на бичевкѣ, но безъ лодки или по крайней мѣрѣ безъ лѣсы нельзя было достигнуть болѣе глубокихъ мѣстъ, гдѣ водится камбала: отъ нихъ между тѣмъ отдѣлялъ насъ вязкій черный иль. Въ случаѣ крайности, я могъ бы, конечно, сдѣлать себѣ ходули изъ наноснаго лѣса, но надобности въ этомъ пока не представлялось. Вмѣсто ходуль можно было бы сдѣлать также индійскія лыжи, — лучшее приспособленіе, какое только можно придумать для такого рода случаевъ.

14 іюля. Ледъ безъ измѣненія.

Сегодня былъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ дней, которые своею чарующею прелестью нарушаютъ однообразіе здѣшнихъ странъ. Весь день дулъ юго-западный вѣтеръ и когда я около 5 ч. утра пошелъ къ заливу, термометръ, не смотря на ранній часъ, показывалъ 12,5° по Реомюру. Днемъ онъ показывалъ ниже, такъ какъ вѣтеръ усилился, а къ 8 ч. вечера температура опустилась до 4°. Въ заливѣ мнѣ не удалось ничего застрѣлить и я вернулся въ 8 ч. съ пустыми руками и сильно проголодавшись. Послѣ полудня я пошелъ внутрь страны и нашелъ рядъ озеръ, которыя читатель можетъ видѣть на картѣ. Здѣсь я убилъ однимъ выстрѣломъ 4 острохвостки, причемъ страшно вымокъ, такъ какъ долго лежалъ въ камышахъ, ожидая, пока онѣ приблизятся на ружейный выстрѣлъ. Оказалось, что ихъ легко подманивать къ себѣ, если слегка помахивать шапкой вокругъ себя, такъ какъ онѣ очень любопытны. Москиты, которые появляются всегда, лишь только жаръ достигнетъ 12°, сильно докучали мнѣ на болотахъ. Кожа на рукахъ, искусанная москитами, къ вечеру съежилась и сморщилась до такой степени, что ее только и можно было сравнить съ печенымъ яблокомъ. Пальцы потеряли всякое чувство осязанія, но чувствительность ихъ къ уколамъ, напротивъ, возрасла. Этотъ курьезный фактъ я могу объяснить только ненормальнымъ состояніемъ нервныхъ окончаній, зависящимъ отъ непосильнаго ихъ раздраженія.

Воскресенье, 15 іюля. Ледъ грохоталъ цѣлый день, какъ

пушки, и сталъ какъ будто отодвигаться отъ берега; вновь возникла у насъ надежда, что „Саксонцу“ удастся подойти здѣсь къ намъ. Солнце жарило весь день, и температура поднялась почти до 16° въ палаткѣ. Весь день вокругъ насъ летали стаи острохвостокъ, пестряковъ (*Somateria spectabilis*), пестрозобыхъ песочниковъ (*Fringa alpina*). Москиты въ первый разъ появились у насъ въ палаткѣ. Сегодня на охотѣ со мной что-то произошло. Я долго лежалъ на землѣ, подстерегая птицъ, и когда послѣ безуспѣшнаго ожиданія поднялся, у меня внутри что-то кольнуло и боль такъ быстро усилилась, что я едва добрался до палатки. Мнѣ кажется, что намъ пужна растительная пища. Вскрыли банку съ мармеладомъ и отвѣдали его немножко. Потомъ Гиландъ отправился къ ближайшему озеру за утками. Онъ былъ счастливѣе меня и принесъ двухъ казарокъ (*Anser albitrons*) съ живымъ птенцомъ. Птенецъ, по словамъ Гиланда, плавалъ превосходно и, если-бы не „Матросъ“, ему бы никогда не удалось его поймать. Это была прелестная маленькая птичка, своей раздутой грудкой, важно выставленной впередъ, напоминавшая стариннаго дворецкаго. Мы такъ и прозвали ее „дворецкимъ“. Нисколько не смущаясь насъ, она тщательно изслѣдовала всѣ уголки нашей палатки и, наконецъ, отправилась спать... подъ мой подбородокъ.

16 июля. Ледъ попрежнему остается въ неизмѣнномъ положеніи. Москиты попрежнему кусаютъ жестоко, хотя день сегодня не жаркій. Охотились на птицъ.

17 июля. Состояніе льда прежнее. Отвратительный день. Термометръ показываетъ 3° Р. при густомъ туманѣ и сѣверномъ вѣтрѣ. Этотъ туманъ, о которомъ такъ часто приходится упоминать, настоящій „шотландскій туманъ“, дождемъ падающій на палатку. Погода измѣнчива. То вдругъ подуетъ южный вѣтеръ, выглянетъ солнце и осушитъ воздухъ; потомъ, такъ же внезапно вѣтеръ измѣняется въ сѣверный, появляется туманъ, становится холодно и сыро.

Въ заливѣ видѣли сегодня тюленя или молодого моржа. Онъ показывался нѣсколько разъ. Но я сегодня не выхо-

диль изъ палатки, у меня гриппъ или что то въ этомъ родѣ. Гиландъ, который еще ни разу не видѣлъ меня больнымъ, обезпокоился. Добрый малый. Онъ принесъ сегодня съ охоты нѣсколько ржанокъ (*Squatarola helvetica*) и сѣверныхъ камнешарокъ (*Strepsilas interpres*) и превосходно ихъ для меня зажарилъ.

Въ половинѣ пятого пополудни неожиданно прибылъ сынъ Ивана, Филиппъ, съ парой саней и двумя упряжками оленей. Онъ сказалъ, что пріѣхалъ взять меня съ собою поохотиться на гусей.

Что за непослѣдовательное существо человѣкъ! Минуту тому назадъ я лежалъ въ палаткѣ въ сильномъ ознобѣ, страдая отъ непріятныхъ судорогъ и чувствуя себя скорѣе мертвымъ, чѣмъ живымъ. Но услыхавъ предложеніе Ивана, я тотчасъ рѣшилъ ѣхать на охоту на гусей, а тамъ—будь, что будетъ. „Я буду самоѣдомъ“,—сказалъ я самъ себѣ. И въ самомъ дѣлѣ, отправляясь теперь съ Филиппомъ, я не взялъ съ собою ничего, кромѣ макинтоша, либиховскаго экстракта и нѣсколькихъ сухарей. Гиланда я оставилъ наблюдать за состояніемъ льда, обѣщавъ, что мое отсутствіе продолжится всего нѣсколько дней. Собственно говоря, мнѣ хотѣлось бы пробыть на охотѣ дольше, но я зналъ, что Гиланду тяжело будетъ долго пробыть совершенно одному.

Итакъ, мы съ Филиппомъ отправились. Намъ нужно было проѣхать тридцать верстъ для того, чтобы достигнуть р. Песчанки, гдѣ, какъ помнятъ читатели, мы оставили чумъ Ивана.

Все шло отлично до тѣхъ поръ, пока мы не достигли р. Барошихи. Здѣсь произошла непріятная задержка, такъ какъ вода въ рѣчкѣ поднялась и она стала глубока. Мы привязали возжи къ санямъ и стали пробовать глубину нашими длинными палками, но напрасно. Однако, медлить было нельзя и мы рѣшили идти по нашему старому броду, гдѣ вода была фута на два выше ordinaria.

Мы повѣсили на плечи свои пожитки, стали на сани и приготовились къ переходу. Это легко сказать, но не такъ-

то легко выполнить. Для самоѣдовъ, съ ихъ легкими башмаками изъ тюленьей шкуры, такой переходъ не представляетъ большого затрудненія, но мнѣ стоять на маленькихъ скользкихъ подвижныхъ саняхъ въ подкованныхъ гвоздями сапогахъ, среди быстрого потока, было очень и очень трудно.

Типъ самоѣда.

Я едва устоялъ на ногахъ, когда сани соскользнули съ берега въ воду и самымъ смѣшнымъ образомъ балансировалъ, когда сани подпрыгивали на неровностяхъ дна. Мѣстами вода доходила намъ почти до колѣнъ, но мы все-таки перешли довольно благополучно. Правда, мои сани слегка при этомъ поломались, но Филиппъ при помощи то-

пора быстро ихъ поправилъ. Съ тѣми же затрудненіями перешли мы р. Пейнмуръ и, наконецъ, достигли южной стороны того плато, на сѣверномъ концѣ котораго протекаетъ р. Песчанка и стоялъ чумъ Ивана. Но едва мы поднялись на плато, какъ я увидѣлъ странную и неожиданную сцену. Тщетно искалъ я глазами Иванова чума. Вмѣсто него увидѣлъ я настоящій цыганскій таборъ: разноцвѣтныя, красныя и синія палатки, расположенныя полукругомъ. Мужчины, женщины, дѣти разсѣяны были повсюду и по обыкновенію суетились, какъ шмели. Лица самоѣдовъ были мнѣ вовсе незнакомы. „Гдѣ-же мой чумъ?“—спросилъ я Филиппа, который по дорогѣ увѣрялъ меня, что для меня приготовлено прекрасное помѣщеніе. „Чума нѣтъ, это—палатка,“—отвѣтилъ онъ и разсмѣялся, замѣтивъ мое изумленіе. Съ этими словами онъ подвезъ меня къ одной палаткѣ и просто сказалъ по-самоѣдски „твоя“. Я приподнялъ пологъ и заглянулъ внутрь. Внутренность была непривлекательна. Была уже полночь и Иванъ со старой Устиньей улеглись спать. Въ ихъ палаткѣ помѣщенія было достаточно для трехъ человѣкъ, если лечь совсѣмъ рядомъ другъ съ другомъ. Посредицѣ, между двумя хозяевами лежала шкура бѣлаго оленя, предназначавшаяся служить мнѣ постелью. „Здорово“,—сказали хозяева, не подымаясь, и указывая на шкуру прибавили: „Вотъ твоя постель“. Мнѣ не хотѣлось обидѣть бѣдныхъ самоѣдовъ, но я все-таки совсѣмъ не расположенъ былъ изучать ихъ жизнь такъ тѣсно, какъ мнѣ теперь представлялся случай. Я засмѣялся и сказалъ, что ночь сегодня теплая и что поэтому я буду спать на открытомъ воздухѣ. Подъ этимъ предлогомъ я удалился. Я увидалъ лежавшую на боку старую лодку и разостлавъ свой резиновый плащъ, легъ подъ нею.

Какъ любезенъ этотъ народъ! Не смотря на начинавшійся дождь, я увидѣлъ, что Катерина и маленькая Сонька суетятся вокругъ костра и варятъ гуся, принесеннаго Филиппомъ. Но я не обратилъ на этого гуся ни малѣйшаго вниманія, не смотря на то, что они готовили его для меня

подъ дождемъ и несмотря на то, что маленькій Ванька трогательно поднесъ мнѣ его на деревянномъ блюдѣ, говоря pillet, т. е. plate — англійское слово, которымъ онъ очень гордился. Но я, по нездоровью, боялся ѣсть гуся, тѣмъ болѣе, что завтра мнѣ предстояла охота. Они были очень разочарованы моимъ отказомъ, но я сказалъ имъ, что я нездоровъ, и, приготовивъ въ горячей водѣ либиховскаго экстракта, выпилъ этого превосходнаго папика, отъ котораго сразу почувствовалъ себя гораздо лучше. Но ихъ настоянію, я спряталъ гуся, чтобы съѣсть его завтра утромъ. Я далъ либиховскаго экстракта и Миколкѣ. Иванъ сказалъ, что Миколка болѣнъ, что онъ кашляетъ. А бѣдный Миколка, не говоря ни слова, такъ пристально смотрѣлъ на либиховскій экстрактъ, считая его вѣроятно чудодѣйственнымъ лѣкарствомъ, что мнѣ не оставалось другого выбора, какъ дать ему немного, за что онъ былъ очень благодаренъ. Упоминаю объ этомъ потому, что не всѣ допускаютъ возможность существованія такого прекраснаго качества, какъ благодарность, у бѣдныхъ полудикарей. Но съ этого момента Миколка самымъ трогательнымъ образомъ привязался ко мнѣ. И доказательство своей благодарности онъ представилъ сразу. Онъ сейчасъ же отыскалъ старый парусъ и прикрылъ имъ лодку, чтобы защитить меня отъ дождя и вѣтра.

Собаки долго не давали мнѣ заснуть. Одна изъ нихъ, привлеченная несомнѣнно запахомъ гуся, просунула даже свой носъ подъ парусъ, прикрывавшій лодку, прямо у меня надъ головой. Долго я старался не обращать на это никакого вниманія, боясь, какъ бы вся стая не напала на меня. Наконецъ терпѣніе мое лопнуло, и когда въ слѣдующій разъ парусина зашевелилась, я потихоньку всталъ на колѣни, сжалъ кулакъ и ударилъ бродягу по носу такъ неожиданно и съ такимъ эффектомъ, что собака съ визгомъ и воемъ бросилась бѣжать. Самоѣды никогда не бьютъ своихъ собакъ, а только бранятъ ихъ; поэтому, не мудрено, что мой непріятель такъ испугался. При этомъ вся стая—

штуку тридцать собакъ—залилась лаемъ; мужчины и женщины выскочили изъ палатокъ посмотрѣть, что случилось и на короткое время весь нашъ лагерь представлялъ настоящую Вагнеровскую симфонію. Но постепенно все затихло. Послѣ того я только разъ еще услышалъ невдалекѣ отрывистое дыханіе собаки; но изъ страннаго запаха, исходившаго изъ-подъ лодки и изъ полученнаго ею внезапнаго удара, она заключила вѣроятно, что тамъ скрывается дьяволъ, и больше меня не тревожила. Тогда я наконецъ заснулъ.

X.

Новые знакомцы.— Охота на гусей.— Добродушіе самоѣдовъ.— Совмѣстная жизнь съ ними.— Восхищеніе самоѣдовъ цвѣтами.

18 іюля. Послѣ вчерашняго ужаснаго сѣвернаго вѣтра, сегодня дулъ пронзительный вѣтеръ съ востока, но было замѣтно теплѣе. Дождь превратился въ мокрый туманъ, и я былъ очень радъ, что спалъ подъ лодкой, такъ какъ снаружи все насевозъ промокло. Когда я проснулся въ половинѣ одиннадцатаго утра, самоѣды всѣ еще спали. Ознобъ у меня прошелъ и въ жизни своей никогда не чувствовалъ я себя такъ превосходно, какъ сегодня. Я съѣлъ своего гуся, а затѣмъ, когда всѣ встали и разведенъ былъ огонь, напился горячей воды.

Теперь представлю вамъ самоѣдовъ: кромѣ семейства Ивана, здѣсь было еще два „чума“ (понимая слово чумъ въ смыслѣ семейства). Главой перваго былъ старый Елисѣй, семидесяти лѣтъ, отецъ острова, какъ онъ себя назвалъ, пробывшій на Кѳлгуевѣ около пятидесяти лѣтъ. Жена Елисѣя, крѣпкая женщина, одѣтая въ красивое платье изъ оленьихъ и собачьихъ шкуръ, заштопанныхъ красными, желтыми и черными лоскутками. У нихъ былъ сынъ Сергѣй, красивый, веселый молодой человѣкъ.

Другой чумъ состоялъ изъ большого числа лицъ. Главной его былъ Маркъ, добрый, но, какъ мнѣ казалось, выжившій изъ ума старикъ. Съ нимъ былъ очаровательный юноша, по имени Каялино, котораго я принялъ сначала за его сына; но вы еще услышите о немъ позже. Двѣ дочери—красивыя дѣвушки съ цѣлой коллекціей бусъ и монетъ въ волосахъ. На видъ онѣ были такого же возраста, какъ старшія дѣвицы нашего чума.

Кромѣ того, тутъ же были Анашка - пророкъ и еще одинъ человѣкъ, имени котораго я не узналъ.

Предоставляю вамъ вообразить себѣ любопытство, возбужденное въ новыхъ моихъ знакомыхъ моимъ появленіемъ. Я былъ первымъ англичаниномъ, о которомъ они когда нибудь слышали или котораго видѣли. Слово „англичанинъ“ не говоритъ имъ ровно ничего. Гиланда они называли „Гиламъ“, а меня звали „Англія“. Я сказалъ имъ, что такъ называется наша страна, а они вообразили, что это мое имя.

Я опять далъ Миколкѣ либиховскаго экстракта, въ благодарность за что онъ законопатилъ щели моей лодки. Друзья мои исполнены были изумленіемъ, что я выбралъ своею спальнею лодку. Но на дѣлѣ она гораздо лучше предохраняла отъ дождя, чѣмъ самоѣдскія палатки.

Въ четыре часа пополудни мы отправились на охоту за гусями. Во время пути было много смѣху и шутокъ, такъ какъ мой компасъ, моя глазомѣрная съемка мѣстности, собираніе цвѣтовъ въ гербарій и постоянные мои вопросы о птицахъ имѣли для нихъ таинственный смыслъ и служили поводомъ къ изумленію и смѣху.

Новые знакомые боялись моей фотографической камеры; они прятались другъ за друга, боясь, вѣроятно, что изъ нея посыплются выстрѣлы. Но всѣ наши старыя друзья смѣялись надъ ними, такъ какъ ихъ недовѣріе къ намъ давно уже прошло. Для нихъ камера была болѣе не дьявольскимъ изобрѣтеніемъ, а просто какою-то глупою игрушкою, которая насъ забавляла, а имъ не причиняла никакого

вреда. Я сказалъ имъ, что въ камерѣ солнце рисуетъ картины; тогда, увидѣвъ камеру въ моихъ рукахъ, они всякій разъ переводили глаза съ меня на солнце и съ солнца на меня, будто ожидая, чего-то. Мнѣ было очень жаль, что я не могъ показать имъ снимковъ; но у меня не было съ собой ни проявителя, ни темной камеры, поэтому имъ пришлось удовольствоваться моими набросками карандашемъ.

Такимъ образомъ, мы достигли берега. Мнѣ хочется попытаться дать вамъ ясное представленіе объ охотѣ или облавѣ на гусей, такъ какъ, насколько мнѣ извѣстно, она никогда раньше не была описана.

Мѣсто дѣйствія: низкая полоса земли, на половину покрытая торфомъ, на половину травой (простирающаяся къ сѣверу на 10 миль до Песчанки и къ югу на 5 миль до Бароковского носа), а невдалекѣ отъ берега островскъ, величиною въ нѣсколько акровъ. Во время отлива къ острову непосредственно прилегаютъ песчаные мели или мелководье. Съ южной своей стороны островъ отдѣленъ отъ мели проливчикомъ съ болѣе глубокою водою. За нимъ опять идетъ песокъ или илъ въ кучахъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга тоже проливами. Наконецъ, на разстояніи миль трехъ отъ островка, идетъ внѣшній край мелей, на которыхъ нагромождены льдины, и, наконецъ, море. День былъ настолько пасмурный, что только по временамъ, когда туманъ слегка разсѣвался, можно было видѣть самыя отдаленныя кучи-ила. Тогда можно было замѣтить, что мели покрыты *cheveux de frise*, которыя были ни что иное, какъ тѣсные ряды гусей.

Семь лодокъ, подъ управленіемъ младшихъ членовъ нашей партіи, были спущены на воду; на нихъ нужно было обойти гусей сзади. Затѣмъ двинулись оленьи упряжки: три на право, четыре на лѣво; оставаясь по возможности на равномъ разстояніи другъ отъ друга, они предназначались для того, чтобы сдѣлать невозможнымъ отступленіе гусей съ фланговъ.

Такимъ образомъ, всѣ постепенно разошлись и на мѣстѣ остались только Иванъ съ женою, Катерина, двѣ или три

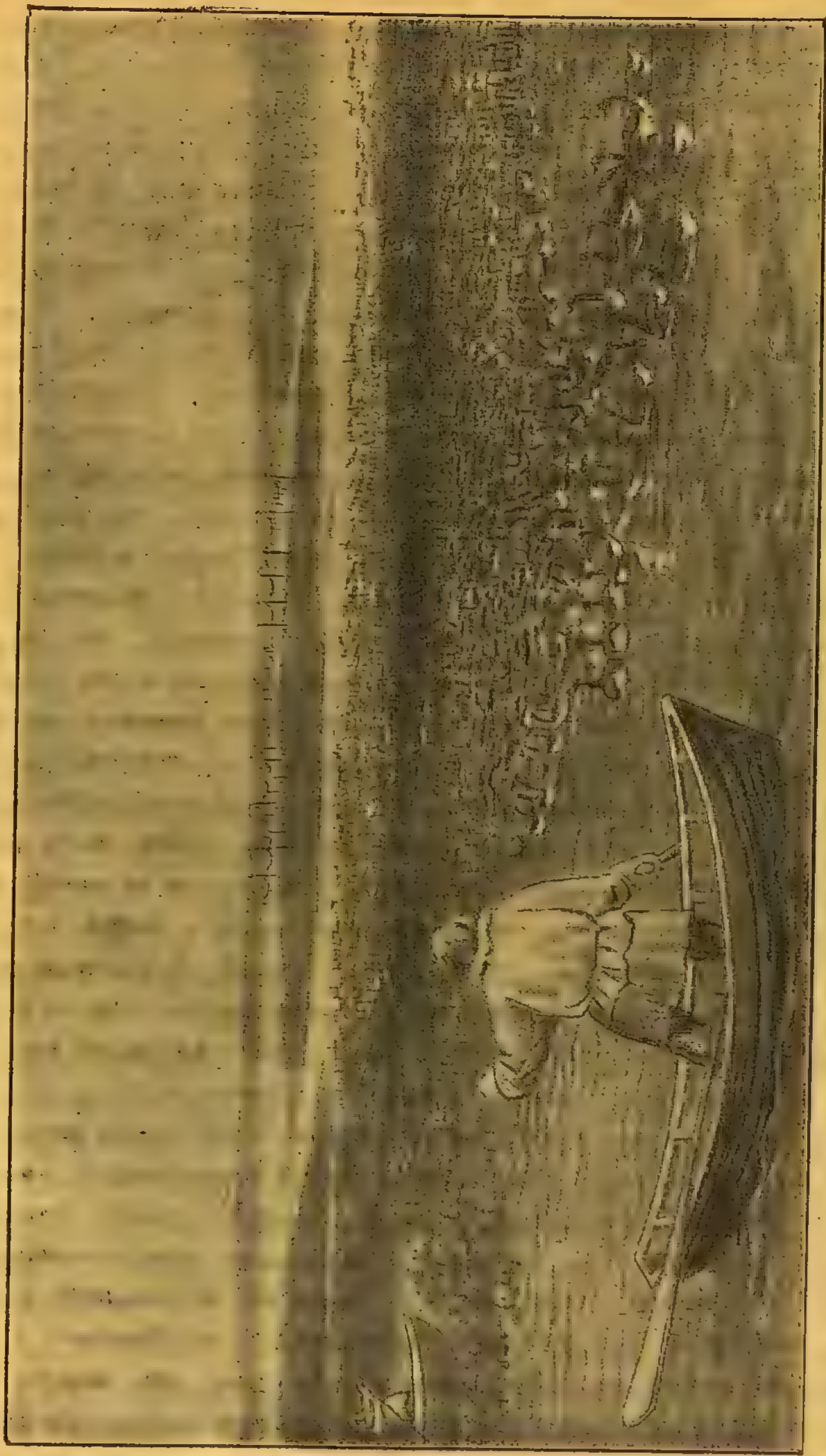
маленькія дѣвочки, маленькій мальчикъ Ванька и я. Катерина няньчила своего ребенка.

Не прошло и получаса, какъ гуси стали сниматься. Сквозь дождь мы могли различить, что они сотнями поднимались съ мелей. Иванъ сидѣлъ подлѣ меня и бормоталъ: „Скверно, большіе гуси; большіе гуси—не хорошо. Маленькіе гуси хорошо. Большіе гуси летаютъ“, и онъ сталъ размахивать руками, какъ бы при полетѣ. Да, сѣрые гуси, очевидно, еще не линяли. Въ рукахъ у Ивана была страшная палка, въ два фута длины, вся устѣянная гвоздями. Иванъ скоро показалъ мнѣ ея назначеніе. На нашемъ островѣ вдругъ откуда ни возьмись появился старый сѣрый гусь, который, вытянувъ голову, изумительно быстро побѣжалъ по травѣ. Вдругъ онъ остановился, и самоѣдъ сталъ подходить къ нему на цыпочкахъ. Я пошелъ за нимъ. Гусь подпустилъ къ себѣ ярдовъ на десять, причемъ все время сидѣлъ наклонивъ голову къ землѣ и вытянувъ шею на сколько возможно,—затѣмъ поднялся и побѣжалъ. Иванъ швырнулъ палку, и птица была убита на повалъ. Птица оказалась самцемъ, у котораго выпали при линяннн длинныя перья крыльевъ.

Здѣсь, быть можетъ, уместно упомянуть, что сѣрые гуси бываютъ двухъ видовъ: одинъ, гумепникъ (*Anser segetum*), особенно многочисленъ на Кѳлгуевѣ, другой—казарка (*Anser albifrons*) встрѣчается на немъ нѣсколько рѣже.

Сзади насъ на островѣ устроена была западня. Нужно описать ее подробно. Въ водѣ, ярдахъ въ 30-ти отъ берега, были воткнуты двѣ палки, вдоль которыхъ была приврѣплена сѣть. Отъ палокъ она шла по направленію къ берегу въ видѣ двухъ стѣнъ, постепенно сходящихся до такой степени, что ярдахъ въ 40 отъ входа стѣны отстояли другъ отъ друга всего на 5 ярдовъ. Въ этомъ мѣстѣ концы сѣти соединялись мѣшкомъ, образуя такъ наз. *cul de sac*. Высота сѣти была четыре фута, величина петель 3 дюйма; въ томъ мѣстѣ, гдѣ образовался *cul de sac*, сѣть была двойная.

Прежде чѣмъ мы увидѣли лодки (такъ какъ туманъ

Охота на гусей.

былъ очень густъ), мы слышали хлопанье крыльями и гоготанье гусей. Немного спустя появилась одна, потомъ другая лодка. Онѣ подходили очень медленно; люди въ нихъ то гребли, переправляясь черезъ заливъ, то выскакивали и волочили лодки по песчанымъ холмамъ или илу, то, наконецъ, на время совсѣмъ оставляли лодки и забѣгали впереди гусей, пытавшихся отплыть въ сторону. Такимъ образомъ медленно, зигзагообразно подвигались они впередъ. Тѣмъ временемъ мы стали уже тысячами различать гусей сквозь туманъ. Это было настоящее столпотвореніе. Представьте себѣ нѣсколько сотъ гусей, гогочущихъ и хлопающихъ крыльями, окруженныхъ кучкою кричащихъ дикарей и вы будете имѣть приблизительное понятіе о томъ, что это такое было. Все это приближалось къ намъ. Теперь я увидѣлъ сѣрыхъ гусей, бѣгущихъ, поднявъ голову и распустивъ крылья. Среди нихъ я различилъ массу птенцовъ. Они подходили все ближе и ближе: посрединѣ плотная масса гусей, съ флапговъ отдѣльныя кучки большей или меньшей величины. Земля и небо казалось состоящими изъ однихъ гусей. Каждый моментъ нѣсколько десятковъ гусей подымались въ воздухъ, но вмѣсто того, чтобъ улетѣть сразу, какъ мы привыкли ожидать этого отъ гусей, они парили въ воздухѣ, кружась и постепенно подымаясь все выше и выше, пока, наконецъ, совсѣмъ не исчезали въ туманѣ. Я никогда не подозрѣвалъ, чтобы столько гусей могло помѣститься на одномъ маленькомъ островѣ. Но вотъ гуси уже возлѣ насъ; они приблизились какъ-то незамѣтно. Ровно въ 9 ч., т. е. пять часовъ спустя послѣ начала охоты,—авангардъ плывущихъ гусей достигъ угла залива. Это была плотная фаланга *Anser brenta*. Они плыли гораздо быстрее сѣрыхъ гусей (*Anser segetum* и *A. albiprons*), маленькая стая которыхъ виднѣлась позади нихъ. Вдругъ, какъ-бы по командѣ, вся эта стая гусей—штукъ 500—поднялась. Я съ Иваномъ лежали въ травѣ въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ берега и изъ-за маленькаго холмика слѣдили за всей сценой. На нѣкоторое время вся масса гусей приостановилась, какъ-бы

боясь выйти на берегъ или подозрѣвая засаду. Лодки наступали на нихъ сзади, а они тѣснились все плотнѣе и плотнѣе. Они положительно не хотѣли идти впередъ. Вожакъ иногда, остановившись, поворачивались головой къ своей арміи. Но лодки наступали. Когда лодки поровнялись съ нами, мы поднялись и Иванъ, не теряя драгоцѣннаго времени, тотчасъ же принялся бить тѣхъ гусей, которые скрывались невдалекѣ отъ насъ. Онъ билъ ихъ концомъ своей палки, и не понималъ моего бездѣйствія. „Скорѣе“, — кричалъ онъ, — „бей ихъ скорѣе, Иванъ старъ, ты — молодъ; гусей много, много“. Но сердце мое не позволяло мнѣ убивать гусей такимъ образомъ. Тогда онъ крикнулъ свою жену, Устинью. И вотъ старая Устинья, обыкновенно такая кроткая и добродушная, пролетѣла мимо насъ какъ злая фурія. Она выла, какъ собака, размахивая палкой, колотила ею по лежащимъ гусямъ и съ торжествующимъ видомъ, съ крикомъ и смѣхомъ хватала ихъ въ свои объятія. Каждую минуту я ждалъ, что вотъ-вотъ гуси прыгнутъ или улетятъ, но скоро стало ясно, что у большинства на крыльяхъ нѣтъ большихъ перьевъ: они не могли летѣть. Въ отчаяніи они только гоготали и безъ толку плавали туда и сюда. Такъ вели себя, впрочемъ, только гуси вида *Anser brenta*. Оба вида сѣрыхъ гусей (*Anser segetum* и *A. albifrons*) ныряли, но очень странно. Они вытягивали шею на уровнѣ воды, и когда лодки приближались къ нимъ, погружали свое тѣло въ воду почти до спины. Въ такія минуты ихъ трудно было разглядѣть: въ водѣ лежалъ точно рядъ палокъ. Когда лодки подходили еще ближе, эти палки устремлялись стрѣлою впередъ. Но вотъ, наконецъ, вся огромная стая гусей очутилась прямо насупротивъ сѣти, а позади нихъ полукругомъ расположились лодки. Гуси плавали туда и сюда, но оставить воды не рѣшались. Лодки не подходили слишкомъ близко изъ боязни, чтобы гуси не накинулись на нихъ. Моментъ былъ критическій — гуси не хотѣли выходить на берегъ. Но вотъ одинъ старый гусь вышелъ и сталъ на мели. За нимъ послѣдовало двое или трое

другихъ, а вслѣдъ за тѣмъ и вся стая, тѣсня и давя другъ друга, ринулась въ сѣти. Они побѣждали по травѣ совсѣмъ какъ домашніе гуси. Иногда нѣсколько штукъ отклонялись вправо или влево, но дѣти махали на нихъ руками и они поворачивали за другими. Когда вышли изъ воды всѣ до одинаго, мы замкнули цѣпь. Вся армія гусей попала въ сѣти, образовавъ одну сплошную, черную,двигающуюся массу. Женщины и дѣти стали снаружи, мужчины вошли внутрь сѣти и началось убиваніе. Позади сѣти поставили родъ загородки и отдѣлили такимъ образомъ первую партію. Гусей убивали очень просто: схватывали за голову и, пере-крутивъ шею, выбрасывали за сѣть. Способъ жестокій, но онъ находитъ свое оправданіе въ необходимости этому бѣдному народу заpastись пищей на зиму. Покончивъ съ пер-вою партіею, загородку отставляли и въ сѣть впускали но-вый отрядъ, который постигала та же печальная участь. Наконецъ, снаружи сѣтей оставалось не болѣе 30 штукъ или около того; мужчины прекратили убиваніе и вокругъ гусей дѣти образовали плотное кольцо, въ то время когда взрослые стояли снаружи. Дѣти кричали, ловили гусей, хва-тали ихъ за голову; это было что-то въ родѣ игры: кто схватилъ больше гусей, тотъ считался побѣдителемъ. Взрос-лые мужчины поощряли своихъ дѣтей крикомъ, а женщины хохотали, схватившись за бока. Бѣдные гуси! они погибли всѣ до одинаго.

Не могу сказать, чтобы все это мнѣ нравилось. Напро-тивъ, я чувствовалъ себя крайне скверно и радъ былъ, когда все кончилось. Затѣмъ, начался счетъ. Мы захватили въ одни только сѣти:

3,300 Anser brenta,
13 Anser segetum,
12 Anser albifrons.

Всего 3,325 гусей.

Счетъ велъ Анашка, отмѣчая сотни зарубками на палкѣ. Затѣмъ вся добыча была подраздѣлена на части, пропорціо-нальные числу членовъ cadaго чума.

19 іюля. Когда все окончилось, было уже такъ поздно (2 ч. утра), что добычу оставили пока на мѣстѣ до завтрашняго дня. Но прежде чѣмъ мы вернулись домой, произошла маленькая церемонія, поразившая меня своею граціозностью. Ко мнѣ подошли гуськомъ пятеро мужчинъ, со старымъ Елисѣемъ во главѣ. Въ обѣихъ рукахъ у каждого было по четыре гуся.

Старый Елисей положилъ четырехъ гусей направо отъ меня, четырехъ налѣво, торжественно говоря по русски слѣдующее: „Даръ Елисѣя Англіи. Немного гусей, но хорошъ, хорошъ“. Я пожалъ ему руку. „Благодарю васъ, Елисѣй, вы очень добры“. Затѣмъ подошелъ слѣдующій: „Даръ Егора Англіи. Мало гусей, но хорошъ, хорошъ“. За нимъ подходили остальные по порядку, говоря тѣ же слова при поднесеніи подарка. Трогательно было видѣть и слышать это. Несомнѣнно, они раньше условились, что сказать—и эта рѣчь была очень длинна для нихъ. Такимъ образомъ я получилъ сорокъ гусей. Меня удивило только, что старый Маркъ не подходилъ ко мнѣ.

Затѣмъ, мы со смѣхомъ и шутками отправились домой. Женщины говорили, что они пріѣдутъ домой раньше насъ, чтобы развести огонь. Съ этими словами они оставили насъ и пустили своихъ оленей галопомъ, за ними и дѣти погнались своихъ четырехъ оленей какъ могли скорѣе. Такъ какъ сани ихъ были гораздо легче другихъ, то на сколько мы могли видѣть, они скоро обогнали женщинъ. Когда они скрылись изъ виду, Миколка, сынъ Ивана, наклонился ко мнѣ и сказалъ: „Поѣдемъ, у Миколки олени очень быстры“. Мы вскочили на сани и поѣхали сначала рысью. Но какъ только мы поднялись на холмъ, Миколка свернулъ въ рѣчную долину, гдѣ широкими полосами лежитъ снѣгъ. Здѣсь мы пустили оленей въ галопъ и, то по снѣгу, то по рѣчнымъ мелямъ, всю дорогу мчались сломя голову. За это время мы были скрыты отъ глазъ остальныхъ, которые ѣхали выше насъ по торфянику. Мы достигли нашего лагеря, среди неистоваго лая собакъ, 9-ю минутами раньше

женщинъ и дѣтей. Достигнувъ вершины холма, они къ своему изумленію увидали вьющійся дымокъ костра. Шутка имъ очень понравилась, и онѣ смѣялись и разговаривали о ней нѣсколько дней подрядъ.

Я сталъ настоящимъ самоѣдомъ: ѣлъ гусей руками, пилъ изъ деревянной чашки ихъ напитокъ, который они называли „йя“. У самоѣдовъ даже было преимущество: за обѣдомъ они пользовались своими ножами, на что я не рѣшался, опасаясь лишиться носа.

Даже самоѣдскія собаки примирились со мной и оставались спокойными, когда я гулялъ по нашему табору. Вѣроятно, я сталъ пахнуть болѣе по-самоѣдски. Мы много смѣялись, прежде чѣмъ улеглись спать. Но здѣсь уместно сказать нѣсколько словъ о ребенкѣ Катерины.

Ребенокъ, при нормальныхъ условіяхъ, жилъ въ помѣщеніи въ родѣ деревяннаго ящика безъ крышки и съ округленными углами. На дно ящика помѣщался спачала слой оленьяго мѣха, потомъ слой сухого мха, потомъ слѣдовалъ ребенокъ, вытянувшій руки по швамъ, потомъ опять слой оленьяго мѣха и, наконецъ, простыня или покрывало изъ цвѣтнаго холста. Все это связывалось затѣмъ вмѣстѣ мѣдными цѣпочками и ремешками, и такимъ образомъ получался сложный организмъ, ядро котораго составлялъ ребенокъ. Находясь, слѣдовательно, въ стадіи куколки, ребенокъ, конечно, не могъ двигаться. Въ тѣ же рѣдкіе промежутки, когда его освобождали, это курьезное маленькое твореніе шоколаднаго цвѣта безъ признаковъ одежды радостно плясало передъ огнемъ. У дѣвушекъ не было большаго наслажденія, какъ нянчиться и играть съ ребенкомъ; любили его и маленькій Вапъка и часто цѣловалъ его по самоѣдскому способу, т. е. прикладывалъ къ нему губы безъ звука.

Домочадцы Елисея и Марка легли спать тотчасъ же, какъ мы вернулись сегодня утромъ, но мы долго еще сидѣли и болтали. Я въ сотый разъ долженъ былъ рассказывать своимъ хозяевамъ о странѣ, въ которой я живу. Она нахо-

дится отсюда дальше, чѣмъ Норвегія. „Да, да“, — сказалъ Иванъ; они знали, гдѣ была Норвегія, такъ какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ принимали у себя и кормили норвежскихъ моряковъ, потерпѣвшихъ крушеніе у береговъ Кѳлгуева.

„Да, да,“ — прибавляетъ Иванъ, — „и норвежды сказали: Иванъ очень хорошъ; очень, очень хорошъ. Русскій не хорошъ. Иванъ хорошъ. Потомъ они сказали, что должно быть въ этой странѣ убиваютъ бѣдныхъ самоѣдовъ ножами.“ „О нѣтъ“, — сказалъ я имъ, — „это неправда. Не хотятъ-ли Филиппъ, Катерина, Устинья и Иванъ отправиться туда со мною; взять миѣ ихъ?“ „Нѣтъ, нѣтъ, Англія останется здѣсь. Англія совсѣмъ останется здѣсь и Гилламанъ останется“. Въ такомъ простомъ разговорѣ проводили мы время. Затѣмъ, я просилъ Ивана спѣть охотничью пѣсню, которую уже раньше слышалъ отъ него нѣсколько разъ. Я попросилъ ихъ объяснить по-русски, на сколько они могли, смыслъ этой пѣсни. Они заговорили тогда всѣ разомъ и при этомъ спорили, какъ перевести по-русски то или другое слово. Но, въ концѣ концовъ, я все-таки добился того, что пѣсня стала для меня понятной.

Самоѣды очень любятъ пѣть пѣсни; стоитъ только сказать имъ „хунцъ“, т. е. спойте, и они готовы пѣть сколько угодно. Затѣмъ, они стали танцовать подъ аккомпаниментъ пѣнія; танецъ у нихъ довольно безтолковый: они вертятся и вертятся, высоко поднимая руки.

Они не умѣютъ свистѣть и въ этомъ искусствѣ очень миѣ завидовали. Дѣвушки стали учиться свистѣть сами по себѣ, и Анька, наконецъ, стала неспособной свистуньей; когда она гнала своихъ оленей, она свистѣла непрерывно.

Они спрашивали меня, живемъ-ли мы въ нашей страпѣ въ чумахъ или въ домахъ. И, когда я сказалъ имъ, что у насъ нѣтъ чумовъ, а все — дома, они рѣшили, что это неудобно, такъ какъ помнили наши рассказы о томъ, какъ мы почивали подъ открытымъ небомъ во время нашего путешествія пѣшкомъ отъ р. Гусиной. И они сказали, что если въ нашей страпѣ нѣтъ подвижныхъ домовъ, то стоитъ намъ почему-

либо не попасть къ себѣ въ домъ ночью, и тогда намъ придется спать прямо на землѣ, что не хорошо.

Мы пошли спать только въ половинѣ пятаго утра. Былъ мокрый туманъ, но мое помѣщеніе подъ лодкой было совершенно сухо, такъ какъ покрывающій его парусъ вбиралъ всю сырость въ себя. Нашъ таборъ проснулся около 11 часовъ. Я вышелъ немного раньше и побродилъ немножко.

Типъ самоѣдки.

Во время этой прогулки я замѣтилъ возлѣ палатки Елисѣя трехъ голубыхъ лисицъ, которыя меня очень заинтересовали.

Былъ сильный жаркій день, какой мы когда-либо испытывали раньше. Даже собаки страдали отъ жары. Они пыхтѣли, порывисто дышали и, лежа въ растяжку, отказывались тронуться съ мѣста. Бѣдной старой Паско, видно, очень докучали ея шестеро щенковъ. Паско очень красивая собака, съ длинною бурою шерстью и пушистымъ хвостомъ; щенки

у нея были всѣхъ цвѣтовъ. Они были такъ жирны, что отъ жары не могли двигаться и катались по землѣ, какъ шары. Пока мы ходили на охоту на гусей, Паско со щенками помѣщалась въ маленькомъ чумѣ около 4 фут. высоты; сегодняшнюю же ночь этотъ же чумъ служилъ убѣжищемъ еще и для двухъ дѣвочекъ. Какъ они всѣ тамъ помѣстились, осталось для меня вѣчной загадкой. Паско страстно любила своихъ щенковъ, несмотря на то, что они были отвратительны. Когда я проходилъ мимо слишкомъ близко къ ней, она быстро подбѣгала ко мнѣ съ такимъ видомъ, что вотъ-вотъ укуситъ. Но, тѣмъ не менѣе, никогда еще не укусила, хотя раза два, повидимому, была близка къ этому.

Сегодня было маленькое сраженіе, которое очень меня

онечалило. Я положилъ свою шапку вмѣстѣ съ нѣсколькими другими вещами на верхъ лодки, чтобъ они высохли на солнцѣ. Подойдя потомъ черезъ нѣкоторое время къ лодкѣ, я увидѣлъ, что шапка исчезла; невдалекѣ важной поступью, хохоча, ходилъ Иванъ съ моей шапкой на головѣ. Старый болванъ сталъ потомъ приплясывать, говоря: „Иванъ—Англія сегодня“. Но вдругъ онъ прекратилъ это. Никогда равьше онъ не видалъ меня сердитымъ, и теперь вѣроятно испугался, хотя я сказалъ только спокойно: „Сними ее“. Онъ повиновался, какъ ягненокъ, и положилъ шапку на землю, на то мѣсто, куда я указывалъ пальцемъ. Бѣдный старикъ! онъ смотрѣлъ на меня такимъ умоляющимъ взглядомъ, какъ провинившаяся собака. „Иванъ хорошъ, очень хорошъ“,—сказалъ онъ. Но я чувствовалъ, что необходимо дать ему урокъ разъ навсегда. И я сказалъ: „Принеси воды“. Онъ принесъ въ чашкѣ воды и я заставилъ вылить ее въ шапку. Потомъ пополоскалъ ее немножко, вылилъ воду и сказалъ: „Теперь положи ее опять на лодку“. Онъ сдѣлалъ все такъ униженно и послушно, что мнѣ хотѣлось похлопать его по плечу и сказать: „успокойся, старина, бѣда—не большая“. Но урокъ былъ необходимъ на тотъ случай, если бы намъ когда нибудь снова пришлось оставить свои вещи безъ присмотра. Послѣ этого Иванъ заползъ въ свой чумъ.

Я сожалѣлъ обо всемъ этомъ происшествіи, такъ какъ инстинктивно понималъ, что потерялъ почву. Разъ только они станутъ меня бояться, они замкнутся въ самихъ себѣ и покажутъ свою прежнюю недовѣрчивость, и тогда—прощай изученіе самоѣдскаго быта. Плоды происшествія обнаружились уже за завтракомъ. Вмѣсто маленькаго Ваньки, прибѣгавшаго ко мнѣ съ веселымъ крикомъ „орто (завтракъ) Англія“, въ опредѣленный часъ появился самъ Иванъ, торжественно поднося мнѣ деревянную чашку съ гусемъ и хлѣбъ съ солью. Предложилъ онъ мнѣ это съ такимъ видомъ, будто онъ умиловлялъ злаго духа...

Мы всѣ изнемогаемъ отъ жары. Мужчины и женщины въ первый разъ сняли съ себя шкуры и очутились въ красныхъ

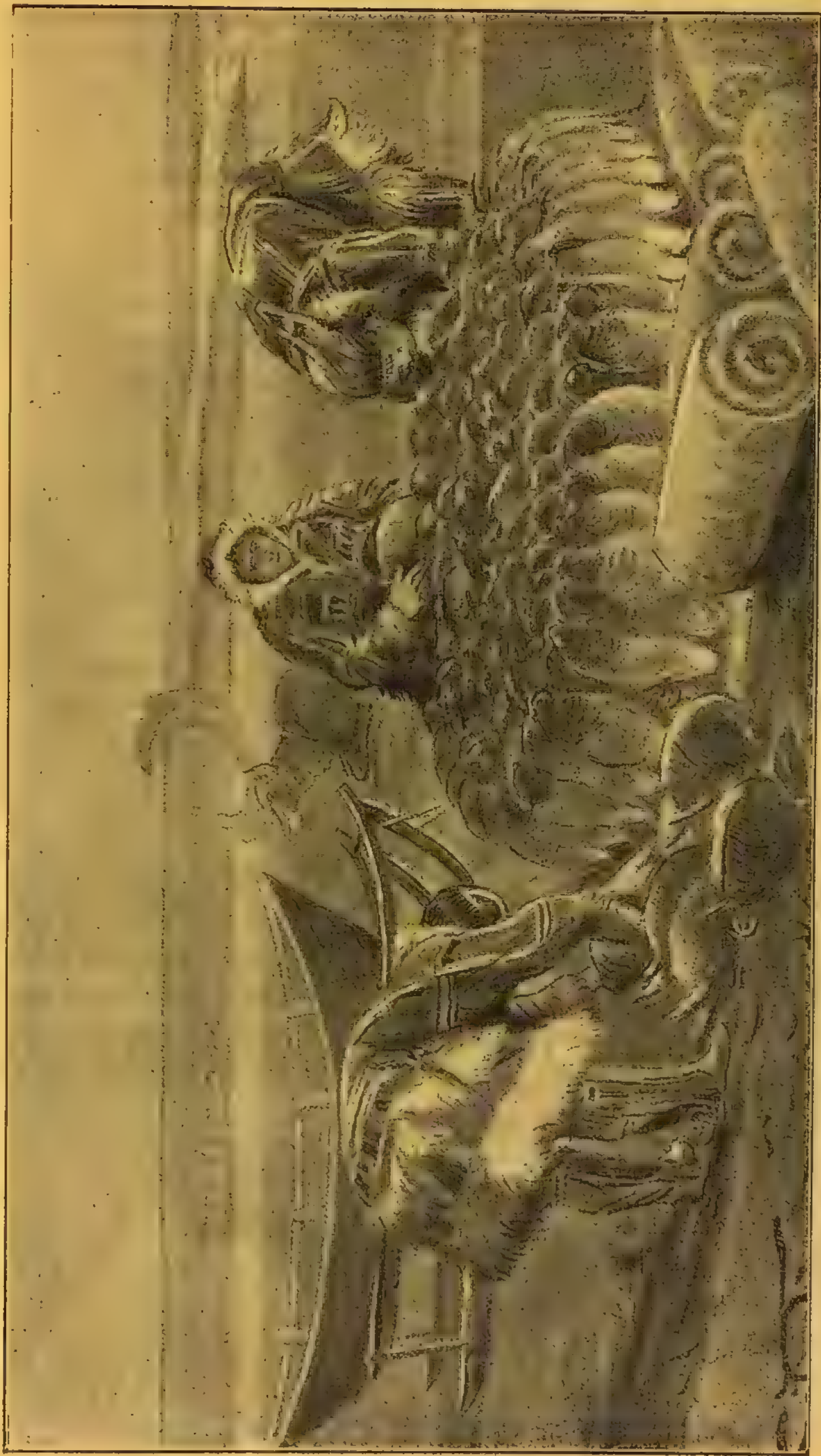
рубахахъ,—съ косымъ воротомъ, по русскому обычаю,—под-
поясанныхъ поясомъ, на которомъ висѣлъ ножъ. Поверхъ
рубахи у молодого Елисея былъ надѣтъ жилетъ.

Сегодня мы вступили въ новую фазу оленьей жизни. Въ
первый разъ появился оводъ (*Hypoderma tarandi*). Онъ кла-
детъ яйца на спинѣ оленей въ такихъ мѣстахъ, которыя
они не могутъ достать, и тамъ эти яйца развиваются въ
личинки, которыя, глубоко вѣдряясь въ тѣло животного,
причиняютъ ему страшныя страданія. Поэтому, оленей часто
ловятъ и осматриваютъ; для ловли употребляется „диз-га“.
Это—ремесный арканъ, петля котораго забрасывается на
рога животного. Самоѣды, сидя на адліурсѣ, загоняютъ оле-
ней при помощи собакъ и раздѣляютъ все стадо на двѣ
части. Самки со своими телятами безпрестанно перебѣгаютъ
съ одной стороны на другую; въ это время загонщики под-
ползаютъ къ нимъ и, увидя удобный моментъ, бросаютъ
„дуз-гу“. Телята и молодые олени оказываютъ обыкновенно
сильное сопротивленіе и ихъ приходится крѣпко держать,
но старые олени, которыхъ уже не разъ ловили арканомъ,
идутъ въ руки почти или даже вовсе безъ сопротивленія.
Бѣдные олени, укушенные оводомъ, носились по пастбищу
съ фырканьемъ и ревомъ. Москиты кусаются сегодня жестоко,
и тучами появились комары.

Въ половинѣ двѣнадцатаго мы отправились къ мѣсту
вчерашняго пастбища, на островѣ пагрузили гусей въ сани
и, перевезя на берегъ, стали ихъ складывать. Въ торфѣ
топоромъ были обведены большіе круги и затѣмъ торфъ
изъ нихъ былъ выпутъ руками. Затѣмъ дѣвушки начали
ставить въ этихъ кругахъ гусей на хвосты съ головой, за-
сунутой между крыльями, плотно приставляя ихъ другъ къ
другу; когда такимъ образомъ весь кругъ въ 3—4 ярда въ
поперечникѣ былъ заполненъ, они покрывали все двойнымъ
слоемъ торфа,—и укладка на томъ заканчивалась.

На возвратномъ пути по болоту, я проѣхалъ мимо бѣ-
лаго лютика съ сильнымъ запахомъ. Видъ *пахучаго* лютика
настолько поразилъ меня, что я остановилъ сани и сталъ

Самофды за укладкой битыхъ гусей.

собирать эти цвѣты. Нѣсколько штукъ я заложилъ себѣ въ петлицу и тамъ они издавали запахъ почти такой же сильный, какъ фіалка. Самоѣдовъ очень забавляло мое восхищеніе этимъ цвѣткомъ. Но я никогда раньше не слыхалъ о пахучемъ лютикѣ и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ такъ понравился мнѣ. Это, за исключеніемъ валеріаны, единственный цвѣтокъ съ хорошо опредѣленнымъ запахомъ на Колгуевѣ. Какъ я узналъ потомъ, это *Ranunculus Pallasii*. Удивительно, однако, что ни одно изъ прежнихъ описаній не упоминаетъ о томъ, что этотъ лютикъ пахучій.

Приблизительно за часъ до нашего отправленія домой, ко мнѣ подошелъ старый Маркъ съ 5-ю гусями. Я сидѣлъ на саняхъ, срисовывая сценку, и нечаянно взглянувъ искоса, увидалъ, что онъ подходитъ ко мнѣ съ полу-важнымъ, полу-уничиженнымъ видомъ. Глаза всего его „чума“ слѣдили за нимъ. Пока онъ шелъ, губы его шевелились, какъ бы повторяя заученную имъ русскую рѣчь, которая, когда онъ подошелъ, гласила: „Вчера не Маркъ. Вчера Маркъ дурной. Сегодня Маркъ хорошій. Англія пять маленькихъ гусей. Маленькіе черные гуси очень хороши. Да, да“. Облегченіе его, когда онъ сказалъ все это, было такъ велико, что не успѣлъ я поблагодарить его, какъ онъ ужъ повернулъ назадъ и вскочилъ въ свои сани. „Теперь все готово“, — крикнулъ онъ и отправился. Но дѣвушки стали кричать ему: „стой“. Еще далеко не все было готово, такъ какъ гуси еще не были покрыты торфомъ. Онъ вернулся, очень сконфуженный, среди общаго смѣха и шутокъ. Я всегда считалъ бѣднаго старика Марка немного тронутымъ.

XI.

Москиты.—Путешествіе въ лодкахъ.—Бѣдныя женщины.—Лѣтнія палатки.—Снова въ Шаркѣ.—Жизнь Робинзоновъ.—Въ ожиданіи «Саксонца» для русскихъ.

20 іюля. Послѣ нашего возвращенія я усовершенствовалъ свое помѣщеніе подъ лодкой, заткнувъ щели мхомъ, благодаря чему какъ вѣтеръ, такъ и собаки не имѣютъ къ нему иного доступа, кромѣ какъ черезъ входъ.

Жара сегодня очень значительна, а москиты и оводы очень докучливы. Я вернулъ къ себѣ довѣріе, утраченное было вчера вслѣдствіе инцидента съ шапкой. Я увѣренъ, что заслужилъ его, такъ какъ работалъ какъ волъ, принимая дѣятельное участіе въ ловлѣ оленей и другихъ работахъ.

Олени, когда на нихъ нападаетъ оводъ, ведутъ себя совершенно иначе, чѣмъ нашъ рогатый скотъ въ подобномъ случаѣ. Въ другое время они, какъ я рассказывалъ, когда пасутся, разсыпаются по всему пастбищу; теперь же они сбились въ одну кучу въ томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ обыкновенно запрягаютъ въ сани. Единственнымъ объясненіемъ этого можетъ служить только то обстоятельство, что мочева кислота, пропитывающая почву въ этомъ мѣстѣ, непріятна для овода. Здѣсь они стоятъ, наклонивъ головы, перебирая ногами и щелкая копытами. Они стоятъ не безпорядочной кучей, а правильными рядами, оставляя между каждымъ двумя рядами свободные промежутки, по которымъ отъ времени до времени бѣгаетъ тотъ, или другой олень, не могущій отъ боли стоять больше на мѣстѣ. Я самъ готовъ сойти съ ума отъ укусовъ москитовъ. Непріятнымъ послѣдствіемъ близости стада является то, что на нашъ таборъ массами летитъ шерсть съ оленей, которые теперь линяютъ.

Вечеромъ мы тронулись въ путь, намѣреваясь перейти р. Песчанку и тамъ тоже поохотиться за гусями. Филиппъ

отправился еще утромъ, чтобы посѣтить свой чумъ и сдѣлать нѣкоторыя необходимыя приготовленія. Достигнувъ, черезъ нѣсколько часовъ, одного холма, находящагося миляхъ въ трехъ отъ рѣки, мы остановились, чтобы подождать его. Здѣсь я въ первый разъ нашелъ нѣсколько кустиковъ полярной малины (*Rubus arcticus*). Здѣсь же было мѣсто дѣйствія одной изъ тѣхъ простенькихъ сценъ, которые иллюстрируютъ счастливый, добродушный характеръ этого народа, похожаго на дѣтей.

Дѣвушкамъ хотѣлось скорѣе перейти рѣчку и потомъ раскинуть палатку. „Не хорошо“, — сказалъ Ивапъ, — „Песчанка глубока. Высокій приливъ“. — „Нѣтъ, — отвѣчала молодая Устинья... Не правда-ли, Елисѣй?“ -- „Не хорошо; очень глубоко; да, да“, — говоритъ Елисѣй.

Старый Елисѣй былъ такъ старъ, что къ нему обыкновенно всѣ апеллировали. Но съ дѣвучками не такъ-то легко было совладать, разъ опѣ что-нибудь забрали къ себѣ въ голову, хотя всѣ мужчины единогласно были противъ нихъ.

— Вы, мужчины, трусы. Мы пойдемъ однѣ. А ты, мама, пойдешь съ нами?

— Да, да, какъ-же, отвѣчала старая Устинья.

— А ты, Тинья, отправишься? — обратилась она къ жепѣ Елисѣя.

Послѣдней, очевидно, не очень улыбалась перспектива глубокой воды, но она не могла не согласиться въ виду желанія остальныхъ женщинъ и потому мрачно отвѣтила: „да, да“.

— Вотъ и отлично, — засмѣялась Устинья, которая была коповодомъ. Ну-ка, дѣвочки! — и черезъ секунду онѣ вскочили на сани и отправились, среди общаго смѣха мужчинъ, кричавшихъ: „глубоко, глубоко“.

Этотъ маленькій инцидентъ достоинъ упоминанія потому, что онъ показываетъ полную свободу самоѣдскихъ женщинъ и абсолютное равенство ихъ съ мужчинами.

Мы поджидали Филиппа, быть можетъ, съ часъ; когда

мы затѣмъ отправились, то, проѣхавъ немного, самоѣды вдругъ разразились хохотомъ и криками; они увидали женщинъ, столпившихся у холмика, подъ подошвой котораго протекала р. Песчанка. Понятно, перейти рѣчку имъ не удалось. Только бѣдная предводительница, молодая Устинья, которая на самомъ дѣлѣ попробовала, очевидно, перейти, сидѣла теперь у разложеннаго костра, обсушивая свое насквозь промокшее платье. На женщинъ посыпались теперь шутки, которыя онѣ принимали съ самымъ добродушнымъ видомъ.

Я срисовалъ маленькую голубую лисицу, о которой упоминалъ выше; она очень забавно вела себя по отношенію къ собакамъ. Тѣ отлично понимали, что не должны ее трогать. Но старый Ніаррвей часто подходилъ къ ней и гордо становился надъ нею, медленно помахивая хвостомъ и разглядывая ее, точно щенка. Тогда маленькая лисичка ложилась на спину и униженно мяукала.

21 іюля. Я еще не описывалъ подробно самоѣдскихъ лѣтнихъ палатокъ. Онѣ представляютъ собою ни что иное, какъ большой кусокъ цвѣтной бумажной матеріи, получаемой самоѣдами отъ русскихъ въ обмѣнъ на мѣха и натянутый на рамѣ изъ толстыхъ палокъ. Жалкій павѣсъ, который отнюдь не можетъ быть названъ непромокаемымъ! А такъ какъ дождь шелъ каждую ночь, то на утро бѣдные друзья мои вылѣзали въ самомъ плачевномъ видѣ. Что касается меня лично, то мое помѣщеніе подъ лодкой было сравнительно комфортабельно, такъ что ночью я всего нѣсколько разъ просыпался и прогуливался, слушая крики лисицъ и собирая цвѣты и мохъ. Наконецъ, когда дождь полилъ ливнемъ, около половины 9-го утра, я свернулся калачикомъ и уснулъ. Около полудня дождь немного уменьшился, но съ сѣверо-востока продолжалъ дуть сильный вѣтеръ. Нѣсколько самоѣдовъ ходили немножко кругомъ съ довольно печальнымъ видомъ. Безполезно было теперь, по словамъ Ивана, идти на ловлю гусей, такъ какъ при сѣверо-восточномъ вѣтрѣ лодки не могутъ принести пользы для охоты;

поэтому придется отложить охоту на нѣсколько дней. Я по опыту зналъ, что Иванъ былъ правъ.

Хотя меня очень подмывало остаться и принять участіе во второй охотѣ за гусями, но два соображенія заставили меня отказаться отъ этого. Во-первыхъ, я не былъ вполне спокоенъ за Гиланда; я боялся, какъ бы съ нимъ не случилось одного изъ приступовъ болѣзни, и кромѣ того, я зналъ, что у него нѣтъ хлѣба; во-вторыхъ, я не чувствовалъ себя въ правѣ развлекаться, не сдѣлавъ съ своей стороны всего возможнаго для того, чтобъ облегчить „Саксонцу“ доступъ къ берегу въ случаѣ, еслибъ онъ подошелъ къ Колгуеву. Поэтому, я съ сожалѣніемъ рѣшилъ сегодня отправиться въ обратный путь къ Становому Шарку.

Передъ моимъ отправленіемъ старая Устинья дала мнѣ три маленькихъ хлѣбца и немного муки. Въ шесть часовъ я отправился въ сопровожденіи Ивана. По дорогѣ онъ очень удивилъ меня, попросивъ меня разъ посмотрѣть въ подзорную трубу на бѣлый предметъ, видѣвшійся въ отдаленіи и сказать ему, не олень-ли это. Я отлично видѣлъ, что это — снѣжная сова, такъ какъ давно уже наблюдалъ за нею. Труба обнаружила, что это дѣйствительно сова. Но меня поразило, что опытные глаза туземца были обмануты миражемъ.

Перейдя р. Барочную, которая по прежнему была глубока, мы остановились покормить оленей. Это заняло всего минутъ десять; олени щипали лишай, не трогаясь съ того мѣста, на которомъ мы остановились. Въ это время года, когда олени мѣняють шерсть и рога, они пьютъ поразительно много. Всю дорогу то одинъ, то другой изъ нихъ пытался или напиться изъ попадавшихся часто лужицъ или захватить немного снѣгу.

Шарка мы достигли около полуночи. Гиландъ только что кончилъ ужинать. Онъ былъ совершенно здоровъ. „Ахъ, сэръ“, — сказалъ онъ, — „я очень радъ васъ видѣть. Я чувствовалъ себя совсѣмъ покинутымъ, особенно потому, что крики гагаръ не умолкали ни на минуту“. — „Да, конечно,

это—самыя меланхолическія птицы во всемъ мірѣ“,—отвѣчалъ я. Краснозобая гагара, слѣдуетъ замѣтить читателю, обладаетъ крикомъ, очень похожимъ на женскій плачъ. За время моего отсутствія, Гиландъ раздобылъ для коллекціи въ добавленіе къ обыкновенной чайкѣ (*Larus affinis*), чайкѣ морской (*Larus glaucus*) и снѣжной совѣ (*Nyctea scandiaca*), еще великолѣпный экземпляръ морского зуйка (*Caligris arctica*) въ лѣтнемъ опереніи.

Я привезъ съ собою четырехъ гусей; сваривъ ихъ, я съ Иваномъ отлично поужиналъ. Въ 2 ч. ночи онъ вскочилъ на свои сани и галономъ погналъ оленей домой. Гиландъ сообщилъ мнѣ печальную новость: нашъ милый птенецъ („дворецкій“, какъ мы его прозвали) замерзъ вчера ночью.

Воскресенье 22 іюля. Вскорѣ послѣ того, какъ Иванъ оставилъ насъ вчера ночью или вѣрнѣе сегодня утромъ, поднялся съ сѣверо-востока яростный вѣтеръ и нагналъ густой и холодный туманъ. Мнѣ не хотѣлось спать и, отославъ Гиланда въ постель, я часа два прогуливался по берегу. Ледъ отодвинулся довольно далеко въ море, и между нимъ и песчаными мелями паходила широкая полоса открытой воды. Прогулка была не изъ веселыхъ, и потому въ 5 час. я вернулся назадъ и легъ спать. Въ 6 ч. я проснулся и, позавтракавъ, въ 8 ч. снова заснулъ и проспалъ до 11 ч., такъ какъ день былъ такой отвратительный, что лучшее, что можно было сдѣлать, это—спать. Затѣмъ мы снимали шкурки съ птицъ, писали дневникъ, а въ 6 час. обѣдали, причемъ, по случаю воскресенья, прикончили нашъ запасъ сушеныхъ овощей; эту роскошь мы позволяли себѣ разъ въ недѣлю. Вечеромъ я совершилъ продолжительную прогулку вокругъ озеръ и вернулся среди густого тумана. Во время прогулки, я долгое время лежалъ на берегу озера, любуясь краснозобыми гагарами. Мы были озабочены тѣмъ, что снѣгъ, изъ подъ котораго мы добывали воду для питья, быстро исчезаетъ.

23 іюля. Второй ужасный день. Собственно говоря, не очень холодно, такъ какъ термометръ поднялся на солнцѣ

въ полдень до 5⁰ Р. Но сѣверо-восточный штормъ и про-
пизывающій дождь крайне непріятны. Ходить не возможно:
полуослѣпленный, тщетно борешься съ вѣтромъ. Гиландъ
жалуется на боль въ спияѣ. „Пока я лежу спокойно, все —
отлично“, — говорилъ онъ, — „но лишь только стану двигаться,
въ спину такъ и стрѣляетъ“. Боюсь, не ревматизмъ ли у
него. Палатка и все внутри ея промокло насквозь. Я уго-
ворилъ его отправиться въ избу Ивана, которая болѣе или
менѣе предохраняла отъ дождя, а самъ сталъ варить обѣдъ.
Гуси явились для насъ пріятной замѣною острохвостыхъ
утокъ, которыми исключительно мы питались до сихъ поръ.
Въ первый разъ я замѣтилъ, что въ полночь нижній край
солнца исчезъ подъ горизонтомъ. Ледъ опять подошелъ
ближе къ берегу и нагромоздился на мели.

24 *іюля*. Сегодня съ переменой вѣтра на юго-западный,
а потомъ на сѣверо-западный, во льду началась обычная
канонада.

Всѣ наши сухари подмокли; теперь ихъ сушимъ. Ихъ
осталось теперь 45 штукъ, которыхъ хватитъ намъ на три
дня. Затѣмъ, долженъ прибыть „Саксонецъ“ или русскіе съ
материка. Снѣговой воды уже нѣтъ. Но мы нашли яму,
наполненную желтоватой болотистой водой, и къ ней прид-
винули нашу палатку.

25 *іюля*. Я усталъ отъ этого бездѣйствія. Время идетъ,
а мы сдѣлали такъ мало. Сегодня послѣ завтрака (жареный
гусь, соленая свинина и супъ изъ острохвостой утки) мнѣ
пришло въ голову, что хорошо бы исправить лодку и про-
извести промѣры дна у берега, чтобы приготовиться къ
прибытію „Саксонца“.

Старый челнокъ протекалъ такъ изрядно, что на зак-
лепку и починку его ушло не мало времени. И даже когда
это было сдѣлано, мы очутились въ томъ же положеніи,
какъ Робинзонъ Крузоэ съ его прекрасной новой лодкой.
Она лежала далеко отъ берега среди травы. Но мы спра-
вились съ этимъ затрудненіемъ. Такъ какъ у насъ не было
бревенъ, по которымъ мы могли бы подкатить лодку къ

водѣ, то ничего больше не оставалось, какъ воспользоваться для этой цѣли нѣсколькими упавшими крестами, что мы и сдѣлали. При помощи ихъ и двухъ старыхъ веселъ мы постепенно и съ большими усиліями тащили лодку шагъ за шагомъ по снѣгу и плу (въ которомъ мы проваливались на каждомъ шагу) до тѣхъ поръ, пока не добрались наконецъ до воды.

Мы положили въ лодку наши ружья, веревокъ, сломанный серпъ, посадили туда стараго „Матроса“, и, наконецъ, въ половинѣ десятаго вечера „подняли якорь“. Отливъ былъ сильный, такъ какъ луна была въ послѣдней четверти. Течение было настолько сильно, что главной обязанностью Гиланда было держать лодку прямо, въ то время какъ я занятъ былъ измѣреніемъ глубины, опуская въ воду молотокъ, привязанный къ веревкѣ. Глубина, въ общемъ, измѣнялась отъ 6 до 10 фут., но сверхъ того въ двухъ мѣстахъ были отмели. На одну изъ этихъ отмелей мы сѣли. Я выскочилъ изъ лодки, снялъ ее съ мели и затѣмъ шелъ нѣкоторое время вбродъ, волоча за собой лодку и ощупывая дно палкой. Фарватеръ, послѣ двухъ внезапныхъ отвѣтвленій, соединяется съ моремъ широкимъ входомъ. На южной сторонѣ этого входа мы высадились на наружномъ ряду песчаныхъ банокъ. Затѣмъ мы вытащили лодку на самый верхъ песчаной банки, гдѣ она можетъ лежать совершенно спокойно, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда дуетъ сѣверо-восточный штормъ. Внешняя гряда песчаныхъ банокъ, на которой мы теперь находились, отдѣляетъ отъ моря обширныя пространства прибрежнаго ила. Ледъ сидѣлъ на мели въ полумилѣ разстоянія отъ насъ и простирался до самаго горизонта, на сколько можно было окинуть глазомъ.

Невдалекѣ отъ того мѣста, гдѣ мы находились, я замѣтилъ лежавшій на пескѣ большой комъ около $2\frac{1}{2}$ фут. въ поперечникѣ. При ближайшемъ изслѣдованіи оказалось, что онъ сдѣланъ искусственно изъ водорослей и коралловъ (hydrozole), вокругъ которыхъ скопился песокъ; на верху

этой кучи находилась ямка, въ которой лежало яйцо морской чайки. Пара этихъ птицъ парила надъ моей головой.

Мы пошли вдоль банки и пашли цѣлый рядъ гнѣздъ морскихъ чаекъ, но ни въ одномъ изъ нихъ не было яицъ, хотя всѣ они, очевидно, построены были недавно. Вокругъ замѣтно было много слѣдовъ, сдѣланныхъ самоѣдскими санями и показывавшихъ, почему птенцы морскихъ чаекъ такъ рѣдко встрѣчаются въ Шаркѣ.

26 июля. Мы вернулись къ лодкѣ въ половинѣ четвертаго и, собравъ нѣсколько сучьевъ и кусковъ сухихъ водорослей, развели небольшой костеръ, на которомъ сварили немного либиховскаго бульона; затѣмъ, привязавъ лодку къ нѣсколькимъ затонувшимъ бревнамъ, захватили съ собой немного пищи, ружья и стараго „Матроса“ и отправились на югъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій.

Солнце свѣтило ярко. Одно это арктическое утро вознаградило насъ за туманы и непривѣтливость многихъ дней. Отойдя мили двѣ отсюда, мы нашли цѣлое сосновое дерево, принесенное волнами. Мы развели прекрасный костеръ и легли спать. Проснувшись около 10-ти часовъ, я увидалъ, что солнце скрылось и спустился туманъ. Я разбудилъ Гиланда и, пока онъ разводилъ новый костеръ и разогрѣвалъ гуся, отправился назадъ, посмотрѣть, цѣла-ли наша лодка. Я боялся, не снесло ли ее приливомъ. Но она была невредима, не смотря на то, что приливъ былъ необыкновенно высокъ. Я рѣшилъ спуститься на лодкѣ вплоть до р. Пушпой. Не тутъ-то было; пройдя милю или около того вдоль песчаныхъ банокъ, мы были внезапно остановлены абсолютно непроходимымъ рѣчнымъ устьемъ. Тогда мы стали пробираться между отдѣльными банками и этимъ, очень извилистымъ, путемъ достигли, наконецъ, твердаго берега, не смотря на встрѣченный нами глубокий илъ.

Выйдя на берегъ, мы пошли на юго-западъ, какъ вдругъ были остановлены неожиданнымъ появленіемъ къ сѣверу отъ насъ на тундрѣ трехъ саней. Мы присѣли на холмикъ и стали ждать. Сани замедлили свой ходъ и остановились.

Послѣ нѣкоторой паузы, однѣ сани двинулись впередъ. Когда они приблизились, мы различили, что въ нихъ погс-
палъ оленей нашъ маленькій грязный Шабла. Онъ гораздо
болѣе былъ радъ видѣть насъ, чѣмъ мы его, потому что я
не любилъ этого надоедливаго, хитраго человѣка. Увидѣвъ,
что онъ разговариваетъ съ нами, его товарищи тоже напра-
вились къ намъ. Оказалось, что Шабла заѣзжалъ къ намъ
въ Шарокъ, но нашелъ, что наша стоянка покинута, а
лодки нѣтъ. Вотъ какъ онъ рассказывалъ намъ объ этомъ:
„Шабла сегодня Шарокъ. Солнце такъ (при этомъ онъ ука-
залъ на небо, чтобъ обозначить положеніе солнца во время
его прибытія: это обычный жестъ самоѣдовъ, когда они
пробуютъ объяснить, который часъ). Чумъ тамъ закрытъ.
Англія? Нѣтъ. Гиламъ? Пѣтъ. — Гдѣ? Потомъ смотрѣть
лодка—нѣтъ. Гдѣ лодка? Не хорошо. Много льда. Пойти
смотрѣть. Да, да“.

Два его товарища были братья Большаковы. Грязные,
добродушные, молчаливые люди, они очень гордились тѣмъ,
что я началъ ихъ срисовывать и самымъ забавнымъ обра-
зомъ позировали, стоя на холмѣ для этой цѣли. Ихъ ко-
чевья пахотятся, говорили они, на нижнемъ теченіи р. Гу-
бистой. Старый Маркъ, по ихъ словамъ, кочевалъ по верх-
нему теченію этой рѣки. Впослѣдствіе это подтвердилось.

Тогда я сказалъ Шаблѣ, что мы идемъ къ р. Пушной.
„Пушная“,— говоритъ Шабла,—„нѣтъ, нѣтъ. Плохо, плохо.
Много рѣка. Много болотъ. Не иди; скоро придетъ лодка;
пѣтъ льда“. Онъ былъ абсолютно противъ того, чтобы мы
шли туда. И замѣчанія его оказались очень вѣскими.

Грязные братья Большаковы дали намъ гуся изъ запаса,
имѣвшагося въ ихъ саняхъ. Затѣмъ они повернули и пусти-
лись галопомъ, при чемъ маленькіе олени Шаблы бѣжали
особенно скоро. Мы вернулись къ нашему костру, разло-
женному на песчаной банкѣ, къ 11 ч., и съѣвъ подареннаго
намъ гуся, легли отдохнуть.

27 іюля. Я проснулся въ половинѣ четвертаго отъ сѣ-
веро-восточнаго вѣтра и холоднаго тумана. Совершивъ по

песку продолжительную прогулку, во время которой я видѣлъ много гусей (*Anser brenta*) и морскихъ зуйковъ (*Calidris arenaria*), я вернулся въ семь часовъ, разбудилъ Гиланда и мы пошли назадъ къ нашей лодкѣ. Не малаго труда стоило намъ вернуться на ней домой, т. е. къ нашей палаткѣ, и по возвращеніи, я сильно упрекалъ себя за то, что взялъ съ собой Гиланда въ эту экскурсію, такъ какъ онъ сказалъ: „Я чувствую себя очень скверно. У меня болитъ вся спина; въ нее такъ и стрѣляетъ“. Я подумалъ, не отъ печени-ли это, далъ ему слабительнаго и послалъ спать въ избу. Въ 4 ч. я зашелъ къ нему: онъ крѣпко спалъ. Когда я посѣтилъ его потомъ въ 6 ч., онъ проснулся въ моментъ моего прихода и сказалъ, что ему хуже. Однако, я заставилъ его съѣсть варенаго гуся и выпить свареннаго на немъ бульона. Выйдя отъ него въ половинѣ 11-го, я оставилъ его крѣпко спящимъ. Сегодня вечеромъ я писалъ свой дневникъ при свѣтѣ маленькаго карманнаго фонаря.

Изъ сдѣланныхъ нами наблюденій было ясно, что „Саксонецъ“, осадка котораго 12 фут., не можетъ надѣяться войти въ Становой Шарокъ. Но во всякомъ случаѣ шлюпка его могла подойти къ берегу, если позволить ледъ, и первое, что теперь необходимо было сдѣлать, это—обозначить фарватеръ для шлюпки тѣмъ или инымъ способомъ.

28 іюля. И вотъ, въ половинѣ второго ночи, окончивъ писать свой дневникъ, я вмѣсто того, чтобы лечь спать, какъ сдѣлалъ бы всякій благоразумный человѣкъ на моемъ мѣстѣ, пошелъ къ берегу, чтобы обсудить этотъ вопросъ.

Было время отлива: маленькіе заливчики между мелями исчезали одинъ за другимъ, и скоро, къ югу отъ нашего канала, между твердой землей и внѣшней грядой мелей не оставалось ничего, кромѣ чернаго ила, тянувагося мили на двѣ. Я нашелъ, что счастье мнѣ благопріятствуетъ.

Я принесъ къ берегу нѣсколько бревенъ, лежавшихъ возлѣ избъ, и обтесалъ ихъ топоромъ, насколько нужно было для моей цѣли. Потомъ вбилъ одно бревно въ землю противъ того мѣста, гдѣ главный каналъ круто поворачи-

ваетъ на сѣверъ, чтобы подойти затѣмъ къ нашей стоянкѣ. Затѣмъ я отправился, захвативъ топоръ и пару длинныхъ шестовъ, прямо черезъ илъ. Предпріятіе не особенно благоразумное для человѣка, не имѣвшаго ходуль, и нѣсколько разъ я чуть не поплатился за свою смѣлость. Но тѣмъ не менѣе, я кое какъ ковылялъ со своимъ грузомъ, вытаскивая ноги, увязавшія въ коварной тинѣ; и наблюдая за каждымъ своимъ шагомъ. Я зналъ, что времени до наступленія прилива осталось еще довольно, и что, если я не завязну въ трясинѣ, я успѣю выполнить свою задачу. А разъ я чуть было не получилъ шахъ и мать. На краю одной бухточки я вдругъ провалился выше колѣнъ и чуть было совсѣмъ не погрузился въ илъ. Тогда я бросилъ двѣ свои палки на болѣе твердое мѣсто и кое-какъ вскарабкался на нихъ. Выпачканный чернымъ, вонючимъ иломъ съ ногъ до головы, съ грязными палками на плечахъ я представлялъ тогда собою далеко не привлекательное зрѣлище.

Наконецъ, я достигъ таки того мѣста, гдѣ каналъ заворачиваетъ къ югу. Здѣсь я воткнулъ одинъ изъ своихъ высокихъ шестовъ, который по моему расчету даже во время прилива долженъ былъ выставляться фута на два. Это мѣсто находилось шагахъ въ пятистахъ отъ моего исходнаго пункта. Еще шаговъ черезъ пятьсотъ я поставилъ другой шестъ. Въ общемъ, разстояніе, пройденное мною, какъ видите, было не велико, но когда я повернулъ назадъ, то нашелъ, что наша палатка стоитъ въ очень далекомъ отъ меня разстояніи, если принять въ соображеніе качества ила, по которому мнѣ приходилось возвращаться.

Освободившись отъ своего груза, я пошелъ конечно быстрѣе, но за то и не такъ осторожно. И раза два я падалъ въ илъ, похожій на сыпучій песокъ въ томъ отношеніи, что ноги уходили въ него все глубже и глубже, по мѣрѣ того, какъ я дѣлалъ усилія освободиться. Положительно, сказали-бы вы, только сумасшедшій могъ ни съ того, ни съ сего подвергнуть себя такой опасности. Но кое-какъ

я и на сей разъ выкарабкался и, гордо полюбовавшись на результатъ своей работы, пошелъ спать.

Я проснулся въ 5 ч. утра и пошелъ въ избу поспать, въ какомъ состояніи Гиландъ. Онъ крѣпко спалъ и я его не тревожилъ. День не представлялъ ничего привлекательнаго: густой бѣлый туманъ и сѣверо-восточный вѣтеръ; поэтому я опять легъ спать.

Въ теченіе утра я потомъ нѣсколько разъ навѣщалъ Гиланда, но постоянно находилъ его въ прежнемъ положеніи: онъ едва могъ двигаться и горько жаловался на сильную боль въ поясницѣ. Сегодня „Саксонецъ“ долженъ былъ, но очевидно не могъ придти. Весь день я поглядывалъ на море, такъ какъ мы не знали, на сколько широкъ окаймляющій берегъ ледяной поясъ. Но ни признака паруса или пароходнаго дыма не было видно на горизонтѣ.

Мы теперь вполне свыклись съ лагерной жизнью и хотя я не переставалъ сожалѣть о недостаткѣ многихъ научныхъ приборовъ, которые уѣхали вмѣстѣ съ яхтой, но что касается средствъ существованія, мы были снабжены ими въ достаточной степени. Правда, что провизія, взятая нами съ собою, была уже почти вся истреблена, и хотя намъ удалось нѣкоторыя вещи — нашъ окорокъ, напр. — сберечь немного дольше, это возможно было только потому, что мы или вовсе не ѣли ихъ или ѣли только по маленькому кусочку ежедневно. За то мы могли настрѣлять сколько угодно острохвостыхъ утокъ, хотя онѣ и не очень приходились намъ по вкусу. У насъ было топливо и хотя всѣ мелкіе куски мы сожгли, и остались только крупные, за то мы научились лучше владѣть топоромъ. У насъ была вода, хотя мы должны были вскипятить каждую каплю прежде, чѣмъ ее выпить. Даже старый Матросъ комфортабельно устроился; онъ жилъ теперь въ боченкѣ, въ которомъ помѣщалась прежде наша провизія.

Въ настоящее время обнаружилось на Колгуевѣ полное отсутствіе наземныхъ млекопитающихъ, кромѣ красной и

голубой лисицы. Ни зайцевъ, ни пеструшекъ не встрѣчалось на немъ.

Намъ очень нужна была печка, которая позволила бы намъ сберегать топливо и предохраняла-бы горшокъ отъ холода; дѣло въ томъ, что на морозѣ мясо приходилось слишкомъ долго кипятить. И я рѣшилъ, что у насъ непременно будетъ печка. На плѣ лежало нѣсколько большихъ плитъ песчаника. Я надѣлъ длинные резиновые сапоги и пошелъ за ними. Тѣхъ, которые казались наиболѣе подходящими для меня, я не могъ поднять; тогда, выбравъ близкіе къ намъ по величинѣ, я потащилъ ихъ и послѣ невѣроятныхъ усилій дотащилъ до берега.

Шагъ за шагомъ тащилъ я свои большіе камни по берегу и устроилъ изъ нихъ въ одной ямѣ великолѣпнѣйшій очагъ. Во всякомъ случаѣ, на него можно было поставить нашъ единственный горшокъ и маленькій котелокъ. Я выпотрошилъ и разрѣзалъ утку, наполнилъ кусками горшокъ, развелъ огонь и съ удовольствіемъ сталъ прислушиваться къ его треску. Я сидѣлъ на корточкахъ возлѣ него, наслаждаясь исходящимъ отъ него жаромъ, какъ вдругъ раздался выстрѣлъ, какъ изъ пушки, и меня осыпало кусочками камня и пепломъ. Большой камень рассыпался на куски. Но я взялъ другой и, нагрѣвъ его болѣе постепенно, избѣгъ дальнѣйшихъ взрывовъ.

Начался восточный вѣтеръ. Это былъ рѣзкій, холодный штормъ и, благодаря высокому приливу, ледъ въ первый разъ подошелъ ближе къ берегу, такъ что сѣлъ на мель на плѣ, и очень большіе куски подплывали почти къ самой палаткѣ.

Воскресенье 29 іюля. Не думайте, что мы удовольствовались одной поѣздкой на лодкѣ. Мы были голодны. Въ нашей кладовой была одна только острохвостая утка. Намъ пужны были гуси, и мы видѣли гусей, сидѣвшихъ на льду за песчаными мелями. Какая жалость, что мы не можемъ достать этихъ гусей. Самъ Эскулапъ не могъ бы достичь лучшаго результата. Гиладъ былъ боленъ и не могъ дви-

гаться, и что-же я слышу: „Отчего-же не достать, сэръ?! Я могу грести въ лодкѣ“. Я отлично зналъ, что онъ не могъ грести съ его больной спиной, но теперь былъ отливъ, и съ лодкой не трудно было справиться. Я думалъ, что лодку можно провести черезъ ледъ. Отлично, мы отправились. Ледъ по временамъ имѣлъ не очень пріятный видъ. Онъ легко могъ пробить дыру въ нашей ветхой ладѣ. Нѣкоторыя льдины возвышались футовъ на 10 или болѣе того надъ поверхностью воды, онѣ были изрыты ямами и зеленоватыми пещерами, а на выдающихся краяхъ ихъ сидѣли чайки. Намъ удалось избѣгнуть ихъ и пристать ко входу въ бухточку. Но мѣсто было глубокое, и потому оба мы не могли выйти изъ лодки. Поэтому я оставилъ Гиланда отпихивать ледъ отъ лодки, а самъ отправился. Мнѣ не удалось застрѣлить ни одного гуся. И послѣ долгой и безуспѣшной прогулки я вернулся и увидѣлъ, что вода поднялась. Появилось такое громадное количество льда, что входить въ него я не счелъ благоразумнымъ. Я рѣшилъ лучше вернуться домой и захватить тамъ немного пищи. Я отправился съ ружьемъ, топоромъ и фотографической камерой, и съ значительными затрудненіями пройдя вдоль берега, достигъ нашей палатки, сварилъ острохвостую утку и въ полночь отправился назадъ, неся эту пищу для своего товарища. Но не прошелъ я и двухъ миль, какъ встрѣтилъ его идущаго съ грустнымъ видомъ ко мнѣ на встрѣчу. Приливъ поднялъ лодку, и Гиланду удалось вытащить ее на мель. Затѣмъ онъ пошелъ къ югу по песчаной мели и, наконецъ, перешелъ на берегъ. По пути, говорилъ онъ, на него напали чайки, касаясь крыльями его шапки. Для самозащиты онъ долженъ былъ выстрѣлить и убилъ двѣ штуки. Такъ кончилась наша вторая поѣздка на лодкѣ, и сама лодка стояла теперь далеко на песчаныхъ меляхъ.

30 іюля. Только что вернулись мы къ палаткѣ сегодня утромъ, какъ полилъ ливня дождь и разразился сѣверо-восточный штормъ. Дождь шелъ до 3-хъ часовъ пополудни. Затѣмъ мы пошли на озеро и застрѣлили пестряка (Soma-

teria spectabilis). Возвращаясь обратно, мы застрѣлили двухъ куропатокъ (*Lagopus albus*). Вечеромъ опять пошелъ дождь, и моя палатка по обыкновенію опять была затоплена. Только что мы сварили себѣ ужинъ въ половинѣ одиннадцатаго, какъ явился Иванъ съ молодымъ Елисѣемъ; они привезли моихъ гусей. Они остановились у палатки, молчаливо ожидая, пока мы съ ними заговоримъ. Я указалъ имъ на лодку, стоящую далеко на мели. Свирѣпствовала такая буря, и волны такъ яростно поднимались, что съ такого разстоянія лодка казалась погибшей. — „Пропало“, — сказалъ Иванъ. — „Нѣтъ, Иванъ, не пропало“, — сказалъ я, такъ какъ въ подзорную трубу видѣлъ, что лодка хорошо защищена отъ волнъ ледянымъ барьеромъ. Затѣмъ мы сварили гуся. Наши друзья были изумлены и восхищены нашей печкой. — „А! — сказали они: — вы все камень. Да, да. Домъ камень, дорога камень, огонь камень“. Надо замѣтить, что они очень удивлялись, когда я описывалъ имъ наши англійскіе каменные дома и шоссе. Послѣ ужина мы отыскивали возможно сухое мѣстечко въ нашей мокрой палаткѣ, и я далъ старику трубку, которая всегда доставляла ему большое наслажденіе. Затѣмъ сказалъ я: — „Иванъ, что новенькаго? Потому что я отлично видѣлъ по его лицу и манерамъ, что онъ пріѣхалъ не затѣмъ только, чтобы привезти гусей. „Англія, Гиламъ, оставайся съ Ивана всю зиму. Да, да — чумъ“, — сказалъ онъ. „Нѣтъ, нѣтъ, Иванъ. Пароходъ придетъ или русскіе пріѣдутъ“. — „Пароходъ — нѣтъ, нѣтъ; пароходъ ушелъ“, — сказалъ онъ. „Да, да, далеко все ледъ“, — и онъ указалъ рукой по направленію къ морю. Онъ хотѣлъ сказать, очевидно, больше, чѣмъ онъ сказалъ, и послѣ многихъ усилій мнѣ удалось выпытать тайну. Оказалось, что пять дней тому назадъ — это была суббота, 26 ч., онъ видѣлъ пароходъ у сѣверной оконечности наружнаго ряда мелей. Онъ былъ тамъ, по его словамъ, все утро, но послѣ полдня ушелъ. Конечно, Иванъ былъ вполне увѣренъ, что это наше судно. И такъ какъ и раньше онъ надѣялся, что мы проведемъ съ нимъ всю зиму, то теперь онъ чувствовалъ себя еще болѣе увѣреннымъ въ

этомъ. Но я былъ другого мнѣнія. Время было еще слишкомъ раннее, и я очень хорошо зналъ, что если бы „Саксонецъ“ успѣлъ подойти такъ близко къ берегу, онъ не ушелъ бы такъ скоро.

Теперь явился вопросъ: что намъ дѣлать? У насъ не было ни овощей, ни хлѣба, и оставалось въ мѣшкѣ всего нѣсколько сухарей. Я приписывалъ болѣзнь Гиланда недостатку растительной пищи. Кругомъ нашей палатки были только болота и торфянки; а если бы мы отправились съ Иваномъ, то попали бы на травянистые луга, гдѣ растетъ щавель. Я зналъ также по опыту, что съ возвышенности у р. Песчанки открывается видъ на море. Поэтому я сказалъ старику, чтобы онъ пріѣхалъ за нами завтра съ санями для того, чтобы мы могли вернуться съ нимъ. Конечно, онъ былъ въ восторгѣ.

31 июля. Такъ мы сидѣли и болтали въ надеждѣ, что вѣтеръ утихнетъ и прекратится дождь. Но дождь не прекращался, и самоѣды отправились домой. Никогда не видали мы, чтобы олени бѣжали такъ быстро, потому что кончился періодъ ливня. Долженъ признаться, что я завидовалъ Гиланду, который помѣщался въ избѣ. Правда, что тамъ капало со стѣнъ отъ сырости, но зато вокругъ меня былъ цѣлый потопъ. Былъ только одинъ сухой уголокъ въ палаткѣ, и я свернулся калачикомъ. Но спать не было возможности. Каждую минуту я ждалъ, что вотъ-вотъ сорветъ палатку, но она стояла превосходно. Это единственное хорошее качество „вамперовскихъ“ палатокъ. Но чтобы называть ихъ непромокаемыми—нѣтъ, на это я не согласенъ. Дождь прекратился въ пять часовъ. Я пошелъ къ канавкѣ, чтобы достать воды и по дорогѣ видѣлъ нѣсколько чаекъ. Я написалъ записку, объясняющую Повису нашъ дальнѣйшій образъ дѣйствій и положилъ въ часовню на самомъ видномъ мѣстѣ. „Мы отправляемся,—писалъ я,—версть за 28. Мы будемъ находиться въ виду моря. Я буду посылать сюда нарочнаго на оленяхъ черезъ день. „Саксонецъ“ не можетъ подойти къ берегу, но шлюпка можетъ взойти въ заливъ

прекрасно. Глубину я тщательно измѣрилъ. Держитесь отъ двухъ вѣхъ въ разстояніи 300 ярдовъ. Если вы не найдете нашихъ слѣдовъ, давайте паровой свистокъ и выпускайте изъ трубы побольше дыму“.

Самоѣды, Иванъ и Анашка-пророкъ, вернулись съ добавочными санями въ шесть часовъ вечера. Пока упаковывали вещи, мы послали самоѣдовъ за старой лодкой. Затѣмъ мы сложили гусей по самоѣдскому способу, и все было готово. Промокло все до послѣдней нитки, а вѣтеръ и дождь бушевали съ прежней яростью. Мы достигли самоѣдскаго табора при Песчанкѣ въ полночь. И, такъ, пока мы покончили съ Шаркомъ.

ХІІ.

Стрѣльба изъ луковъ.—Способность самоѣдовъ къ развитію.—Охота на оленей.—Комическое недоразумѣніе.—Дѣти природы.—Кочевка вмѣстѣ съ самоѣдами.

1 августа. Новый мѣсяцъ начался отвратительно: свирѣпствовалъ настоящій ураганъ, сопровождаемый проливнымъ дождемъ. За палаткой все время приходилось наблюдать, чтобы ее не снесло вѣтромъ. Самоѣды для того, чтобы вѣтеръ не унесъ ихъ жалкихъ шалашей, огородили ихъ лодками и санями. Никто не выходилъ сегодня на охоту. Все время занято было борьбою съ дождемъ и вѣтромъ.

Въ пять часовъ вечера, когда буря затихла, мы выползли изъ своихъ палатокъ, какъ мокрыя курицы, и для развлеченія занялись стрѣльбою въ цѣль изъ лука и бросаніемъ аркана. Въ состязаніи участвовало пять человѣкъ: Каллина, Маркъ, Миколка, Гиландъ и я.

Самоѣдскіе луки, какъ всѣ вообще ихъ деревянныя издѣлія, сдѣланы изъ дерева, приносимаго съ моря къ берегамъ Колгуева. Всякій разъ передъ употребленіемъ ихъ мочатъ въ водѣ и натираютъ руками, что придаетъ имъ

гибкость и эластичность. Самоѣды держатъ лукъ не вертикально, какъ мы, а горизонтально. При стрѣльбѣ они становятся на цыпочки и затѣмъ нагибаются, держа лукъ на уровнѣ глаза. Мы стрѣляли по своему. Мишенью у насъ служила палка, воткнутая въ землю. Миколка здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ упражненіяхъ, оказался первымъ; съ разстоянія въ сорокъ шаговъ стрѣла его попадала или прямо въ палку, или пролетала такъ близко отъ нея, что, будь на мѣстѣ палки гусь, онъ былъ бы пронзенъ насквозь.

Затѣмъ мы бросали арканъ (дизъ-гу). Въ этомъ упражненіи они безусловно превосходили насъ; взрывы хохота привѣтствовали мои тщетныя усилія обвить арканомъ палку. Съ чрезвычайнымъ терпѣніемъ они учили меня бросать арканъ по ихъ способу. Но, наконецъ, мои усилія увѣнчались успѣхомъ. Я захватилъ арканомъ палку.

— Хорошо, очень хорошо; да, да!—вскричалъ Миколка;— Гиламъ, Англія, скоро очень хорошо. Всю зиму въ чумъ на Колгуевѣ. Гиламъ, Англія, скоро самоѣды, да, да.

— Нѣтъ Миколка, — засмѣялся я, — мы скоро оставимъ Колгуевъ; поѣдемъ съ русскими. Скоро будемъ въ Англіи.— Лицо Миколки сдѣлалось очень печальнымъ: этотъ простодушный народъ не имѣетъ никакой претензіи скрывать свои чувства. А Миколка былъ совершенно увѣренъ до сихъ поръ, что мы останемся съ ними всю зиму. Но онъ попробовалъ уговорить меня.

— Колгуевъ зимою очень хорошъ; да, да, очень, очень хорошъ; моржи, медвѣди; самоѣды стрѣляютъ медвѣдей. Горы у Песчанки. Миколка ѣздитъ на своихъ саняхъ быстро, стрѣляетъ много пуль. Скоро убьетъ медвѣдя. Да, да. Большая луна.

2 августа. Вѣтеръ, который свирѣпствовалъ всю ночь, затихъ немного въ теченіе дня, и Филиппъ поѣхалъ за своимъ чумомъ. Онъ вернулся съ нимъ вечеромъ и все семейство Ивана помѣстилось въ немъ.

Каллипа присѣлъ въ дверяхъ моей палатки и принялся дѣлать стрѣлы. Ему очень понравился мой большой ножъ.

„Очень хорошій ножъ: да, да. Мой ножъ теперь. Каллины ножъ“. Этотъ народъ, какъ дѣти, съ легкимъ сердцемъ готовъ присвоить себѣ чужую собственность.

— Нѣтъ, Каллина, это—мой ножъ.

— О,—сказалъ Каллина такъ печально и съ такимъ разочарованіемъ въ голосъ, что у меня не было другого выбора, какъ сказать:—„Да, да, когда мое судно придетъ, тогда это ножъ Каллины“.—Еслибъ вы могли видѣть его восхищеніе: онъ сталъ постукивать ножъ и нѣжно проводить пальцами вдоль него. Онъ подошелъ ко мнѣ и потрясъ меня за руку, чтобы скрѣпить договоръ.

Все семейство Елисѣя сегодня за работой, приготовляя гусей для складыванія въ бочки. Среди нихъ господствуетъ прекрасное раздѣленіе труда. Самъ старикъ разрубалъ гусей топоромъ, женщины и старшія дѣвушки потрошили ихъ, затѣмъ бросали ихъ дѣтямъ, которыя вырывали клювы. Гусиные клювы тщательно нанизываются на веревочки и сохраняются. Изъ нихъ потомъ дѣлаютъ ожерелья и украшенія для волосъ или же головы для маленькихъ куколъ, которыхъ дѣти одѣваютъ на подобіе людей.

Почему Норденшельдъ считаетъ самоѣдовъ самой низшей изъ арктическихъ монгольскихъ расъ? Почему Карлейль какъ на примѣръ безнадежнаго варварства указываетъ на бѣдныхъ самоѣдовъ! Моя книга, если она что-нибудь показываетъ, обнаруживаетъ въ нихъ чрезвычайную для дикаря способность къ развитію, гораздо большую, на примѣръ чѣмъ у краснокожихъ индѣйцевъ. Возьмите, на примѣръ, Миколку. Онъ родился и выросъ на Колгуевѣ: ему шелъ теперь семнадцатый годъ и до послѣдняго времени онъ не зналъ грамоты. Но вотъ въ прошлое лѣто прибылъ на Колгуевъ пророкъ, Анашка, учившійся въ архангельской школѣ. Въ теченіе зимы онъ училъ юношу Миколку и теперь тотъ не только могъ немного читать по-русски, но и писать довольно хорошо. Вообще иногда у меня бывало такое чувство (котораго я никогда не испытывалъ въ бытность свою среди индѣйцевъ), будто я находился не на Колгуевѣ, а у

себя на родинѣ, среди какой-нибудь крестьянской семьи или вродѣ этого. Смѣхъ и голоса дѣтей звучали, какъ и у насъ, и часто вечеромъ, приподнявъ, послѣ прогулки, полу самоѣдскаго чума, я невольно спрашивалъ себя:—Но чѣмъ же существеннымъ отличается этотъ народъ отъ насъ самихъ? Нѣжно звучалъ голосъ Катерины, напѣвавшей, склонившись надъ ребенкомъ, колыбельную пѣсню: „Улыбайся, дитячко, улыбайся; скоро, скоро вырастешь ты, мой ненаглядный“. Или она играла съ нимъ въ прятки, закрывъ ему лицо кусочкомъ мягкой шкурки; а въ углу дѣти играли въ куклы. Кудрявая Ньябъ-Кутни сдѣлала себѣ хозяевъ: отца, мать и ихъ семейство, а другія дѣвочки приводили имъ гостей. Чумъ онѣ представляли въ видѣ трехъ палочекъ. Онѣ болтали, смѣясь заразительнымъ смѣхомъ, но я не могъ разобрать ни единого слова изъ всей ихъ болтовни.

Гиландъ со вчерашняго дня сталъ лихорадить и сегодня лежалъ цѣлый день.

3 августа. Гиландъ спалъ сегодня до восьми часовъ; онъ спалъ столько, что я подумалъ, что не слѣдуетъ-ли его разбудить, но такъ какъ онъ опять сталъ жаловаться, что чувствуетъ себя очень нехорошо и опять моментально заснулъ, то я оставилъ его лежать.

Только въ срединѣ дня мнѣ удалось убѣдить его выйти прогуляться; онъ вернулся съ прогулки, чувствуя себя гораздо лучше.

Сегодня мы поймали и убили молодого оленя. Въ сопровожденіи собакъ Миколка выѣхалъ на „адліургѣ“ и пригналъ стадо. Постепенно стадо раздѣлили на двѣ половины, такъ что между ними находилась широкая песчаная платформа, на которой былъ расположенъ нашъ лагерь. Въ то время, пока самки со своими телятами галопировали съ одной стороны на другую, Иванъ выбралъ молодого оленя, какого пужно было поймать. Немедленно, глаза всѣхъ устремились на жертву. Это было красивое сѣрое животное. Затѣмъ каждый изъ мужчинъ собралъ въ рукавъ свою „диз-гу“ и они стали осторожно подкрадываться, согнувшись, какъ

шайка заговорщиковъ. Поймать оленя было не легко, такъ какъ онъ держался въ глубинѣ стада; нѣсколько разъ на-кидывали на него арканъ, но онъ вырывался. Наконецъ, Миколка подползъ къ нему сзади и въ мгновеніе ока на-кинулъ ему „диз-гу“ на рога. Олень и тутъ едва не выр-вался, но вторая дизга была наброшена на него, а затѣмъ всѣ мужчины стали подбѣгать къ нему одинъ за другимъ.

Олень тутъ же былъ оглушенъ ударомъ топорика меж-ду глазъ; потомъ быстрымъ ударомъ ножа ему пересѣкли шейные позвонки и проткнули сердце бѣднаго животного, приподнявъ ему ногу, чтобы не вытекала кровь. Затѣмъ женщины ободрали его, что было дѣломъ нѣсколькихъ ми-нутъ, приподняли ребра и затѣмъ всѣ столпились вокругъ, чтобы полакомиться сырой олениной.

Не могу сказать, чтобъ я былъ восхищенъ всѣми этими дѣйствіями, хотя картина была живописная. Вы можете на-рисовать ее сами. Сцена представляетъ возвышенное плато тундры, рядъ красныхъ и голубыхъ ситцевыхъ цыганскихъ палатокъ, покрытый березовой корой чумъ, свора деру-щихся собакъ, смѣсь лодокъ, саней, боченковъ и т. п. пред-метовъ, стадо оленей, разсѣянное по пустыни и двѣ-три упряжки ихъ изъ пяти штукъ каждая, привязанныя на мѣстѣ. Помѣстите въ средину кольца мужчинъ, женщинъ, дѣвушекъ и мальчиковъ, стоящихъ или сидящихъ на кор-точкахъ вокругъ мертваго тѣла свѣже-убитаго, еще дымя-щагося оленя, рѣжущихъ, рвущихъ и ѣдящихъ его, и вы получите полную картину.

Они были чрезвычайно удивлены, что я не присоеди-нился къ нимъ. Гиландъ съѣлъ немного сырого мяса и на-шелъ его превосходнымъ, и я думаю, въ самомъ дѣлѣ, от-чего бы ему не быть такимъ. Но я предпочитаю вареную пищу. Особенно лакомыми кусками самоѣды считаютъ: ды-хательное горло, сухожилія легкія, наружную сторону кос-тей и бархатистую сосудистую часть роговъ. Все это они обмакиваютъ въ кровь, прежде чѣмъ ѣсть.

— Хорошо, очень хорошо,—сказала старая Устинья,

предлагая мнѣ соблазнительный кусокъ легкихъ, покрытый свѣжей кровью. Я изобразилъ на лицѣ своемъ отвращеніе, но они поняли это такъ, что я не былъ голоденъ. „А, не голоденъ“, — сказали они, и это восклицаніе обошло весь кругъ. Сами они были голодны повидимому, потому что положительно обжирались. Если-бъ кто-нибудь у насъ вздумалъ съѣсть столько, сколько они, то навѣрное сейчасъ завалился бы спать. А они стали плясать подъ припѣвъ какой-то пѣсни.

Затѣмъ мы играли въ мячъ—единственная ихъ игра на открытомъ воздухѣ.

4 августа. Теплый день; термометръ показываетъ 12° Р. на солнцѣ. Очень спокойно, очень пріятно, особенно почти послѣ двухъ-суточного сильнаго вѣтра. Семейство Елисѣя уложило свои вещи, чтобъ отправиться. Старшая дочь Елисѣя, недурненькая, но очень молчаливая дѣвушка, была обладательница такого красиваго головного убора, съ великолѣпной самодѣльной звѣздой спереди и нѣсколькими рядами бусъ въ волосахъ, что мнѣ захотѣлось его купить. У меня не было мужества попросить объ этомъ ее самое и я обратился къ ея брату. Это было еще хуже, такъ какъ онъ немедленно рѣшилъ, что я хочу жениться на ней и черезъ минуту я сталъ центромъ восхищенной группы. Всѣ они говорили сразу и всѣ указывали съ меня на нее, съ нея на меня. Бѣдная дувушка,—не помню ея имени, да кажется я и не слышалъ его,—покраснѣла и такъ смутилась, что мнѣ стало ея очень жаль. Тщетно я пробовалъ разубѣдить ихъ; для нихъ было совершенно ясно, что, прося у нея головной уборъ, я прошу, значитъ, ея руки, такъ что всѣ мои объясненія оказались бесполезными. Поэтому я заперся въ палаткѣ и, когда я потомъ вышелъ со своей книжкой для эскизовъ и попробовалъ снять съ нея портретъ, они вѣроятно еще больше утвердились въ своемъ мнѣніи. Я такъ и не получилъ головного убора. У меня не хватило мужества для вторичной попытки.

Семейство Ивана охотно позировало предо мною, но

остальные самоѣды, какъ на примѣръ, сомейство Елисѣя, никогда не соглашались, чтобъ я ихъ срисовалъ. Анашка тоже ненавидѣлъ это, но разъ, когда онъ спалъ на землѣ, я быстро успѣлъ сдѣлать набросокъ съ него. Миколка разбудилъ его и сказалъ ему объ этомъ. Анашка обезумѣлъ: онъ запрыгалъ и забѣгалъ кругомъ на одномъ мѣстѣ, какъ я полагаю для того, чтобы предотвратить дурное вліяніе.

Воскресенье, 5 августа. Удивительно ясный день. Всѣ самоѣды съ Гиладомъ ходили къ морю, намѣреваясь устроить облаву на гусей. Я остался въ лагерѣ, потому что мнѣ было много дѣла. Въ лагерѣ оставлено было восемь собакъ, которыя не переставая лаяли все время. Старый Матросъ едва не лишился сегодня жизни. У него нѣтъ зубовъ и единственное его средство защиты—глухое ворчанье. Какая бы собака не подошла къ нему, съ намѣреніемъ его укусить, какъ Матросъ, не обращая вниманія ни на ростъ, ни на свирѣпый видъ собаки, топорщитъ спину и грозно рычитъ. Это—смѣлый, старый песъ: безъ малѣйшаго страха бродитъ онъ вокругъ чума, вторгаясь часто въ чужія владѣнія. Я всегда боялся, что онъ дѣлаетъ это слишкомъ часто. Вотъ и сегодня, онъ произвольно пошелъ и отнялъ кость у группы изъ трехъ собакъ. Послѣ небольшой паузы, во время которой тѣ находились въ положительномъ изумленіи, всѣ три, какъ стрѣла, бросились на него.

Еще секунда, и Матросъ очутился среди стаи лающихъ полу-волковъ. Я увидѣлъ, какъ самая большая собака схватила стараго Матроса и стала трясти его изъ стороны въ сторону. Я схватилъ деревянный молотокъ и съ крикомъ: „Венкво“ (по самоѣдски значитъ собака) бросился къ нимъ, размахивая имъ на право и на лѣво. При первой возможности, Матросъ выскочилъ изъ свалки и убѣжалъ въ палатку. Всѣ собаки—за нимъ съ адскимъ лаемъ. Я выхватилъ одинъ изъ колышковъ, прикрѣпившихъ палатку и запустилъ имъ въ нихъ съ такимъ успѣхомъ, что вся стая разбѣжалась. Повѣрите-ли, что на старомъ Матросѣ не осталось слѣдовъ укусовъ, за исключеніемъ одной царапины

на мордѣ. Я не былъ укушенъ, но все-таки, признаюсь, вошелъ бы вторично въ такую стаю дьяволовъ, не съ большимъ хладнокровіемъ, чѣмъ внутри дѣйствующаго вулкана.

6 августа. Сегодня въ часъ ночи самоѣды съ Гиландомъ вернулись обратно, привезя съ собою только 20 гусей. У нихъ на этотъ разъ было только три лодки и гуси побѣдили ихъ. Иванъ говоритъ мнѣ, что онъ видѣлъ русское парусное судно и что ледъ не такъ плотенъ. Нашъ сахаръ и масло, которые мы ѣли по маленькимъ кусочкамъ, все-таки кончились.

7 августа. Мы нашли нѣсколько бѣлыхъ куропатокъ, высиживающихъ яйца.

Самоѣды, которые живутъ по солнцу, ужинаютъ съ каждымъ днемъ все раньше и раньше. Сегодня вечеромъ я слышалъ изъ чума такіе взрывы хохота, что пошелъ туда, и нашелъ самоѣдовъ забавляющихся игрой съ однимъ изъ моихъ резиновыхъ колечекъ для связыванія бумаги. Восхищеніе ихъ было чрезвычайно: они прикладывали колечко по очереди другъ другу на шею и щелкали имъ. Когда пришла очередь старой Устинѣ, колечко разорвалось и ударило ее по носу. Она сдѣлала такой изумительный видъ, что я невольно расхохотался. Остальные же сказали только: „А“; среди нихъ водворилось внезапное молчаніе, во время котораго они внимательно рассматривали поврежденную резинку. Все это показалось мнѣ очень естественнымъ. Кто изъ насъ не удивился бы также, видя въ первый разъ такой замѣчательный примѣръ эластичности?!

8 августа. При юго-западномъ вѣтрѣ, термометръ показывалъ 16° Р. и было томительно жарко. Гиландъ ѣздилъ съ Миколкой въ Становой Шарокъ и привезъ извѣстіе, что ледъ разошелся и даже заливъ очистился ото льда. Но не видно было ни признака „Саксонца“. Я нашелъ первый цвѣтокъ *Veronica alpina*.

9 августа. Ночью былъ такой сильный дождь, что сегодня большую часть дня я занимался сушкою нашихъ ве-

щей. Впрочемъ нужно отмѣтить еще одно очень важное событіе. Младшей дочери Филиппа проткнули правое ухо,— обрядъ, столь же важный, какъ у насъ обрядъ крещенія.

Самоѣдскіе рисунки.

Катерина сдѣлала это посредствомъ иглы и вставила въ отверстіе металлическое колечко. Въ чумѣ было большое сборище. Дитя, которое держала Устинья въ центрѣ круга зрителей, протестовало очень мало.

Я какъ-то замѣтилъ, говоря объ удивительномъ способѣ воспитанія дѣтей у самоѣдовъ, что оно контролируется добротой. Сегодня намъ случилось въ первый и единственный разъ увидѣть ребенка наказаннымъ. Филиппу понадобился зачѣмъ-то его маленькій сынъ Ванька; но когда его позвали, онъ игралъ со старымъ оленемъ и не пришелъ. Отецъ тщетно звалъ его три раза и затѣмъ, не выказывая ни малѣйшаго признака гнѣва, подошелъ и „пошлепалъ“ мальчика за непослушаніе. Я и Гиландъ были очень поражены этимъ единичнымъ примѣромъ наказанія.

10 августа. Охота за лебедями.

Я отправился около полудня съ Анашкой и Миколкой. Анашка, между прочимъ, не только былъ хорошій грамотѣй, но и рисовалъ немножко. Я сохранилъ нѣсколько его рисунковъ.

Это былъ безобразный, но добродушный человѣкъ, который рѣдко смѣялся, хотя нѣкоторые изъ его рисунковъ указываютъ на прирожденный юморъ. Онъ повидимому постоянно боялся холода и имѣлъ привычку стоять, засунувъ руку подъ мышку. Я былъ настолько недобръ, что подмѣтивъ эту привычку, указалъ на нее самоѣдамъ: съ тѣхъ поръ она сдѣлалась постояннымъ источникомъ шутокъ надъ нимъ.

Мы поѣхали сначала по санному слѣду на сѣверо-востокъ. Этотъ слѣдъ, поросшій травой и ясно замѣтный даже на песчаной почвѣ, очевидно былъ очень старъ и повидимому относился къ тому времени, когда Колгуевъ былъ гораздо менѣе плотно населенъ. Мы проѣхали мимо нѣсколькихъ старыхъ береговыхъ террасъ. Нѣкоторые изъ нихъ, подъ вліяніемъ размыва, были полуразрушены, такъ что отъ нихъ остались лишь маленькіе коническіе холмы. На вершинѣ cadaго изъ нихъ стояло по лисьему капкану. Подобно тому, какъ на всѣхъ, видѣнныхъ мною раньше, старый кусокъ тюленьяго жира оставался на нихъ съ прошлой зимы. Этотъ фактъ повидимому указываетъ на обиліе пищи для лисицъ на Колгуевѣ.

Наконецъ, повернувъ къ морю, мы подъѣхали къ Лебяжьему озеру. Это было красивое большое озеро, около мили длиною и въ разстояніи мили отъ моря. Надъ нимъ летало нѣсколько стай сѣрыхъ ржанокъ (*Squatarola helvetica*) и драчуновъ (*Machetes rugosus*) въ зимнемъ опереніи, а вдали на другой сторонѣ я различилъ пару старыхъ лебедей и четырехъ сѣрыхъ лебедятъ.

Окрестности озера были очень болотистыя, покрытыя водяной сосенкой (*Hippuris*). Но собственно берегъ озера былъ довольно твердъ для сапеевъ, запряженныхъ оленями, такъ что мы могли съ комфортомъ остановиться и безъ комфорта прилечь. Здѣсь я нашелъ новое и очень замѣтное растеніе *Cinerari palustris*, растущее кустиками. На морѣ по ту сторону кошекъ видѣлось немного не густого льду. Озеро вытянулось по направленію съ юга на сѣверъ. Пока мы гнали оленей къ самой дальней мели, лебеди двинулись и поплыли на сѣверъ. Мы остановились и выработали планъ дѣйствія.

Анашка долженъ былъ остаться съ оленями, я укрыться въ травѣ съ ружьемъ, а Миколка съ лукомъ и стрѣлами долженъ былъ взять лодку, которую мы привезли съ собою, и плыть за птицами. Перейдя съ большимъ трудомъ вбродъ черезъ глубокой и илистый заливчикъ, я отыскалъ защищенное мѣсто и засѣлъ тамъ. Съ большимъ интересомъ наблюдалъ я за Миколкой. Сильный вѣтеръ дулъ ему въ лицо, но онъ вѣрно направлялъ свой курсъ, сидя лицомъ къ носу лодки. Онъ плылъ за лебедями и каждую минуту разстояніе между имъ и ними уменьшалось. Вотъ онъ остановился, поднялъ свой лукъ и пустилъ стрѣлу въ одного изъ лебедятъ (уже довольно большую птицу) съ разстояніи сажень въ восемь; въ результатѣ птица бесполезно захлопала крыльями и легла на воду. Мѣсто дѣйствія находилось какъ разъ противъ меня и я видѣлъ, съ какой быстротой онъ выпустилъ стрѣлу и затѣмъ поднялъ птицу въ лодку. Потомъ онъ выпустилъ другую стрѣлу и я видѣлъ, какъ еще одинъ изъ молодыхъ лебедей похлопалъ крыльями на протяженіи

нѣсколькихъ сажень, свѣсилъ голову и остался недвижимъ, въ то время какъ Миколка подѣзжалъ къ нему на лодкѣ. Меня удивило, что такая большая и сильная птица такъ быстро можетъ быть убита стрѣлой.

Затѣмъ—погоня за старыми птицами. Долго Миколка гнался за ними, но вотъ одна изъ птицъ выскочила на другой конецъ озера и убѣжала въ тундру. Разстояніе между мной и нею было велико, но я видѣлъ, какъ бѣжала она и за нею двѣ собаки. Но имъ не удалось ее поймать. Тогда я перебѣжалъ черезъ заливчикъ и самъ побѣжалъ ей на перерѣзъ. Я нашелъ птицу, которая укрылась въ маленькомъ озеркѣ. Я выстрѣлилъ въ нее. Это былъ лебедь (*Cygnus bewicki*). Лукъ, которымъ пользовался Миколка, онъ самъ сегодня сдѣлалъ изъ куска дерева, лежавшаго на берегу.

Вернувшись въ таборъ, мы застали маленькаго Ваньку играющимъ со своимъ оленемъ. Это—старое упряжное животное, которое находится у мальчика въ рабскомъ подчиненіи. Онъ слѣдуетъ за нимъ, какъ собака, и Ванька большую часть дня проводить въ игрѣ съ нимъ. Прежде всего онъ важно подходитъ къ нему, самымъ комическимъ образомъ подражая походкѣ отца; затѣмъ онъ нѣсколько разъ бросаетъ свою маленькую дизгу надъ старымъ оленемъ, (который не протестуетъ), до тѣхъ поръ пока не поймаетъ его за рога. Затѣмъ онъ запрягаетъ, распрягаетъ его и вообще возится съ нимъ по цѣлымъ часамъ. Мальчикъ недостаточно силенъ, чтобы поднять ноги оленя (а это необходимо при запряганіи), но это ничего не значитъ, потому что старый олень отлично понимаетъ, что это—игра, и при одномъ прикосновеніи Ваньки самъ поднимаетъ ноги. Сколько разъ въ теченіе утра приходится это ему дѣлать, было бы трудно сказать, но старый олень никогда не теряетъ терпѣнія.

У Филиппа есть дикая черная кошка, по имени Нарьянъ, которая всѣхъ кусаетъ, но сегодня маленькій Ванька игралъ и съ ней, запрягая ее, какъ оленя, и Нарьянъ покорно сносилъ это.

11 августа. Сегодня мы передвинули нашъ таборъ на три версты на болѣе высокое мѣсто, чтобы уйти отъ оленьяго овода, который сталъ совершенно несносенъ. На этомъ новомъ мѣстѣ я въ первый разъ на Колгуевѣ увидѣлъ родникъ ключевой воды, выходящій изъ мѣста соприкосновенія слоевъ песку и глины. Къ сожалѣнію съ этого мѣста не видно моря, но вечеромъ я поднялся на близъ лежащій холмъ, съ котораго открылся видъ на весь берегъ отъ горъ Песчанки до устья р. Порожистой. Ни слѣда судна я не замѣтилъ и видѣлъ только немного льду.

Гиландъ получилъ сегодня въ подарокъ славнаго маленькаго щенка, который откликается на кличку Тюамукъ, очень умное маленькое существо, несмотря на свой шести-недѣльный возрастъ.

Воскресенье, 12 августа. Сегодня я съ Иваномъ ѣздилъ въ Шарокъ *). Прибывъ туда, я съ удовольствіемъ увидѣлъ, что ледъ совершенно исчезъ. На шести-футовой палкѣ я укрѣпилъ вмѣсто флага кусокъ красной фланели, затѣмъ написалъ вторую записку Повису, и прибилъ ее къ флагштоку, откуда ее лучше будетъ видно. Осмотрѣвъ затѣмъ мой складъ гусей, который оказался немного опустошеннымъ лисицей, мы съ Иваномъ присѣли покурить трубку и понюхать табаку. При этомъ старикъ разсказалъ мнѣ много интересныхъ вещей: почему самоѣды предпочитаютъ бѣлыхъ оленей всякимъ другимъ (ихъ легче видѣть на сѣромъ фонѣ тундры), гдѣ какая водится рыба, что лаксъ-форель заходитъ только въ рр. Гусиную и Кривую, что р. Кривая выходитъ изъ большого озера; онъ разсказывалъ мнѣ о высокихъ горахъ (Совандей и Сичерхуръ), такихъ крутыхъ что на нихъ нельзя взобраться на санихъ, запряженныхъ оленями. Много другихъ вещей разсказывалъ онъ мнѣ, по

---

*) Здѣсь авторъ описываетъ упряжь оленей и способъ управленія ими во время ѣзды, которые мы выпускаемъ, какъ слишкомъ спеціальныя.

не сказалъ одного; онъ не сказалъ, гдѣ находятся гусиная пастбища. Это держится въ тайнѣ у самоѣдовъ.

13 августа. Утромъ мы вернулись въ нашъ таборъ и Иванъ пригласилъ меня пить чай—мой чай—въ свой чумъ. Я замѣтилъ, что мы усѣлись съ гораздо большими церемоніями, чѣмъ обыкновенно и Иванъ, который обыкновенно садится на другой сторонѣ чума, предложилъ мнѣ занять мѣсто на боченкѣ, рядомъ съ нимъ. Я догадался о причинѣ этого. Такъ какъ я далъ имъ настоящаго чаю, они предложили его мнѣ въ настоящихъ чайныхъ чашкахъ. Двѣ чашки были норвежскаго издѣлія, а три съ блюдами—русскаго. Все это они получили въ подарокъ отъ норвежцевъ, потерпѣвшихъ крушеніе на берегахъ Колгуева. Затѣмъ Иванъ разсказалъ мнѣ, что каждый годъ онъ покупаетъ у русскихъ сто пудовъ муки, по два рубля за пудъ и что имя одного изъ этихъ русскихъ, купца изъ города Окшина на р. Печорѣ, было Александръ Сумароковъ; что этотъ русскій и еще другой приходятъ съ востока въ лодкѣ ежегодно и что еслибъ не ледъ, они были бы здѣсь уже десять дней тому назадъ. „Они теперь не придутъ, сказалъ онъ, — очень много льда, лодку раздавить тогда“.

14 августа. Гиландъ страдаетъ головной болью. Маленькій Ванька большой комикъ: весь день онъ ходилъ въ длинныхъ сапогахъ своего отца и говорилъ: „Англія, Англія“, всякій разъ когда проходилъ мимо нашей палатки. Это означало, что онъ походилъ на меня въ моихъ длинныхъ сапогахъ.

Въ моей записной книжкѣ отмѣчено: боченокъ, содержащій триста штукъ соленыхъ гусей, стоитъ десять рублей.

15 августа. Юго-восточный вѣтеръ; термометръ показываетъ въ полдень 16° Р., въ полночь 8° Р., барометръ—754,2 мм. Я вышелъ рано прогуляться къ морю. Прелестное утро,—и мнѣ удалось точно опредѣлить наше географическое положеніе. Олени до-чиста объѣли все мѣсто и Иванъ сказалъ мнѣ, что сегодня мы передвинемъ нашъ таборъ. Въ 5 ч. 15 м. поэтому мы тронулись, въ 6 ч. 45 м.

прибыли на новое мѣсто,—превосходная маленькая возвышенность 150 фут. надъ уровнемъ моря. Нѣсколько къ югу отъ него находится холмъ, съ котораго можно обозрѣвать море и видны даже избы Шарка. Я купилъ у самоѣдовъ три фунта оленьяго жира, по 10 коп. за фунтъ.

Сегодня вечеромъ былъ великолѣпный восходъ луны: на огромной красной овальной лунѣ рѣзко замѣтны были всѣ ея горы и долины. На авансценѣ—тундра, туманъ, клубящійся надъ всѣми низинами, и силуэты пасущихся оленей, рѣзко выдѣлявшіеся на горизонтѣ, дополняли картину, отъ которой я долго не могъ оторваться.

Старая Устинья усиленно работала сегодня, готова подѣлать платье или „паницу“ для молодой Устиньи, которая выходить замужъ за старшаго сына Антипа. Платье состоитъ изъ нѣсколькихъ небольшихъ кусковъ оленьей шкуры, сшитыхъ посредствомъ сухожилій. Сухожилія эти берутся со спины оленей, сушатся, расщепляются на тонкія нити и каждая такая нить предъ употребленіемъ раскатывается между руками, какъ дѣлаютъ это у насъ сапожники со своей дратвой. Жѣнщины употребляютъ иногда костяной наперстокъ на большомъ пальцѣ. Онѣ шьютъ отъ себя, какъ наши парусныхъ дѣлъ мастера. Свои иглы, которыя онѣ получаютъ отъ русскихъ, онѣ держатъ вмѣстѣ съ разными бездѣлушками въ красиво разукрашенныхъ красныхъ мѣшечкахъ.

Старая Устинья попросила сегодня у меня два куска проволоки, чтобы сдѣлать изъ нея вязальныя спицы, и восхищеніе ея было чрезвычайно, когда я далъ ей также пару шерстяныхъ чулокъ.

16 августа. Южный вѣтеръ, термометръ показывалъ въ 7 часовъ утра 16°,5 Р., въ полдень 20° Р. въ тѣни и 24° Р.—на солнцѣ, въ полночь 10° Р., барометръ—760 mm. Ночь была ясная, что совершенно необыкновенно. Словомъ, сегодня самый жаркій день, какой мы имѣли. Я вышелъ въ одной фуфайкѣ; собаки лежали, высунувъ языки; даже самоѣды почувствовали жару и открыли полы въ своихъ чумахъ. Въ

первый разъ развели они огонь на открытомъ воздухѣ. Дѣвушки вышли сегодня въ красныхъ рубашкахъ съ поясомъ, мужчины — тоже. Они носятъ рубашки на выпускъ, какъ русскіе крестьяне. Несмотря на жару, москитовъ сегодня не было, но оводы беспокоятъ по прежнему.

Когда Миколка ѣздилъ сегодня въ „адліурѣ“, его собака поймала молодую красную лисицу; она поранила ее немного и онъ взялъ ее съ собой, связавъ ей ноги и морду кожанымъ ремнемъ. Я сталъ срисовывать ее въ томъ положеніи, какъ она лежала на землѣ, какъ вдругъ она выдернула ноги изъ ремней и пустилась бѣжать въ оврагъ. Моментально всѣ мужчины, женщины, дѣти, собаки бросились за ней. Старая Устинья стояла почти на днѣ оврага, гдѣ собирала снѣгъ, чтобы растопить его потомъ для питья. Услышавъ шумъ и увидѣвъ бѣгущую лисицу, она выпустила свой горшокъ и разставила руки, чтобы схватить лисицу, (которая бѣжала прямо на нее), поймала ее, но поскользнувшись, выпустила изъ рукъ, а сама покатила по оврагу прямо въ грязь, при дружномъ смѣхѣ всѣхъ присутствовавшихъ. Черезъ секунду собаки поймали лисицу, на самомъ днѣ оврага, гдѣ началась свалка, среди ила и снѣга, во время которой бѣдняжка была загрызена на смерть.

Филиппъ работалъ весь день, дѣлая для меня модель саней.

Иванъ съ дочерью Устиньей ѣздили сегодня къ Антипу и вернулись вечеромъ. Устинья имѣла очень величественный видъ, сидя въ новой „паницѣ“, на отцовскихъ саняхъ. Она повезла съ собою мѣшокъ съ разными бездѣлушками.

Я сдѣлалъ продолжительную прогулку, дважды взбирался на холмъ, чтобы посмотреть, не видно-ли „Саксонца“, но миражъ отнималъ всякую надежду на успѣхъ моихъ поисковъ: даже избы съ Шарка казались какими-то огромными укрѣпленіями. Былъ прелестный вечеръ: кроваво-красная луна, насупротивъ заходящаго солнца. Луна опять имѣла странную форму, вслѣдствіе рефракціи, — форму овала, вытяпутаго горизонтально съ зазубренными верхнимъ и нижнимъ

краями. Если разсматривать ее въ мою маленькую трубу, то въ лунныя долины, кажется, совсѣмъ легко выйти,—такъ онѣ явственны. Сегодня вечеромъ пролетѣлъ мимо палатки соколь-дербникъ (*Falco aesalon*). Позади нашей палатки на краяхъ оврага лежитъ красный снѣгъ, окрашенный водорослью *protococcus nivalis*.

Устинья, нужно замѣтить, не правила сегодня своими санями, а сидѣла позади своего отца, такъ какъ отправлялась на помолвку. Молодой Антипъ, за котораго она выходитъ замужъ, недурной молодой человѣкъ, но страшно высокомерный, потому что, такъ какъ его отецъ—самый богатый человѣкъ на Колгуевѣ, онъ считается самымъ завиднымъ женихомъ на островѣ. Интересная подробность этого самоѣдскаго сватовства заключалась въ томъ, что мы никогда не видѣли жениха и невѣсту вмѣстѣ. И никогда не видалъ Антипа младшаго внутри Иванова чума и не помню, чтобъ когда-нибудь онъ и Устинья обмѣнялись другъ съ другомъ хоть парой словъ.

17 августа. Сегодня появились москиты; меня они совсѣмъ не трогали, хотя Филиппа искушали порядкомъ,—это странно. Антипъ долженъ былъ выбрать трехъ молодыхъ оленей изъ нашего стада, какъ часть приданаго, приносимаго Устиньей. Вы можете быть предполагаете, что онъ для этого сѣлъ на свои сани и пріѣхалъ къ намъ посмотреть стадо. Ничуть не бывало: это было бы несогласно съ его достоинствомъ при такомъ случаѣ. Филиппъ съ Миколкой собрали все стадо, состоявшее штукъ изъ пятисотъ и погнали его за двадцать верстъ къ Антипу на верховье р. Великой. Это они сдѣлали сегодня и вернулись обратно со стадомъ.

Гиландъ ходилъ на холмъ съ моей подзорной трубой и вернувшись оттуда, сообщилъ, что въ Шаркѣ виденъ парусъ. Потомъ оказалось, что Миколка тоже видѣлъ его. Иванъ тутъ очень схитрилъ: не зная, что намъ извѣстно о появленіи паруса, онъ рѣшилъ съѣздить и повидаться съ русскими одинъ. По всей вѣроятности ему доставляло удоволь-

ствіе разсказать имъ и поболтать съ ними о насъ, прежде чѣмъ мы встрѣтимся. Я узналъ объ его отправленіи только когда онъ отъѣхалъ милю на двѣ. Тогда я подошелъ къ Филиппу, который сказалъ: „Мой адліургъ—Англій адліургъ; Англія поѣдетъ быстро, да, да“. Но я не намѣревался ска-
кать въ Шарокъ по пустякамъ, такъ какъ мы конечно знали, что парусъ принадлежалъ не „Саксонцу“. Поэтому я написалъ третью записку, которую отдалъ Филиппу, съ по-
рученіемъ оставить въ часовнѣ. Черезъ минуту Филиппъ мчался за своимъ отцомъ.

Сегодняшній день памятенъ по случаю грозы. Съ раз-
ныхъ сторонъ дождь лилъ, какъ изъ ведра и сверкала мол-
нія. Только то мѣстечко, гдѣ мы находились, осталось су-
химъ. Гроза очень напугала бѣдныхъ самоѣдовъ: они были
добрыми христіанами, пока она продолжалась. При каждомъ
блескѣ молніи или раскатѣ грома они набожно крестились.
Старая Устинья вынесла маленькую икону на палкѣ, кото-
рую воткнула въ землю. Въ первые дни нашего пребыванія
съ самоѣдами мы часто видѣли эту маленькую икону (я
думаю, что на иконѣ былъ изображенъ св. Власій Соло-
вецкій), потому что они думали, что мы присланы архан-
гельскимъ губернаторомъ; но въ послѣдніе дни, когда мы
сошлись съ ними ближе, бѣдную маленькую икону держали
въ мѣшкѣ и вынесли теперь только по случаю грозы.

Сегодня Миколка принесъ мнѣ, какъ чудо, обыкновен-
наго земельного червя, котораго нашелъ въ землѣ. Сохранять
мнѣ его для меня не было надобности, но я имъ очень заинтере-
совался. Если принять во вниманіе, что почва въ теченіе семи
мѣсяцевъ изъ двѣнадцати остается замершей, то кажется
страннымъ, что существо, столь высоко специализированное,
какъ земляной червь, и обладающее прямымъ развитіемъ,
можетъ пережить зиму. Но Миколка никогда не видѣлъ
раньше червя, и этотъ экземпляръ вѣроятно принесенъ во-
дою съ верховьевъ оврага.

XIII.

Первыя вѣсти о русскихъ.—Купецъ А. Сумароковъ.—Исторія Сумароковыхъ.—Посѣщеніе горъ Совандэй и Сичерхуръ.—Братья Большаковы.—Самоѣдскіе болваны.

18 августа. Былъ денекъ. Я сидѣлъ у входа въ палатку въ пять часовъ вечера, какъ вдругъ съ тундры послышался необыкновенный лай, который все усиливался и вотъ наконецъ появился Иванъ, возвращавшійся изъ Шарка. Онъ былъ совсѣмъ пьянъ. „Мой русскій пріѣхалъ“, кричалъ онъ громкимъ голосомъ, повторяя это восклицаніе сотни разъ, пока наконецъ не подтѣхалъ, и тогда вывалился изъ сапей совершенно безпомощный. Ему помогли войти въ чумъ, гдѣ онъ скоро оправился и болтливо сталъ разсказывать о своемъ визитѣ. Я могъ бы услышать все, но у меня не хватало духу войти въ чумъ, непріятно было видѣть нашего добраго друга въ такомъ состояніи. Отъ времени до времени онъ звалъ меня, но я не приходилъ. Наконецъ онъ пошелъ спотыкаясь къ моей палаткѣ и ввалился въ нее. „Мой русскій“, говорилъ онъ въ промежуткахъ между крикомъ и смѣхомъ, „руссскій Ивана пріѣхалъ въ Шарокъ! Мой русскій очень хорошъ, да, да. Мой русскій сказалъ: я хочу видѣть Гиламъ и Англія; нѣтъ, два Англія; я дамъ имъ чай, сахаръ, табакъ; я дамъ все, да, да. Мой хорошій русскій, да, да!“—„Два Англія“ обозначали, что русскіе пытались объяснить ему, кто мы были. Онъ такъ надоѣлъ мнѣ, что я попросилъ его жену придти и увести его. Бѣдный Гиландъ, который теперь ушелъ, по возвращеніи въ свою очередь подвергся новому посѣщенію. Боюсь, что онъ отнесся къ этому добродушнѣе, чѣмъ я.

Немного спустя въ мою палатку вошелъ маленькій Ванька съ первымъ письменнымъ приглашеніемъ, какое я получилъ на Колгуевѣ. Оно было очевидно плодомъ усилія Миколки и гласило слѣдующее: „Иванъ желать чуму“, т. е. Иванъ приглашаетъ васъ въ чумъ.

Я съ Гиландомъ пошли. Былъ сервированъ чай. Меня посадили на почетное мѣсто, по правую руку Ивана. Былъ предложенъ чай въ настоящихъ чашкахъ, сахаръ, заплѣсневѣлые калачи и водка. То было самоѣдское пиршество, хотя водка была причиною многихъ печальныхъ вещей, случившихся сегодня вечеромъ. Но я замѣтилъ, что Миколки не было здѣсь. Я долженъ былъ взять стаканъ, чтобы отвѣдать водки и доставить удовольствіе этимъ бѣднымъ людямъ, и какъ Гиландъ мнѣ потомъ сообщилъ, Филиппъ сказалъ, что я совсѣмъ какъ Миколка, который никогда не пьетъ больше одного стакана. Это сообщеніе относительно Миколки оказалось вѣрнымъ. Это очень замѣчательно для полу-дикаря, но Миколка вообще замѣчательный паренъ.

Говоря правду, водка была такъ отвратительна, что будь мы съ Гиландомъ страстные любители спиртныхъ напитковъ, мы мигомъ отучились бы отъ своей страсти. Я скоро вышелъ подъ какимъ-то предлогомъ, такъ какъ мнѣ хотѣлось ускользнуть отъ этого жалкаго зрѣлища на чистый воздухъ. Я прошелся немного къ сѣверу, до маленькаго оврага, гдѣ остановился. Одна сторона его была покрыта снѣгомъ другая—травою и цвѣтами. Здѣсь я нашелъ нѣсколько ягодъ спѣлой малины и великолѣпную *Vergonia longifolia*. Затѣмъ наступилъ густой туманъ, въ то время какъ я находился среди цѣлаго лабиринта овраговъ. Но повидимому у меня сильно развился „домашній инстинктъ“, потому что я пошелъ прямо назадъ, хотя увидѣлъ чумъ не прежде, когда очутился отъ него всего въ нѣсколькихъ саженьяхъ.

Воскресенье, 19 августа. Наши друзья выздоравливали сегодня послѣ вчерашняго пиршества. Поймали оленя арканомъ, чтобы заколотъ его въ пишу русскимъ. Я попросилъ старую Устинью подоить его для меня и нашелъ молоко превосходнымъ: оно походило на сливки. Но самоѣды говорили: „Нѣтъ, нѣтъ, не хорошо; очень плохо, да, да“. Странно, что они не употребляютъ оленьяго молока, между тѣмъ лопари, какъ намъ говорили, пьютъ его съ удовольствіемъ

Миколка каждый день беретъ у меня уроки англійскаго языка. Англійскія слова онъ пишетъ русскими буквами и запоминаетъ очень хорошо.

20 августа. Наконецъ наше пребываніе съ нашими простыми друзьями окончилось. Мы должны были уйти изъ ихъ общества и присоединиться съ сегодняшняго дня къ русскимъ. Мы процессіей отправились къ Шарку. Двое саней были нагружены нашими вещами. Съ нами отправилась Катерина съ ребенкомъ и старая Устинья въ красномъ русскомъ сарафанѣ. Результатъ вышелъ поразительный, такъ какъ она надѣла его поверхъ своей старой мѣховой „панци“, благодаря чему пуговицы на немъ не сходились. Она имѣла очень смѣшной видъ, совсѣмъ какъ ворона въ павлиньихъ перьяхъ. На однѣхъ саняхъ правилъ Филиппъ, на другихъ я. Мы быстро пріѣхали въ Шарокъ. Видъ избъ уже измѣнился; разложены были костры и вокругъ нихъ лежала разная утварь и бездѣлушки. На вершинѣ мачты развѣвался флагъ изъ красной фланели.

Первое лицо, которое насъ встрѣтило, былъ самъ купецъ, Александръ Сумароковъ. Признаюсь, я былъ пріятно изумленъ. Я ожидалъ увидѣть какого-нибудь низкаго злодѣя торговца, а вмѣсто того передъ нами стоялъ красивый, загорѣлый, чернобородый человѣкъ, съ ясными провидательными сѣрыми глазами и манерами, указывающими на полное самообладаніе. Я мало говорилъ съ нимъ на первый разъ, чтобы произвести на него впечатлѣніе, будто мы совершенно отъ него не зависимъ.

Бѣдный Иванъ былъ очень разочарованъ. Ему очевидно хотѣлось показать насъ во всемъ блескѣ; но предосторожность—дѣло нелишнее, пока не знаешь почвы, и мнѣ казалось, что такъ какъ, быть можетъ, намъ придется заставить Сумарокова взять насъ съ собой, то лучше держаться насторожѣ, пока его хорошо не узнаешь. Поэтому я сказалъ: „Какъ вы поживаете?“—какъ будто бы мы съ нимъ часто встрѣчались. Затѣмъ я представилъ Гиланда. Красивая, мощная фигура и свѣжее англійское лицо послѣдняго ему

очевидно очень поправились. Я немедленно принялся за перетаскиваніе нашихъ пожитковъ на прежнее наше лагерное мѣсто. Прежде чѣмъ идти туда, я задалъ ему только одинъ вопросъ: „Долго вы пробудете на Колгуевѣ?“—и Александръ Сумароковъ отвѣтилъ: „мѣсяць“.

21 августа. Теперь пора сообщить кое-какія свѣдѣнія объ этихъ русскихъ купцахъ, съ которыми мы должны были жить.

Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ происходила значительная торговля между жителями Мезени, Индиги и Печоры съ одной стороны и колгуевскими самоѣдами съ другой. Самоѣды жили здѣсь повидимому всегда. По крайней мѣрѣ, въ ихъ преданіяхъ я не могъ найти указаній на время, когда они не были обитателями острова. Они были очень полезны русскимъ торговцамъ. Они не только доставляли имъ шкуры бѣлыхъ медвѣдей, моржей и тюленей, пухъ и перья гусей и утокъ, но были также пастухами оленьихъ стадъ, принадлежавшихъ русскимъ. Изъ оленьихъ стадъ самоѣды обладали лишь нѣкоторою частью, а остальная часть принадлежала или исключительно русскимъ, или составляла совмѣстную собственность самоѣдовъ и русскихъ. Въ тѣ времена на островѣ было, по словамъ Александра Сумарокова, не менѣе 25,000 оленей, изъ которыхъ 10,000 принадлежали одному русскому, Алексѣю. Но вотъ между оленями появился моръ, который сталъ производить ужасныя опустошенія: олени падали тысячами. Торговля съ Колгуевымъ была парализована и наконецъ прекратилась. Нынче мезенскіе и индигскіе торговцы ничего не расскажутъ вамъ о Колгуевѣ. Они не знаютъ, есть-ли тамъ самоѣды или нѣтъ, а если есть, то живутъ-ли они тамъ постоянно, или появляются тамъ лишь временно, въ лѣтніе мѣсяцы. Они ничего не знаютъ. Эта страница ихъ исторіи изгладилась совершенно изъ ихъ памяти.

Но случилось, что двое братьевъ Сумароковыхъ, купцовъ изъ Окшина, городка на Печорѣ, продолжали ходить на островъ. Почему они не прекратили своихъ поѣздокъ? Очень

просто: теперь конкуренція уменьшилась, и они могли получать у самоѣдовъ всю добычу ихъ охоты въ обмѣнъ на ситецъ, нюхательный табакъ и чай.

Сумароковы давно уже умерли, но ихъ сыновья, Алексѣй и его двоюродные братья Александръ и Иванъ (нынѣ умершіе) продолжали ихъ дѣло; Александръ и былъ тотъ, котораго мы встрѣтили. Въ первый разъ Александръ пріѣзжалъ съ отцомъ на Колгуевъ десятилѣтнимъ мальчикомъ, тридцать пять лѣтъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ онъ не пропускалъ ни одного года, чтобъ не посѣтить островъ.

Сегодня вечеромъ мы получили отъ Сумарокова приглашеніе на чай. Приглашеніе было принесено намъ Яковомъ Поповымъ, слугою Сумарокова. Это былъ комическій субъектъ. У него былъ носъ картофелиной, маленькіе блестящіе сѣрые глаза и длинные, прямые, рыжевато-желтые волосы. Онъ служилъ въ солдатахъ и очень гордился своей мускульной силой, хотя на самомъ дѣлѣ былъ не очень силенъ. На него смотрѣли какъ на оракулъ, такъ какъ онъ бывалъ въ Петербургѣ.

Александръ принялъ насъ въ своей избѣ, гдѣ угостилъ насъ сырой лососиной, сырой камбалой, молокомъ и водкой; затѣмъ вареной камбалой, вареной олениной, ромомъ и чаемъ. Мы долго оставались у него, и онъ рассказывалъ намъ много разныхъ вещей. Онъ говорилъ, что боится, не погибъ ли его двоюродный братъ Алексѣй во льдахъ, потому что онъ выѣхалъ съ Печоры въ началѣ іюня и съ тѣхъ поръ о немъ ни слуху, ни духу!

21—24 августа. Всѣ эти дни прошли безъ всякихъ выдающихся событій. Въ первый день мы набрали полную жестянку морошки, не совсѣмъ, впрочемъ, спѣлой. На слѣдующій день пріѣхалъ Миколка и привезъ съ собою мою модель сапей съ полнымъ комплектомъ миниатюрной упряжи. На слѣдующій день къ нашему складу гусей подходила голубая лисица, но, найдя мѣсто занятымъ, удалилась.

25 августа. Въ этотъ день рѣшено было, что я отправлюсь посѣтить высокія горы. Александръ, которому принад-

лежала часть оленей въ стадѣ Ивана, имѣлъ еще стадо головъ въ двѣсти, пастбище котораго находилось на холмахъ у истоковъ р. Губистой. Этими оленями завѣдывалъ Маркъ второй (не нашъ старый другъ), котораго мы раньше не видали. Послѣ полудня онъ отправлялся за оленями— на двухъ саняхъ.

У Гиланда былъ такой ознобъ, что онъ не могъ подняться цѣлый день. Мнѣ иногда представлялось, что, будь у него побольше рѣшимости, онъ могъ бы стряхнуть съ себя свои болѣзти. Я сказалъ Александру, что онъ нездоровъ, что его знобитъ, и не зная, какъ назвать ознобъ по-русски, объяснилъ, что холодъ и сырость подѣйствовала на него.

— А,—сказалъ Александръ,—понимаю, онъ *простудился*.

Слово это показалось мнѣ очень забавнымъ. Я пошелъ къ Гиланду и, войдя къ нему въ палатку съ серьезнымъ лицомъ, сказалъ:—„Гиландъ, вамъ очень плохо. Въ этомъ нечего сомнѣваться. Ваша болѣзнь не что иное, какъ *простудился!*“.

— Прос..., какъ сэръ?—спросилъ Гиландъ въ безпокойствѣ.

— Простудился—повторилъ я,—русская болѣзнь.

— Боже мой!—сказалъ бѣдный Гиландъ, поблѣднѣвъ,—какъ же я могъ схватить эту болѣзнь?

— Не знаю,—сказалъ я,—какъ вы ее схватили, но она у васъ есть. Я уѣзжаю теперь на день или на два, и съ вами некому будетъ няньчиться; вы сами должны стряхнуть ее съ себя. Главное, что вамъ требуется, это—хорошая прогулка ежедневно. Она скоро поставитъ васъ на ноги.

Затѣмъ я отправился. Мы поѣхали на ю.-з., пересѣкши р. Барочную, по болотистой мѣстности, постепенно превращающейся въ возвышенность. Здѣсь мы были застигнуты грозой, и старый Маркъ часто останавливался, чтобы почерпнуть мужество изъ бутылки водки. Я попробовалъ прочесть ему маленькую лекцію объ умѣренности. „Маркъ,—сказалъ я,—водка не хорошо.—Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ, не

хороша русская водка, не хороша“, и затѣмъ приложился опять. И послѣ того, всякій разъ какъ глоталъ водку, опъ качалъ головой и говорилъ глубокомысленно: „русская водка не хороша, нѣтъ, нѣтъ, не хороша“.

Такъ мы ѣхали, постепенно подымаясь на возвышенность, до тѣхъ поръ, пока не достигли самоѣдской палатки, одиноко стоявшей у маленькаго озера. Въ ней я нашелъ старуху, которая предложила мнѣ прекрасную бѣлую оленью шкуру. Я настоялъ, чтобъ они спали на открытомъ воздухѣ. Послѣдніе два часа шелъ такой сильный дождь, что земля была совершенно мокрая. Но когда я потомъ выползъ посмотреть, что дѣлается съ моими стариками, я нашелъ ихъ храпящими, закутавшись въ шкуры.

Воскресенье, 26 августа. Забрезжило утро, такое чудесное и ясное, что я пошелъ прогуляться и знакомиться съ мѣстностью, которая носила все тотъ же характеръ, каменистые хребты, покрытые торфомъ въ лощинахъ и по склонамъ и рѣчка, вьющаяся между ними.

Когда я вернулся съ прогулки, Маркъ съ своей старухой загоняли оленей. Они вдвоемъ управляютъ со стадомъ изъ трехсотъ оленей, ничуть не хуже, чѣмъ Иванъ со своимъ многочисленнымъ семействомъ. Старуха ѣздитъ на адліургсѣ, объѣзжаетъ стадо въ сопровожденіи собакъ, вскакиваетъ и выскакиваетъ изъ саней, какъ молоденькая дѣвушка. Я снялъ съ нее портретъ въ избѣ Александра съ пузырькомъ въ рукѣ. Эти пузырьки, въ которыхъ они держатъ водку, не что иное, какъ стеклянные шары, которые употребляются скандинавскими рыболовами, какъ поплавки для сѣтей, и которые выбрасываются моремъ на берега Колгуева.

Затѣмъ мы снова тронулись въ путь. Мы пересѣкли р. Пушную, въ 21-ой верстѣ отъ залива и 3 хъ верстахъ отъ устья. Вскорѣ послѣ этого мы подѣхали къ горѣ Хопорохуръ, которую русскіе называютъ Лодка, какъ я объяснялъ въ первой главѣ. Я взобрался на вершину, которая возвышается футовъ на 100 надъ окружающею мѣстностью. Съ вершины открывался превосходный видъ: на западѣ ле-

жали горы р. Губистой, а на югѣ сверкало на солнцѣ большое озеро Промойное.

Часъ спустя мы достигли горы Совандэй, съ ея замѣчательнымъ кратеромъ размыва. Какъ я говорилъ выше, на горѣ этой, кромѣ песку, не видно никакихъ горныхъ породъ. Въ полдень мы отъѣхали отъ нея и направились на юго-западъ, все ниже и ниже спускались, пока не достигли р. Губистой, текущей на западъ. Въ трехъ верстахъ отъ нея мы достигли Кривого озера, истока р. Кривой, у устья которой, какъ помнитъ читатель, я съ Повисомъ совершилъ первую высадку 16-го іюня. Оно некрасиво само по себѣ, имѣетъ четырехугольную форму, въ одну милю шириною и около полуторы мили длиною. Въ немъ водится много рыбы. Не успѣли мы объѣхать его и на половину, какъ очутились возлѣ чума старшаго изъ братьевъ Большаковыхъ, который предложилъ намъ боченокъ соленой рыбы. Онъ говорилъ, что рыба очень хороша, но пахла она отвратительно: самоѣды не даютъ себѣ труда солить рыбу, прежде чѣмъ она не успѣла испортиться. Рыба эта—сиги, и кромѣ того въ озерѣ водятся также гольцы, которые заходятъ въ него изъ моря. Глубина озера, по словамъ Большакова, около 22-хъ футовъ.

Обогнувъ озеро, мы опять направились къ горамъ, дважды пересѣкли р. Губистую и держали путь на Сичерхуръ, одно изъ четырехъ священныхъ мѣстъ на Колгуевѣ. Остальные три: Болванскія горы, Песчаная горы и Песчаное озеро.

Гора Сичерхуръ, самый высокій пунктъ на Колгуевѣ, представляетъ изъ себя коническій холмъ, поднимающійся надъ уровнемъ моря на 150 футовъ, а надъ окружающей мѣстностью на 100 футовъ. Какъ я говорилъ уже раньше о ней, своей формой она напоминаетъ старинный курганъ. На вершинѣ находятся два очень старыхъ деревянныхъ болвана, слишкомъ большихъ для того, чтобъ я могъ ихъ унести, и много остатковъ оленей. Это—священное мѣсто Нума. Я думаю, что этотъ Нумъ—древній богъ всѣхъ около полярныхъ расъ; что онъ—общій эскимосамъ, чукчамъ,

остякамъ и самоѣдамъ. Въ прежнее время, когда самоѣдъ умиралъ, трупъ его клали прямо на тундру, а пѣкоторые изъ принадлежавшихъ ему вещей относили на священныя мѣста, какъ знакъ того, что онъ дѣйствительно умеръ. Старый Маркъ ужасно боялся, что я, невѣрующій, хочу посѣтить это мѣсто. Онъ думалъ вѣроятно, что гиѣвъ Нума падеть на меня и быть можетъ на него, такъ какъ онъ привелъ меня. Поэтому, привязавъ оленей у подошвы горы, онъ распростерся на землѣ и схоронилъ лицо свое во мху. Пока я медленно влѣзалъ на гору, я нѣсколько разъ оглядывался, но всякій разъ видѣлъ старика въ томъ же положеніи. Достигнувъ вершины, плоской и круглой, имѣющей около двадцати сажень въ поперечникѣ, я сначала тщательно изслѣдовалъ двухъ старыхъ болвановъ, затѣмъ обратился къ виду. На югѣ поднимались Совандэй и Ховоронгуръ, на юго-западѣ лежало Кривое озеро, у подошвы горы между травою вилась тоненькая рѣка Губистая; непосредственно подмною двое саней, запряженныхъ оленями и старый Маркъ, лежащій неподвижно, какъ старый сѣрый камень, спрятавъ лицо въ мохъ. Онъ не двинулся, пока я спустившись не подошелъ къ нему и не тронулъ его за плечо. Тогда, не поворачивая головы, съ лицомъ, отвращеннымъ отъ священнаго холма, онъ поднялся и мы поѣхали. Когда мы вернулись къ нашей палаткѣ, застали тамъ молодого Калинпу съ его женой и ребенкомъ. Они раскинули свою маленькую палатку рядомъ съ нашей. Ужинъ, предложенный Маркомъ, былъ прекраснымъ образчикомъ нашего пропитанія во время пребыванія русскихъ. Было подано пять блюдъ: 1) чай, морошка и калачъ; 2) сырая испорченная соленая рыба; 3) жареная оленья грудинка (очень вкусная), 4) вареная испорченная соленая рыба; 5) вареная оленина и черный хлѣбъ.

27 августа. Рано утромъ я совершилъ прелестную прогулку по р. Пушной. Ярко свѣтило солнце. Я собралъ много новыхъ цвѣтовъ: большой лютикъ, прелестную гвоздику (*Dianthus supersbus*) и *Gentiana verna*. Въ полдень мы отпра-

вились обратно въ Шарокъ, гдѣ къ своему сожалѣнію я узналъ, что Гиландъ все еще боленъ.

28 августа. Сегодняшній день достоинъ замѣчанія. Онъ былъ вѣтреный и дождливый и мой второй термометръ разбился, ударившись о палатку. Теперь, прощай, мои метрическія наблюденія.

Александръ, предложивъ мнѣ упряжку для поѣздки на р. Пушную, рѣшилъ тоже отправиться. Я попросилъ молодого Антипа, который находился здѣсь, править моими оленями, такъ какъ на опытъ убѣдился, что трудно одновременно дѣлать наблюденія инструментами для нивелировки, заносить замѣтки и присматривать за упряжкой. Антипъ оказался не только высококомѣрнымъ, но, что еще хуже, высококомѣрно-глупымъ. Несмотря на мои предостереженія, что теперь приливъ, онъ въѣхалъ въ рѣчку и не только самъ вымокъ, но вымочилъ и меня, мое ружье и все, что я имѣлъ съ собою. Мы пересѣкли р. Пушную въ разстояніи 4-хъ верстъ отъ ея устья и затѣмъ двинулись къ послѣднему. Здѣсь мы пашли три старыхъ избы и три амбара; въ одной изъ избъ была прекрасная кирпичная печь. Александръ сказалъ мнѣ, что кирпичи для печи были привезены съ Печоры его покойнымъ братомъ. Александръ состоитъ нынѣ опекуномъ своего маленькаго племянника, оленя котораго находятся въ завѣдываніи Марка. Главная достопримѣчательность устья р. Пушной составляетъ хорошенькая маленькая часовня, построенная много лѣтъ тому назадъ Алексѣемъ Сумароковымъ (тѣмъ, который былъ собственникомъ десяти тысячъ оленей). Я не упомянулъ, что съ нами былъ Миколка. И вотъ онъ, Антипъ и Александръ провели цѣлый часъ въ зажиганіи свѣчей передъ иконой и куреніи ладона. Свѣчи, которыя они ставили, оплавивъ ихъ концы, постоянно падали, а Александръ многократно крестился и говорилъ молитву, причемъ два самоѣда стояли позади него, какъ причетники, и копировали всякое его движеніе. Послѣ этого мы отправились обратно.

29 августа. Сегодня происходилъ большой мѣновой торгъ. Прибыло много самоѣдовъ, которые обмѣнивали шкуры на нюхательный табакъ, матеріи и пояса, сотканные изъ красной шерсти.

30 августа. Вчерашній вѣтеръ свирѣпствовалъ всю ночь и дождь лилъ ливня. Наша непромокаемая палатка промокла насквозь. Поэтому мы переселились въ пустую избу, принадлежащую Алексѣю Сумарокову, двоюродному брату Александра. Я потратилъ сдѣсь три или четыре часа на затыканіе щелей и просаливаніе бумаги, которою заклеилъ открытое оконное отверстіе. Я не ощущалъ особеннаго холода и сырости, но Гиландъ, у котораго болѣли всѣ сочлененія, очень жаловался на нихъ и потому или лежалъ въ постели, или, дрожа всѣмъ тѣломъ, сидѣлъ у костра, разведеннаго невдалекѣ отъ избы. Я боялся, что у него ревматическая лихорадка. Потомъ мы достали оленьи шкуры и устроились довольно комфортабельно въ сухомъ уголѣ избы. Сегодня весь день стрѣляли молодыхъ оленей. Самоѣды очень хотѣли, чтобы я помогалъ имъ, но, застрѣливъ три штуки, я нашелъ, что этого довольно. Застрѣлено было сегодня семьдесятъ пять штукъ, а матери такъ жалобно ревѣли. Женщины снимали шкуры и разрубали животныхъ на части съ замѣчательной быстротой.

31 августа. Опять дождь и вѣтеръ. Ночью Маркъ погналъ все стадо обратно къ р. Пушной на пастбище, но девятнадцать бѣдныхъ самокъ вернулись и долго бродили вокругъ съ жалобнымъ ревомъ. Сегодня осталъная часть стада была приведена обратно и двадцать пять телятъ были застрѣлены или пойманы дизгой. Андрей, второй слуга Александра Сумарокова, игралъ сегодня на гармоникѣ и вмѣстѣ съ Яковомъ напѣвалъ въ носъ негармонично.

1 сентября. Мы развели прекрасный костеръ возлѣ избы и я провелъ большую часть дня въ сушкѣ мелкихъ вещей. Работа довольно кропотливая, такъ какъ приходилось повѣсить ихъ надъ самымъ костромъ и если не наблюдать, они легко могутъ загорѣться отъ искръ. Гиландъ, ползавъ-

шій вокругъ костра, имѣлъ такой жалкій видъ, что я прогналъ его наконецъ на прогулку. Онъ пошелъ и вернулся черезъ часъ, говоря, что согрѣлся, — вещь, для него необычная.

Сегодня посѣтили меня трое братьевъ Большаковыхъ. Войдя прямо въ избу, они молча сѣли, нюхая табакъ. Я продолжалъ писать и не обмѣнялся съ ними ни единымъ словомъ въ продолженіе вѣроятно получаса. Наконецъ я закрылъ свою записную книжку и спросилъ, чему я обязанъ этимъ посѣщеніемъ. „Болвана гора“; сказалъ старшій сынъ; — „Да“, отвѣтилъ я, „Болвана гора. Ну такъ чтожъ изъ этого“? Оказалось, что, узнавъ о томъ, что старый Маркъ возилъ меня на гору Сичерхуръ, они думали, что быть можетъ я захочу посмотрѣть еще и Болванскія горы. Я готовъ былъ согласиться на это. Мы отправились бы завтра, ночь я провелъ бы въ ихъ чумѣ и на слѣдующій день мы пріѣхали бы къ этимъ горамъ. Я былъ очень удивленъ этимъ предложеніемъ, но дѣло выяснилось, когда Александръ, вернувшись ко мнѣ на минутку, объяснилъ, что эти Большаковы люди бѣдные; что они вели небольшую торговлю съ его двоюроднымъ братомъ Алексѣемъ, который теперь по всей вѣроятности погибъ во льдахъ и что, завезя меня въ свой чумъ, они надѣются продать мнѣ что-нибудь. Я конечно не намѣренъ былъ вступать съ ними въ торговые сношенія, но рѣшилъ все-таки извлечь нѣкоторую выгоду изъ этого случая. Я сказалъ имъ, что отправлюсь съ ними и заплачу имъ пять рублей (разстояніе было большое и мнѣ казалось неловко дать меньше), но подъ однимъ условіемъ, а именно что они дадутъ или продадутъ мнѣ маленькаго болвана одного изъ тѣхъ, которыхъ они носятъ подъ одеждой. При этомъ предложеніи старый Большаковъ, отецъ, всталъ, „У мой сынъ нѣтъ болвана, — сказалъ онъ, — мой сынъ христіанинъ“. Они все еще относились ко мнѣ подозрительно, благодаря губернаторскому письму, они принимали меня за чиновника и боялись, что я донесу на нихъ за идолопоклонство. „Пустяки, — сказалъ я, — конечно у него есть болванъ;

у каждого самоѣда есть болваны". — „Мой сынъ болванъ зарытъ, да, да, зарытъ! Болванъ не хорошъ, — настаивалъ старикъ. — „О, если такъ, — сказалъ я имъ, — наше условіе не состоится“.

Мнѣ нечего продолжать. Тѣ, кто знаетъ нравы дикарей, можетъ самъ дополнить подробности. Болтовня эта продолжалась долго. Наконецъ я сказалъ имъ „до свиданья“ и принялся снова писать. Я писалъ съ полчаса среди гробового молчанія. Затѣмъ они стали шушукаться между собой и старикъ вышелъ: повидимому они пришли къ какому-то соглашенію. Младшій сынъ пошарилъ у себя подъ одеждой и вытащилъ оттуда маленькую раскрашенную бую, которую подалъ мнѣ сказавъ: „Я — хорошій христіанинъ; мой болванъ — твой болванъ; да, да“. Я посмотрѣлъ на него. Онъ немного протестовалъ, когда я снялъ шапочку съ лица болвана. На видъ онъ былъ совершенно новый, но, по словамъ самоѣда, былъ двадцать лѣтъ тому назадъ. „Нѣтъ“, — сказалъ я, „онъ слишкомъ чистъ; мнѣ нуженъ грязный болванъ“. Тогда, послѣ, впрочемъ, продолжительной болтовни, старшій сынъ принесъ мнѣ второго болвана. Ни въ томъ, что онъ грязенъ, ни въ томъ, что онъ старъ, сомнѣнья не было. Лицо его, не смотря на то, что всегда оставалось покрытымъ, было такъ изношено, что черты почти совсѣмъ изгладились: дерево, первоначально окрашенное, было теперь совершенно черное. Самоѣдъ сказалъ, что его отецъ далъ ему этого болвана тридцать лѣтъ тому назадъ; что онъ принадлежалъ еще отцу его отца и что онъ не знаетъ, кто сдѣлалъ его; но онъ былъ очень, очень старъ „о, боль-

Самоѣдскіе идола.

*,

ше, чѣмъ сто лѣтъ". Сто у самоѣдовъ означаетъ какой-то огромный промежутокъ времени, превосходящій всѣ вычисления. Онъ сказалъ, что болванъ этотъ сносилъ ужъ много платьевъ. Я могъ повѣрить всему этому, такъ какъ онъ походилъ на маленькую старую грязную мумію. Такимъ образомъ торгъ былъ заключенъ, я получилъ болвана,—и друзья мои ушли.

Сегодня за вечернимъ чаемъ Александръ предложилъ мнѣ pour la bonne bouche вареный глазъ оленя. Онъ очень удивился, когда я отказался, но, впрочемъ, не былъ особенно разочарованъ, такъ какъ съѣлъ его самъ.

Воскресенье, 2 сентября. Наконецъ шестидневный вѣтеръ затихъ. Такъ какъ сегодня воскресенье, то русскіе засвѣтили свѣчи въ часовнѣ и сожгли много ладана. Бѣдные темные самоѣды продѣлывали самые удивительные поклоны и колѣнопреклоненія, стоя позади Александра, который совершалъ богослуженіе. Затѣмъ мы испекли лепешки изъ муки и воды и нашли ихъ очень вкусными. Я еще ничего не говорилъ объ Анкѣ, старшей дочери Ивана. Она была вдова и находилась въ услуженіи у Александра, въ городѣ Окшинѣ на Печорѣ. Старая женщина на видъ (хотя ей было еще не болѣе тридцати лѣтъ), она постоянно возилась съ горшкомъ и костромъ и была воплощенная доброта. Она все готова была сдѣлать для меня и Гиланда и постоянно смѣялась надъ нашей безпомощностью. Каждый годъ она пріѣзжала на Колгуевъ, чтобы прислуживать Александру и повидаться со своими друзьями.

Вечеромъ я отправился съ братьями Большаковыми. Ихъ чумъ находился всего въ десяти верстахъ отсюда. Первые 5 верстъ мы сдѣлали въ 25 минутъ, послѣднія—въ 35 минутъ, потому что сначала мы ѣхали крупной рысью, а потомъ—мелкой. Эти цифры даютъ представленіе о быстротѣ ѣзды на оленяхъ въ лѣтнее время. Чумъ, въ который мы пріѣхали, былъ ужасенъ: грязный, дырявый и очень маленький, онъ имѣлъ не болѣе двѣнадцати футовъ въ поперечникѣ, потому что, когда я растянулся, чтобы заснуть, мои

ноги достигали до костра; поэтому мы послали мальчиков за водой, чтобы залить костеръ. Въ этомъ жалкомъ помѣщеніи находилось нѣсколько собакъ и девять человѣкъ, кромѣ меня: четыре брата, четыре маленькихъ сына старшаго изъ нихъ и маленькая дѣвочка. Къ ужину подали чай со спѣлой морошкой и вареную оленину. Какъ особенный деликатесъ, мнѣ предложили холодную печенку. Жена хозяина умерла и, какъ бываетъ во всѣхъ домахъ, гдѣ нѣтъ женщины, въ хозяйствѣ былъ полный безпорядокъ.

Зажегши сальникъ *), т. е. лампу, самоѣды стали пѣть пѣсни, а затѣмъ легли спать. Я спалъ очень мало, такъ какъ меня беспокоили собаки и блохи.

XIV.

Посѣщеніе «болванной» горы.—Кража болвана.—Приѣздъ Алексѣя Сумарокова.—Царскій праздникъ.—Недоразумѣніе изъ-за болвана.—Отъѣздъ съ Колгуева.—Возвращеніе экспедиціи домой.

3 сентября. Проснулся я вслѣдствіе всѣхъ этихъ неудобствъ раньше другихъ. Вчерашній сильный вѣтеръ прекратился и почва, равно какъ и покрывавшая ее вода, замерзли. Мы позавтракали въ восемь часовъ и затѣмъ отправились. На завтракъ мы имѣли оленій жиръ изъ лампы, который съѣли съ чернымъ хлѣбомъ—блюдо, правда, не изысканное, но за то экономичное. Затѣмъ Вавила, старшій братъ, повелъ меня къ Болванной горѣ, которую они называютъ соборомъ. На ней я нашелъ девятнадцать болвановъ или идоловъ. Они были не воткнуты въ землю, а лежали рядышкомъ. Нѣкоторые были сравнительно новы, но большинство были очень, очень стары, совершенно сѣры отъ выросшихъ на нихъ лишайевъ. Всѣ они имѣли одинаковое лицо и одни и тѣ же поперечныя насѣчки (изображав-

*) Чашка, наполненная оленьимъ саломъ, въ которомъ воткнуть кусокъ веревки вмѣсто свѣтильни.

Прим. Автора.

шія ребра). Здѣсь-же находились: маленькія сломанныя сани, ложка и остатки боченка изъ-подъ муки—умиловительные дары отъ друзей покойниковъ. Мнѣ, конечно, очень хотѣлось взять нѣсколько вещей отсюда, но это оказалось труднымъ. Поведеніе Вавилы очень отличалось отъ поведенія стараго Марка: вмѣсто того, чтобы лежать у подошвы холма, онъ взобрался на него вмѣстѣ со мною и, обратившись лицомъ къ солнцу, сталъ совершать поклоны и протирать руки, бормоча цѣлый рядъ словъ, смыслъ которыхъ я не могъ уловить. Однако, я чувствовалъ, что онъ смотритъ за мною все время, потому что, лишь только я протягивалъ руку къ болванамъ, онъ быстро поворачивался съ хитрымъ выраженіемъ лица. Но я перехитрилъ его: я предложилъ ему папироску, скрутивъ ее изъ листка, вырваннаго изъ моей записной книжки и въ тотъ моментъ, пока онъ закуривалъ, незамѣтно сунулъ въ карманъ маленькаго болвана и ложку.

На обратномъ пути мои сани задѣли за ледяной торосъ и одна сторона ихъ сломалась, но Вавила въ четверть часа поправилъ ее и мы отправились дальше. Я довольно хорошо познакомился съ братьями Большаковыми и ихъ чумомъ и потому отправился прямо въ Шарокъ. Гиланду было лучше и онъ принялъ предложеніе Филиппа и Катерины ночевать въ ихъ чумѣ, стоящемъ теперь у р. Порожистой. Въ Шаркѣ же я нашелъ все семейство Ивана. Въ этотъ день были убиты семьдесятъ шесть Ивановыхъ телятъ и эти 76 телятъ были освѣжеваны, по словамъ Гиланда, четырьмя человѣками въ продолженіе шести часовъ, что Гиландъ (не практиковавшійся, впрочемъ, въ этомъ искусствѣ) находилъ очень быстрой работой.

Въ избѣ Александра большая радость, потому что у входа въ Шарокъ показался парусъ, который не могъ быть ничѣмъ инымъ, какъ парусомъ Алексѣя. Позже, когда его судно стало на якорь, оказалось, что, послѣ своего отъѣзда въ іюнѣ изъ Окшина, онъ медленно шелъ вдоль береговъ, ведя торгъ съ материковыми самоѣдами.

Сегодня вечеромъ я сидѣлъ за чаемъ въ избѣ Александра (здѣсь былъ Иванъ съ женой, грязный Шабла, пріѣхавшій съ р. Губистой и двое, трое другихъ самоѣдовъ), какъ вдругъ открылась дверь и появилась самая экстраординарная фигура. У меня нѣтъ словъ, чтобы дать вамъ хоть отдаленное представленіе о паружности этого человѣка. Одинъ глазъ былъ у него большой, бѣлый и слѣпой, другой вращался, какъ будто на оси; его наклонный лобъ съ выдающимися горилло-подобными глазничными костями терялся подъ мѣховою шапкой, изъ подъ которой виднѣлись длинные клочья прямыхъ черныхъ волосъ; ротъ его, огромный и широко раскрытый, выказывалъ острый рядъ обезьяноподобныхъ зубовъ и вообще видъ его представлялъ нѣчто такое чудовищное и странное, что я безмолвно вытаращилъ на него глаза, а всѣ остальные разразились хохотомъ и закричали: „Тимофей, Тимофей“. Это былъ Тимофей съ лодки Алексѣя. Онъ оскалилъ зубы на такой пріемъ.

Онъ находился какъ бы въ услуженіи у Алексѣя и теперь посланъ былъ на берегъ, чтобы приготовить избу къ приходу хозяина. Онъ сѣлъ, ему дали водки и затѣмъ, по обыкновенію, я съ Гиландомъ стали предметомъ разговора. Тимофей! слушалъ все, что рассказывали о насъ; какъ мы потеряли свое судно, какъ мы жили съ самоѣдами и какъ мы надѣялись достигнуть Англіи, которая есть островъ, лежащій за Норвегіей, прямо по ту сторону другого моря. Онъ не дѣлалъ никакихъ замѣчаній, но, когда кончили рассказъ, онъ, помолчавъ и подумавъ немного, повернулся ко мнѣ и посмотрѣлъ мнѣ прямо въ лицо, затѣмъ грубымъ, сильнымъ голосомъ, дважды и очень медленно повторилъ слѣдующія слова: „Англія, нельзя! не можно. Англія далеко; очень, очень далеко“, и снова погрузился въ молчаніе. Было что-то въ выраженіи лица этого человѣка, что заставляло считать его помѣшаннымъ. А въ сущности онъ былъ добродушный человѣкъ. Превосходный работникъ, признанный авторитетъ по многимъ предметамъ (его считали предсказателемъ погоды), онъ былъ одною изъ тѣхъ любопытныхъ

натуръ, у которыхъ талантливость соединяется съ помраченнымъ разсудкомъ. Онъ былъ естественъ, и при этомъ произвольно естественъ, и имѣлъ любопытное вліяніе на всѣхъ самоѣдовъ. Мнѣ кажется, даже русскіе въ глубинѣ сердца боялись этого страннаго существа, потому что они всегда очень тщательно старались не обсчитывать его какънибудь.

4 сентября. Сѣверо-восточный вѣтеръ. Рѣзкій холодъ. Снѣгъ. Молодой Иванъ — „другой Иванъ“, какъ онъ самъ называлъ себя, — который долго сидѣлъ вчера у порога моей избы въ слезахъ, говоря, что русскій его умеръ, утонулъ и самъ онъ теперь раззоренъ, ворвался сегодня возбужденный ко мнѣ, схватилъ меня за руку и вскричалъ: „Мой русскій здѣсь, мой русскій“, — повторяя эти слова нѣсколько разъ, какъ бы не вѣря самому себѣ. Онъ произносилъ эти слова въ промежуткахъ между смѣхомъ и слезами, будучи въ настоящей истерикѣ. Я долженъ былъ прервать свою работу, чтобы привести его въ себя, и насилу выпроводилъ его изъ избы. Но его русскій, Алексѣй Сумароковъ, не вышелъ сегодня на берегъ. вмѣсто себя, онъ прислалъ Егора, кудряваго, тупаго самоѣда, на помощь Тимофею.

Гиландъ вернулся сегодня изъ чума Филиппа, съ наслажденіемъ правя оленями, запряженными въ сани, на которыхъ сидѣлъ грязный Шабла. Наша изба представляетъ собою сегодня далеко не комфортабельное помѣщеніе, такъ какъ въ нее набивается снѣгъ.

5 сентября. Сѣверо-восточный штормъ цѣлый день съ дождемъ и снѣгомъ. Рѣзкій холодъ. Кудрявый Егоръ пришелъ сегодня въ мою избу пьяный, съ головы до ногъ выпачканный въ жидкій иль; послѣ двукратныхъ тщетныхъ попытокъ выпроводить его отъ себя, я долженъ былъ выстрѣлить у него надъ головою, что такъ его испугало, что онъ завылъ, въ ужасѣ улепетывая отъ меня. Яковъ Поповъ передавалъ мнѣ сегодня, что карбасъ получилъ сегодня аварію, ударившись о береговые камни. Александръ, сильно обеспокоенный этимъ, сказалъ, что это вина моего болвана.

(Это былъ первый признакъ неудовольствія, развившагося впоследствии до большихъ непріятностей).

6 сентября. Восточный вѣтеръ. Нѣсколько теплѣе, хотя дождь льетъ цѣлый день. Вся площадь, на которой стоятъ наши избы, напоминаетъ теперь настоящую бойню. Стоитъ вамъ пройти немножко, какъ вы натываете на рядъ мокрыхъ сырыхъ оленьихъ шкуръ; почва пропитана кровью и покрыта оленьими внутренностями и черепами.

Сегодня мы перешли изъ избы Алексѣя въ маленькій амбаръ. Часть сырости удерживается распростертой надъ потолкомъ медвѣжьей шкурой, но все-таки дождь проникаетъ во внутрь и скамьи или наши постели совершенно мокры. Стараемся, на сколько возможно, законопатить щели. Огня нѣтъ, только надъ дверью большая дыра; доступъ въ амбаръ очень грязенъ; кишки, кровь и т. п.—у самой двери, такъ что я съ Яковомъ, входя сюда, поскользнулись и упали. Я принесъ охапку мху и устлалъ имъ порогъ, — стало немного лучше. Но запахъ невыносимъ, и я благодарю Бога, что погода не жаркая. Доски, на которыхъ устроены наши постели, поддерживаются боченками, наполненными, я не знаю чѣмъ, но только чѣмъ-то страшно вонючимъ. Между тѣмъ палатка наша все еще не высохла, такъ какъ все время идетъ дождь.

Сегодня Алексѣй Сумароковъ подвелъ на бичевѣ свой карбасъ къ берегу. Это—красивый русскій. Онъ разсказалъ мнѣ, что архангельскій губернаторъ, ѣхавшій въ іюнѣ мѣсяцѣ на Печору, былъ остановленъ льдомъ у Мезени и принужденъ былъ покинуть свое судно и отправиться сухимъ путемъ въ Пустозерскъ, откуда его привезъ Сибиряковъ на своемъ пароходѣ. (Свѣдѣнія эти впоследствии, по провѣркѣ, оказались вѣрными).

Я далъ Алексѣю остатокъ виски, сохранившейся еще въ моей фляжкѣ. Онъ нашелъ ее чудесной и долго, послѣ того какъ выпилъ, потиралъ себѣ животъ отъ удовольствія.

7 сентября. До полудня сильный сѣверный и сѣверо-восточный вѣтеръ, къ вечеру—тихо. Если не считать легкаго

уменьшенія силы вѣтра въ прошлый понедѣльникъ, то въ теченіе десяти дней у насъ продолжалась настоящая буря, — не вѣтеръ, а буря. Сегодня былъ грустный день самоѣдскаго пьянства. У нихъ считается почетнымъ хорошо выпить. Такъ какъ старый Елисѣй не могъ тронуться съ своего положенія лицомъ къ землѣ, то женщины перевернули его и влили ему водку въ горло. Были, конечно, и комичные эпизоды: наримѣръ, старуха, ползкомъ влѣзавшая на карбасъ Алексѣя.

8 сентября. До полдня тихо, послѣ полдня вѣтеръ и дождь. Карбасъ Александра, по случаю малаго прилива, осѣлъ на иль. Такимъ образомъ еще одинъ хорошій день потерянь. Люди Алексѣя перебили сегодня сотню молодыхъ оленей.

Воскресенье, 9 сентября. Солнце, дождь, снѣгъ, градъ и морозъ. Вездѣ на тундрѣ толстый снѣгъ и по краямъ залива ледяная кора. Карбасъ сегодня поставленъ на воду, но русскіе сказали, что по случаю воскресенья нельзя кончать нагрузку боченковъ; можно только убивать оленей и пить водку, что они и сдѣлали. Я ѣздилъ сегодня въ лодкѣ за кошки съ Александромъ производить наблюденія. Онъ очень заинтересовался призматическимъ компасомъ, но устройства его не понимаетъ.

10 сентября. Сильный южный вѣтеръ и снѣгъ съ морозомъ. Карбасъ Александра готовъ.

11 сентября. Южный и юго-западный вѣтеръ, морозить идетъ снѣгъ. Я провелъ нѣсколько времени на тундрѣ, дѣлая топоромъ разрѣзы мха, которые меня очень интересовали. Русскіе не хотѣли выйти сегодня въ море, такъ какъ находятъ, что нельзя трогаться въ путь въ царскій день (30 августа по стар. стилю). Проведя день въ праздности и питьѣ водки, они вечеромъ жгли боченки, наполненные тюленьимъ жиромъ, и кричали „ура“ Затѣмъ они положили пяти-фунтовую жестянку съ порохомъ въ боченокъ, который поставили на костеръ. Раздался взрывъ и горящіе куски дерева посыпались на крыши избъ, на что никто не обратилъ вниманія.

12 сентября. Вѣтеръ южный, юго-восточный и восточный. Сильнѣйшій дождь. Несмотря на усиленную борьбу съ водою, я не могъ найти въ нашемъ амбарѣ сухого мѣстечка, чтобы писать. Гиландъ чувствуетъ себя нездоровымъ, — вѣроятно отъ недостатка растительной пищи. Лѣчилъ я также и Александра, который жалуется на боли и простуду.

13 сентября. Сильный сѣверо-восточный вѣтеръ съ при-

Карбасъ А. Сумарокова.

знаками, указывающими на возможность дождя. (Слѣдуетъ замѣтить, что барометръ въ послѣдніе три дня показывалъ 757, 744, 734 и 750 мм.; эти чрезвычайныя колебанія не предвѣщали ничего хорошаго). Алексѣй, у котораго тоже былъ anerоидъ, говорилъ, что онъ не понимаетъ, почему я говорю, что погода не будетъ хорошая, между тѣмъ какъ стрѣлка его anerоида указываетъ на „ясно“. Я пробовалъ объяснить ему, какимъ образомъ указанія на погоду вычисляются по относительнымъ повышеніямъ и пониженіямъ ба-

рометра, но тщетно. Онъ всегда отвѣчалъ, что если стрѣлка указываетъ на „сыро“, должно быть сыро, если—на „ясно“, должно быть ясно, пока анероидъ не сломается.

13 сентября. Теперь оба карбаса готовы. Трюмы ихъ наполнены боченками съ оленьимъ мясомъ и тюленьимъ жиромъ (добыча зимней охоты). На нихъ положены олени и тюлени шкуры и двѣ моржовыхъ шкуры; шкуры развѣшаны также на снастяхъ для просушки. У Алексѣя карбасъ меньше, чѣмъ у Александра, но оснастка у обоихъ одинаковая. Такъ какъ въ шесть часовъ вечера мы должны были выйти, то отирались теперь уже къ выходу изъ залива. Передъ самымъ отъѣздомъ насъ посѣтили Филиппъ съ Катериной и я одѣлилъ ихъ и ихъ родителей тѣми вещами, которыя у насъ еще остались,—Ивану нашу кастрюльку (единственная кухонная утварь, которою мы обладали), Катеринѣ красный фланелевый флагъ для ея ребенка, Миколѣ топоръ и т. д. Также я далъ Каллинѣ его ножъ. Онъ былъ совершенно увѣренъ, что, такъ какъ наше судно не пришло, то онъ не получитъ ножа, и печально говорилъ объ этомъ, какъ вдругъ я вынулъ ножъ и далъ ему. Еслибъ вы видѣли, какъ измѣнилось его лицо! Мнѣ было искренно жаль расставаться съ этими добрыми друзьями, которымъ мы столькимъ обязаны, и чувство это, я думаю, раздѣлялось и ими.

„Good bye Kolguev“,—крикнулъ Александръ, когда мы тронулись. Онъ долго учился произносить эти слова у Гиланда; самъ Гиландъ крикнулъ тоже очень весело: онъ былъ ужасно радъ, что мы уѣзжаемъ. Мы всѣ были бодры. Но я очень хорошо, зналъ что мы еще не уйдемъ. По моимъ соображеніямъ, все предвѣщало дурную погоду; и лишь одинъ человѣкъ позаботился о томъ, чтобы мы еще не спѣшили. Тимофей, взобравшись на крышу каюты на кормѣ Алексѣевой лодки, оперся на руль и, въ отвѣтъ на наши радостныя восклицанія, завылъ: „Англія далеко; очень, очень далеко“.

Карбасъ былъ въ тридцать футовъ длиною, десять фу-

товъ по бимсу, почти плоскодонный и, когда былъ нагруженъ, имѣлъ осадку шесть футовъ. На кормѣ была маленькая каюта, посрединѣ которой стоялъ столъ. Съ одной стороны его помѣщались Александръ и Яковъ, съ другой — Гиландъ и я. Посрединѣ карбаса былъ трюмъ, гдѣ поверхъ боченковъ и шкуръ спали пять самоѣдовъ, которые составляли экипажъ. Здѣсь также помѣщалась старая Анька, которая, въ то время когда не варила обѣда, или шила, или забавлялась съ маленькой красной лисицей. На карбасѣ дѣлать было нечего и мы съ Гиландомъ играли въ самодѣльные карты.

14 сентября. Сѣверо-восточный вѣтеръ. Очень скверный день, безпрестанно падаетъ снѣгъ. Карбасъ сорвало съ якорей, но мы достали новый якорь и успѣли его укрѣпить, причемъ, однако, едва избѣгли столкновенія съ „Михаиломъ“ (карбасомъ Алексѣя).

15 сентября. Великолѣпный солнечный день, такъ что въ полдень я могъ сдѣлать наблюденія и исправить наши часы. Сегодня пришлось посылать на берегъ за водой и Гиландъ отправился съ лодкой. Онъ сообщилъ, что снѣгъ очень глубокъ и вокругъ избъ замѣтно много лисьихъ слѣдовъ. Сегодня Александръ сказалъ: „Въ дурной погодѣ виноватъ вашъ болванъ; бросьте его“. На это я отвѣтилъ: „Постой“.

Воскресенье, 16 сентября. Утро ясное при сильномъ вѣтрѣ, который послѣ полудня обратился въ снѣжный штормъ. Ночью свирѣпствовала буря. Теперь, когда вѣтеръ усилился, карбасъ Алексѣя сорвало съ якорей. Мы должны были послать четырехъ человѣкъ ему на помощь: его несло на насъ такъ быстро, что мы едва избѣгли столкновенія. Александръ весь день очень безпокоенъ. Онъ все говоритъ и ворчитъ на моего несчастнаго маленькаго болвана. „Если вы сожжете его, я достану вамъ много съ Тиманской тундры, — сказалъ онъ. — „Но, Тиманскій болванъ — не Колгуевскій болванъ; и лучше синица въ рукѣ, чѣмъ журавль въ небѣ“, — отвѣтилъ я ему. Но этотъ отвѣтъ не удовлетворилъ его; и русскіе, и самоѣды только и говорятъ, что о болванѣ. И

тѣ, и другіе боятся его: русскіе потому, что, будучи христіанами, они имѣютъ на своемъ суднѣ болвана; самоѣды, потому что „турокъ“ взялъ одного изъ ихъ боговъ. Дѣло въ томъ, что когда русскіе спрашивали о томъ, какую религію исповѣдуемъ мы въ Англіи, у насъ произошелъ такой разговоръ: Вы почитаете св. Николая? — Нѣтъ. — А, — значитъ вы не христіане. — Какъ же это такъ? — У васъ есть Богъ? — Да. — А Христосъ? — Конечно. — А, — сказалъ Яковъ, — значитъ вы турки.

Мой барометръ такъ ровно подымался отъ 742 мм. до 752 мм., что принимая это во вниманіе въ связи съ видомъ неба, я отважился сдѣлать предсказаніе. „Завтра“, — сказалъ я, — будетъ хорошая погода. Пусть болванъ останется. На время они этимъ удовольствовались. Но вѣтеръ пока продолжалъ дуть очень сильно и, когда я выходилъ на палубу, онъ доносилъ ко мнѣ завываніе Тимофея: Англія далеко; очень, очень далеко.

17 сентября. Тихо; туманъ. Барометръ показываетъ 754 мм. Александръ, который сжегъ сегодня много ладана, повидимому забылъ о болванѣ. Итакъ, они считаютъ маленькаго болвана отвѣтственнымъ — за бури, но не за туманы. Я приобрѣлъ репутацію хорошаго предсказателя погоды, Сегодня у меня спрашивали, можемъ ли мы отправиться завтра. Довольно рискованно предсказывать погоду на Колгуевѣ, но, желая скорѣе отправиться, въ надеждѣ во всякомъ случаѣ достигнуть какого-нибудь берега, я смѣло отвѣтилъ: „Конечно“.

18 сентября. Туманъ. Барометръ показываетъ 754 мм., но имѣетъ тенденцію къ пониженію. Съ ранняго утра до полудня, между хозяевами обоихъ карбасовъ происходилъ такой разговоръ:

Александръ. — Скверно, лампада св. Николая потухла.

Алексѣй. — Будетъ сильный вѣтеръ. Большой туманъ. Я не пойду сегодня.

Александръ. — Но мнѣ скучно. Я хочу повидаться съ же-

ной. Скверный островъ, этотъ Колгуевъ. Не приду сюда больше. Пришлю сюда сына,

Алексѣй.—Будетъ большая буря. Вѣтеръ сѣверо-восточный, а для моего карбаса нуженъ сѣверо-западный. Я не пойду. Что говоритъ англичанинъ?

Александръ.—Онъ говоритъ, что какъ онъ смекаетъ, на морѣ нѣтъ тумана. Вѣтеръ идетъ вмѣстѣ съ солнцемъ. Если вѣтеръ сѣверо-западный, мы должны пойти быстро.

Алексѣй.—Онъ говоритъ это?

Александръ.—Какъ?—не слышу.

Алексѣй.—Онъ го-во-ритъ э-то?

Александръ.—Что—это?

Такъ они кричали, пока не охрипли и, наконецъ, спустились оба на палубу, чтобы посовѣтоваться каждому со своими самоѣдами. Но вотъ они опять вышли и снова повели разговоръ.

Алексѣй.—Гдѣ англичанинъ?

Александръ.—Въ каютѣ.

Алексѣй.—Мнѣ нужно его видѣть.

Александръ.—Онъ пишетъ.

Алексѣй.—А, вѣчно пишетъ. (Они смотрѣли на мое писанье, какъ на одинъ изъ моихъ крупныхъ недостатковъ). Что же онъ сказалъ?

Александръ.—Если вы не пойдете сегодня, вы не выберетесь отсюда совсѣмъ.

Алексѣй.—Ну, а его болванъ? Въ прошломъ году Большаковъ имѣлъ на лодкѣ болвана и лодка потонула. Ты знаешь это?

Александръ.—Знаю. Но онъ не сжигаетъ его, хотя я ему много говорилъ объ этомъ.

Алексѣй.—Но мой барометръ идетъ внизъ. Что говоритъ онъ объ этомъ?

Александръ.—Онъ говоритъ, что его—тоже, но что это ничего не значитъ, потому что онъ опускается медленно. Онъ говоритъ, что барометръ долженъ идти вверхъ или внизъ, если въ воздухѣ не спокойно.

Алексѣй.—Онъ говорить это? Правильно сказано.

И такъ далѣе, сто разъ одно и то же. Можете вы представить, какъ я смѣялся надо всей этой болтовней, сидя въ каютѣ? Но я не чувствовалъ себя счастливымъ, хотя рѣшилъ, если удастся, заставить ихъ выйти сегодня. Я зналъ, что если они отправятся по моему совѣту и, если затѣмъ старые карбасы попадутъ въ затруднительное положеніе, я окажусь въ положеніи пророка Іоны. Но я рѣшился. Поэтому, когда Александръ вошелъ ко мнѣ въ каюту, и сказалъ, что его двоюродный братъ не хочетъ идти, а что онъ не можетъ идти безъ него,—что я думаю объ этомъ? Я посмотрѣлъ ему въ лицо и сказалъ слѣдующее: „Александръ Сумароковъ, я нахожу, что вы глупы. Вы говорите, что вамъ всегда удавалось выждать погоды и что вы не помните, чтобы когда-нибудь зима наступала такъ рано, какъ нынче. Но что же дѣлать, если она наступила? Если вы не пойдете теперь,—а теперь у васъ есть вѣтеръ, который позволяетъ вамъ быстро совершить эту маленькую поѣздку,—вы можете попасть въ западню. Почему вы знаете, что послѣ сегодняшняго дня не начнется десяти-дневный восточный вѣтеръ, какъ было это до сихъ поръ? Ваша жена дорого поплатится изъ-за васъ.“

Онъ присѣлъ, какъ пораженный громомъ. Внезапно имъ овладѣла рѣшимость; онъ выскочилъ на палубу и крикнулъ своему двоюродному брату, что съ нимъ, или безъ него, но онъ поидетъ. Тогда и Алексѣй согласился, потому что онъ не хотѣлъ оставаться одинъ. Затѣмъ Александръ созвалъ весь экипажъ въ маленькую каюту, гдѣ они скучились, какъ сельди въ боченкѣ (онъ выгналъ бѣдную старую Аньку, „потому,—говорилъ онъ,—что она женщина“) и сталъ читать молитву за молитвой передъ иконой св. Николая, причемъ накадилъ ладаномъ такъ сильно, что бѣдные самоѣды начали чихать и кашлять. Послѣ этого всѣ они вышли на палубу съ криками: „Ѣдемъ, Ѣдемъ“, но Александръ еще разъ обнаружилъ свою нерѣшительность. Какъ онъ войдетъ въ Тиманскій Шаръ ночью? — „Вы должны по-

стараться войти туда ночью“, — отвѣтилъ я; — „но вы должны бы имѣть въ такихъ мѣстахъ фонари, какъ дѣлаемъ мы въ Англіи“. На это Яковъ сказалъ: „Онъ теперь испугался; онъ говоритъ, что фонарь долженъ быть“.

Наконецъ, мы подняли якорь и тронулись, одинъ позади другого. На барѣ мы нашли восемь футовъ глубины и благополучно прошли черезъ него. Очень скоро мы вышли изъ тумана, который, какъ облачный покровъ, нависъ надъ островомъ. Колгуевъ остался позади насъ. Колгуевъ, съ его сердечными людьми и его варварскими противорѣчіями, съ его многочисленными удовольствіями и многочисленными неудобствами, съ его безлѣсными пустынями и его обиліемъ птицъ, съ его оленями, съ его санями, съ его беззаботнымъ существованіемъ, — все это прошло.

Теперь дѣйствительно настало время сказать: „Прощай Колгуевъ!“

На переходъ отъ Колгуева до ближайшей на материкѣ губы Колоколковой потребовалось $19\frac{1}{2}$ часовъ. Во время этого переѣзда снова былъ возбужденъ вопросъ о „болванѣ“. Лампадка, теплившаяся въ каютѣ предъ иконой св. Николая Чудотворца, пскровителя мореходовъ, поминутно тухла, вѣроятно, вслѣдствіе того, что деревянное масло застывало отъ мороза. Но не такъ думалъ Александръ Сумароковъ: „Подъ самой иконой Чудотворца лежитъ вашъ „болванъ“ Святому это не нравится. И оттого лампада гаснетъ“. Вмѣстѣ съ Яковомъ Поповымъ, Сумароковъ сдѣлалъ попытку вытащить болвана изъ моего сундука, но я во время успѣлъ ихъ предупредить, спрятавъ болвана къ себѣ въ карманъ. Въ губѣ Колоколковой мы, вслѣдствіе противныхъ вѣтровъ, простояли шесть дней. Высадившись затѣмъ на берегъ и проведя на немъ три дня, мы продолжали путь до г. Окшина на р. Печорѣ. Отъ Окшина мы направились вверхъ по рѣкѣ до Усть-Цыльмы, оттуда сухимъ путемъ до Архангельска, отъ Архангельска на саняхъ до Вологды, а затѣмъ

по желѣзной дорогѣ въ Москву. Изъ Москвы я отослалъ Гиланда домой черезъ Ригу, а самъ заѣхалъ въ Петербургъ для посѣщенія Петропавловскаго собора, гдѣ въ то время было выставлено на поклоненіе народу тѣло въ Божѣ почившаго Императора Александра III. Изъ Петербурга я направился прямо въ Англію, куда прибылъ 19 ноября.

Разсказывать подробно объ этомъ моемъ путешествіи по сѣверной Россіи значило бы писать новую книгу о бытѣ поморовъ и материковыхъ самоѣдовъ. Это не входитъ пока въ мои намѣренія. Цѣль моя была описать Колгуевъ въ томъ видѣ, въ какомъ я его нашелъ, и если у читателя осталась послѣ прочтенія моей книги болѣе или менѣе ясная картина этого интереснаго полярнаго острова, я почту себя счастливымъ.

Кабинет Севера
Обл. Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Предисловіе	3
I. Нѣсколько словъ объ изслѣдованіи Колгуева.—Экспедиція Тревора-Бетти.—Исторія путешествій на этотъ островъ.—Разказы поморовъ о Колгуевѣ и его обита- теляхъ.—Охота на пернатую дичь и рыбная ловля. . .	5
II. Научные результаты поѣздки Тревора-Бетти.—Устройство поверхности Колгуева.—Почва и климатъ его	18
III. Путешествіе Тревора-Бетти съ товарищами на яхтѣ «Саксо- нецъ».—Первые дни плаванія вблизи береговъ Кол- гуева.—Полярный ледъ.—Первое впечатлѣніе о Кол- гуевѣ.—Вдоль береговъ его.—На берегу.—Фауна и флора.—Наносный лѣсъ.—Измѣреніе температуры.— Окончательная высадка	24
IV. Устройство палатки.—Таинственный стрѣлокъ.—По снѣ- гамъ.—Нѣсколько замѣчаній о птицахъ Колгуева.— Слѣды людей.—Ближайшее знакомство съ птицами острова.	48
V. Дальнѣйшіе поиски самоѣдовъ.—Подорожники.—Первые опыты повареннаго искусства.—Жара и холодъ по- лярнаго лѣта.—Москиты.—Нравы чаекъ	68
VI. Неожиданное открытіе.—Первые люди, открытые на пути.— Туманъ.—Нѣсколько словъ о замѣчательной способ- ности дикарей угадывать дорогу.—Въ самоѣдскомъ чумѣ.—Иванъ и его семья.—Самоѣдская красавица.— Самоѣдская обстановка.—Ближайшее знакомство съ самоѣдами	78
VII. Знакомство Тревора-Бетти съ самоѣдскимъ языкомъ.— Споръ съ самоѣдами изъ-за губернаторской бумаги.— Путешествіе на оленяхъ.—Еще о бытѣ самоѣдовъ. . .	91
VIII. Какъ ѣдятъ самоѣды.—Чумъ и сани.—Собаки.—Самоѣд- ская жизнь.—Новые знакомые.—Въ лодкахъ	102
IX. Становой Шарокъ.—Снова одни.—Забытая часовня.—Ла- герная жизнь.—Охота и наблюденія.—Пріѣздъ само- ѣдовъ	120

	стр.
X. Новые знакомцы.—Охота на гусей.—Добродушіе само- ѣдовъ.—Совмѣстная жизнь съ ними.—Восхищеніе са- моѣдовъ цвѣтами.	133
XI. Москиты.—Путешествіе въ лодкахъ.—Бѣдныя женщины.— Лѣтнія палатки.—Снова въ Шаркѣ.—Жизнь Робинзо- новъ.—Въ ожиданіи «Саксонца» или русскихъ	149
XII. Стрѣльба изъ луковъ.—Способность самоѣдовъ къ разви- тію.—Охота на оленей.—Комическое недоразумѣніе.— Дѣти природы.—Кочевка вмѣстѣ съ самоѣдами	165
XIII. Первые вѣсти о русскихъ.—Купецъ А. Сумароковъ.— Исторія Сумароковыхъ.—Посѣщеніе горъ Совандэй и Сичерхуръ.—Братья Большаковы.—Самоѣдскіе болваны	183
XIV. Посѣщеніе «болванной» горы.—Кража болвана.—Пріѣздъ Алексѣя Сумарокова.—Царскій праздникъ.—Недору- мѣнія изъ-за болвана.—Отъѣздъ съ Колгуева.—Возвра- щеніе экспедиціи домой	197

Кабинет Севера
Обр. Енисейски
им. А. Н. Заролюбова

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ П. П. СОЙКИНА.

ВЪ НЕВѢДОМЫХЪ МІРАХЪ.

НЕОБЫКНОВЕННЫЯ ПРИКЛЮЧЕНІЯ РУССКАГО УЧЕНАГО.

Астрономическій романъ въ 2-хъ томахъ.

Соч. Ле-Форъ и Графиньи, съ предисловіемъ Камилла Фламмаріона.

Перевелъ В. Семеновъ. Изданіе 2-е.

Каждый томъ заключаетъ до 400 стр. текста и до 150 рисунковъ въ художественно исполненныхъ Н. Н. Каразинымъ обложкахъ.

ТОМЪ I. ПУТЕШЕСТВІЕ НА ЛУНУ. || ТОМЪ II. ВОКРУГЪ СОЛНЦА.

Каждый томъ представляетъ вполне законченный романъ.

Цѣна cadaго тома въ обложкѣ 2 руб., съ перес.

Въ предисловіи къ этому роману извѣстный астрономъ и популяризаторъ К. Фламмаріонъ говоритъ слѣдующее: Я не только вполне одобряю изданіе «Необыкновенныхъ приключеній русскаго ученаго», но и отъ души желаю ему успѣха среди публики. Теперь астрономія перестала быть недоступной для непосвященныхъ наукой; теперь она вышла изъ области сухихъ цифръ и сдѣлалась живою наукою, имѣющею для насъ громадное значеніе безъ нея мы были бы слѣпцами среди безконечной вселенной! Ни одно разумное бытіе, ни одна интеллигентная душа не можетъ теперь оставаться чуждою великихъ открытій астрономіи, открытій, заставляющихъ насъ воочию видѣть грандіозныя картины вселенной и проникать въ самыя сокровенныя тайны! Конечно, «Необыкновенныя приключенія русскаго ученаго» — не первый астрономическій романъ. Много такихъ романовъ появлялось и въ прежнее время. Но всѣ они основывались исключительно на одной фантазіи. Романъ же «Въ невѣдомыхъ мірахъ» сообщаетъ, подъ увлекательной фавбулой, факты, основанные на послѣднихъ данныхъ астрономической науки, чѣмъ онъ рѣзко отличается среди множества ему подобныхъ. Мы знаемъ, что изученіе вселенной производитъ на всѣхъ, отдающихся ему, глубокое и плѣнительное впечатлѣніе. Испытываешь высшее наслажденіе, уносясь на крыльяхъ воображенія къ этимъ безконечнымъ мірамъ, которые раскинуты по необъятному пространству, къ этимъ кометамъ, таинственнымъ странницамъ, къ звѣздамъ, мерцающимъ въ волшебной синевѣ неба.

Сколько вопросовъ представляется тутъ для разрѣшенія въ этомъ полетѣ по безграничному пространству! Каковы причины измѣненій, происшедшихъ на поверхности луны? Что это за широкія кольца, опоясывающія Юпитеръ? Откуда явились таинственные каналы, прорѣзывающіе Марсъ? Каково физическое состояніе этихъ туманностей, затерянныхъ въ глубинѣ небесъ? Какіе міры, какіе человечества освѣщаются рубиновыми, изумрудными и сапфировыми солнцами, которые составляютъ систему двойныхъ звѣздъ? — Всѣ эти интересные вопросы ждуть своего разрѣшенія. — Чтеніе «Необыкновенныхъ приключеній русскаго ученаго» и привлекательно, и глубоко поучительно для читателей всѣхъ возрастовъ.

Съ тѣбованіями обращаться въ книжный складъ П. П. Сойкина:

С-Петербургъ, Стремянная, общ. д. № 12.

Поступили въ продажу новыя изданія П. П. Сойкина:

Сочиненія д-ра А. В. Елисеѣва „ПО БѢЛУ-СВѢТУ“

Очерки и картины изъ путешествій въ три части Старого Свѣта. Роскошное изданіе въ 4-ю долю листа. Каждый томъ содержитъ до 380 стр. текста и около 400 оригинальныхъ рисунковъ художниковъ: академика В. Г. Казанцева, Н. Н. Каразина, проф. А. Д. Кившенко, В. П. Овсяникова, А. А. Писемскаго, С. К. Піотровича, Ѳ. П. Рязненченко, Е. П. Самокишъ-Судковской, академ. Н. С. Самокишъ, Э. К. Соколовскаго и А. А. Чикина.

Томъ I, II и III поступили въ продажу (томъ IV печатается).

Цѣна каждого тома 3 р., въ переплетѣ 4 р.

Томъ I и II одобрены Ученымъ Комитетомъ М-ва Нар. Просв. для учебныхъ (старш. возраста) библиотекъ и для раздачи воспитанникамъ старшихъ классовъ средне-учебн. заведеній въ видѣ награды; рекомендованы Главн. Штабомъ для приобрѣтенія въ офицерскія библиотеки.

Каждый томъ сочин. д-ра Елисеѣва представляетъ самостоятельное цѣлое

Басни Лафонтена

въ переводахъ: Крылова, Измайлова, Дмитріева, Хемницера, Коринфскаго, Лихачева и др. Роскошное изданіе, въ 4-ю долю листа, 80 стр. текста, съ рисунками Г. Дорэ, съ біографіей и портретомъ Ж. де-Лафонтена. Цѣна 1 руб.

ОТЗЫВЫ ПЕРІОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ:

«Образованіе».—Предпринятое г. Сойкинымъ новое изданіе басенъ Лафонтена съ интересомъ будетъ встрѣчено цѣнителями классическаго баснописца. Изданіе сдѣлано изящно, выборъ переводовъ удачный, а иллюстраціи Дорэ представляютъ художественное дополненіе къ тексту.

«Екатер. Недѣля».—Эта изящно изданная книжка, хорошій подарокъ для дѣтей: 55 басенъ Лафонтена, переведенныхъ на русскій языкъ Крыловымъ, Дмитріевымъ, Хемницеромъ, Измайловымъ и др., снабжены красивой виньеткой, а нѣкоторыя отдѣльными рисунками Густава Дорэ. Къ книгѣ приложенъ портретъ знаменитаго французскаго баснописца и его біографія. Цѣна 1 руб. очень не высока и это, конечно, послужитъ широкому распространенію книгъ.

«Развѣдчикъ».—Въ изданіи имѣется нѣсколько басенъ мало извѣстныхъ. вслѣдствіе этого, а также благодаря порядочнымъ рисункамъ, книга перелстывается съ интересомъ.

„ВЪ НЕВѢДОМЫХЪ МІРАХЪ“

Астрономическій романъ русскаго ученаго.

Соч. Ле-Форъ и Графиньи, съ предисловіемъ Камилла Фламмаріона, обработанъ В. Семеновъ. Въ художественно-исполненной Н. Н. Каразинымъ обложкѣ, до 300 иллюстрацій, въ 2-хъ томахъ. Изданіе 2-е. Цѣна за оба тома въ обложкѣ 4 руб., въ папкѣ 5 руб.

Т. I. ПУТЕШЕСТВІЕ НА ЛУНУ.

Т. II. ВОКРУГЪ СОЛНЦА.

432 стр. съ 145 рис. Ц. 2 р.; въ папкѣ 2 р. 50 к.

338 стр. съ 150 рис. Ц. 2 р. въ папкѣ 2 р. 50 к.

Каждый томъ представляетъ самостоятельный, вполне законченный романъ.

